

Рашид

Али и Разум

18+

Рашид Исаевич Хадукаев

Али и Разум

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43469621

SelfPub; 2019

Аннотация

Война лишила Али всего родного – и даже простого безмятежного детства. Трагическое одиночество приучило его к глубокому созерцательному взгляду. Он находится в постоянном процессе поиска и пытается понять, в чем его призвание, в чем смысл и цель его жизни; ему хочется постигнуть тайны людских мотивов и поступков. И в один прекрасный день в нем открывается невероятная способность, помогающая ему разобраться в себе и остальных.

Али и Разум

1

Тускло освещая комнату и нарушая царящее в ней безмолвие, на смартфоне заиграла мелодия. Али резко открыл глаза, и только спустя секунды его Разум смог оценить реальность. Мелодия была сигналом будильника, поставленного им на 6:30. Быстро вскочив с постели, он подбежал к стулу в дальнем углу комнаты – поставленного им вдали от кровати с той целью, чтобы, преодолевая путь до будильника, окончательно прогнать остатки сна, – взял телефон и отключил противный звук. Вернувшись обратно к постели, он сел и с серьезно-задумчивым видом начал вспоминать свой сон. Ничего толком не вспомнив, Али пошел в ванную, умылся, сделал ритуальное омовение, вышел, встал на молитвенный коврик и помолился.

Али вот уже как третий год проживает один в московской однокомнатной квартире, расположенной на седьмом этаже десятиэтажного дома. Учится же он – по настоянию дяди – на ненавистном ему экономическом факультете одного из столичных университетов и четвертый год подряд посещает, слушает и заучивает нелюбимые лекции. Самого же его больше притягивают науки иного порядка, в частности, философия, психология и история. Поэтому часть времени он посвящает учебным дисциплинам, а часть – интересным. В иных же случаях, в минуты жажды отдушины от строгих дум, он берется за художественные произведения.

Все его расходы, включая учебу, оплачивает дядя– Исмаил, проживающий здесь же, в Москве, и опекающий его с того самого момента, как он переехал в столицу России лет шесть тому назад.

До рассвета оставалось еще примерно час времени. С тех пор как Али поселился в этой квартирке, он неизменно следует графику, им же самим составленному. Так, согласно его суточному расписанию, после утренней молитвы он должен посвятить чтению книг от одного до двух – двух с половиной часов, в зависимости от времени года. В основном утренними книгами были философия, психология и история; и лишь в редких случаях – во время сессии – эти книги заменялись на учебные.

Али прошел на кухню и, через некоторое время, вернулся с чашкой кофе в руке к своим книгам. Раскрыв одну из них, он погрузился в чтение, временами потягивая бодрящий напиток. Пока он читал, сумерки за окном незаметно рассеялись и с улицы начали доноситься звуки городского оживления. Когда он оторвался от книги, то заметил перед собой пустую чашку с небольшим остатком давно остывшего кофе и светлый проем окна. Али взглянул на часы. Полтора часа пролетели незаметно. Закрыв книгу, он выключил свет и, слегка позавтракав, пробежался по учебным лекциям, после чего оделся и вышел. На дворе стояла свежая, морозная московская зима. Пройдя пешком десять минут, Али скрылся под землей – в метро. Проехав несколько станций,

он вынырнул и вскоре достиг храма науки. Зайдя в аудиторию, он прошелся между полупустыми рядами и сел за четвертой партой. До начала занятий оставалось десять минут.

Али был человеком, склонным к глубоким размышлениям, мечтам, анализу, обдумыванию всевозможных жизненных ситуаций, сюжетов прочитанных книг, услышанных рассказов. В его голове постоянно происходила какая-то операция, какой-то сложный внутренний процесс, который он и сам не всегда был в состоянии понять. Находясь среди людей, он любил наблюдать за ними, за их жестами, мимикой, повадками, вникать в смысл ими произносимых слов и всеми этими наблюдениями определять характерные особенности людей; он хотел угадать человека и понять мотивы его поступков. Али находился в состоянии непрерывного анализа окружающей действительности, в ходе которого он пытался уловить некую всеобщую особенность человека, выявить самое ядро его интересов и психических особенностей. Он буквально был подвержен какой-то жажде познания людей и жизни, желанию понять, что ими движет в их устремлениях, словно хотел вывести некую общую формулу человеческой природы. Эта страсть, бессознательно зарождавшаяся в нем в годы военного детства, по мере его взросления принимала формы необъяснимой осознанности. И чем больше он в этом постигал, тем сложнее ему казалась загадка человека.

Вот и сейчас, как почти каждый день, он был занят этой внутренней работой. За годы учебы Али довольно хорошо

успел узнать и изучить своих согруппников. Слева, у окна, сидели две подруги, Оля и Вика; постоянно веселые, они шушукались вместе, а потом громко хохотали, разливая в аудитории атмосферу, которая на лицах одних вызывала раздражение, других – непонимание или забавную ухмылку. В них не было ничего примечательного, и Али не стал применять в отношении них свои когнитивные способности. За второй партой в среднем ряду сидели Наташа и Андрей, наполовину повернувшись к задней, третьей парте, которая, в свою очередь, была занята Верой и Катей. Вся эта четверка походила на душевных близнецов, с типичными тривиальными интересами и взглядами на жизнь. Был еще парень Виталий – самый тихий и нелюдимый студент всей группы, если не сказать всего университета. В своей казавшейся болезненной замкнутости он был как не отмира сего. Никто не замечал ни его отсутствия, ни присутствия. Он был для Али (который, кстати сказать, и сам не отличался особой сговорчивостью) интересен дольше всех, но, однако, спустя некоторое время его интерес к нему тоже пропал, как и ко всем остальным. Однако в группе был один объект, вызвавший у Али познавательное возбуждение интеллекта, появившийся дня три тому назад. Это была новенькая, Аня, вышедшая из академического отпуска, взятого ею в прошлом году в другой группе. Она пока была молчаливой, и иметь о ней какое-либо представление было весьма затруднительно. Подперев ладонью голову, Али начал наблюдать за ней сзади. Объект его

интереса сидел за второй партой справа, в то время как Али – за четвертой в среднем ряду, и поэтому он видел лишь ее затылок и часть левой щеки. Время от времени, когда Аня, оторвавшись от телефона, поворачивалась к группе, ему открывался весь ее левый профиль.

Тем временем в аудитории звучали слова настолько привычные, что уже казались такими же естественными, как и шум легкого дождя, и от этого было ощущение, что там тихо. Время от времени открывалась дверь и кто-то из группы со словами «Привет!» заходил в аудиторию и опускался на стул за одной из парт. В беседах приглушенно звучали слова «... новые туфли...», «... купила...», «... телефон...», «... фильм...», «... я был...», «... я ходила...» и так далее, и все это сопровождалось несмешными шутками и невеселым смехом. За две минуты до начала занятий в аудиторию зашел взрослый мужчина советско-профессорского вида, поставил сумку на стол, после чего сам грузно опустился на стул. Это был преподаватель по истории экономики. Затем он раскрыл свою папку, чуть покопался в ней, после чего снова закрыл, так ничего и не взяв.

– Итак, – сказал он, окинув аудиторию заумным взглядом, – сегодня очень важная лекция, которая пригодится вам на экзаменах. Так что, надеюсь, отсутствующих нет. Все пришли?

Взращенный советской дисциплиной, он не мог этого не спросить. Однако, не получив ответа на свой вопрос (студен-

ты-то выросли в пространстве постсоветском), обращенный ни к кому конкретно, он решил сузить круг ответственности за ответ на свой вопрос, и спросил:

– Где староста?

– Я здесь, – откликнулась Юля и сразу же, поняв, что от нее требуется, как школьница, доложила:

– Отсутствуют Алексеева и Сидоров. Алексеева болеет, а Сидоров сказал, что задержится на полчаса.

Андрей Сергеевич недовольно пробормотал что-то в ответ и начал говорить о новой теме. С напускной важностью старых университетских преподавателей, которая призвана ежеминутно напоминать «глупым» студентам их личное над ними превосходство, он начал читать лекцию.

Он расхаживал по аудитории то влево-вправо поперек доски, то по рядам парт и монотонным голосом спокойно раскрывал содержание темы. Али сидел, подперев ладонью голову таким образом, что кончики слегка раздвинутых пальцев левой руки касались его левого виска. Он все еще рассматривал новенькую, которая копалась в телефоне.

И вдруг в этот самый момент он четко услышал, как кто-то сказал: «Да ладно, тоже мне, нашел проблему». Али резко выпрямился и стал, вертя головой, оглядываться вокруг – и даже назад посмотрел, хоть и знал, что позади него никого нет. Успокоив себя тем, что ему это всего лишь почудилось, он вернулся к своему прежнему состоянию.

Мысли, протяженность лекции и монотонный голос, с ко-

торым она читалась – все это спустя некоторое время усыпляюще подействовало на него. То его веки опускались, то поднимались, то он проваливался в сон и оказывался в каких-то странных местах, то возвращался в реальность, в аудиторию со студентами и читающим нудную лекцию пожилым человеком. И вот в очередной раз, закрыв глаза и пока еще находясь в промежуточном состоянии полубытья, когда сознание медленно и незаметно уступает бессознательному – сну, ранее звучавший голос спокойно начал говорить: «Ее внешний вид, манера сидеть и черты лица явно свидетельствуют о том, что она не обременена интеллектом». Как только Али открыл глаза, голос умолк. И он снова стал настороженно озираться вокруг. Но на этот раз он был не так сильно озадачен, как десять минут назад, потому что теперь это уже можно было списать на голос из сна.

Взглянув на новенькую еще разок, он, как ранее, навалился на руку и закрыл глаза. Минуту спустя знакомый голос быстро выпалил: «Сидит, наверное, в одной из соцсетей и читает глупые статусы или не менее глупые сообщения. Она воплощение современной молодежной банальности. Не занимай меня вещами бессмысленными».

Али вздрогнул, открыл глаза и вновь стал рассеянно оглядываться по сторонам. Голос, как и прежде, умолк, как только он пришел в себя. В этот момент прозвенел звонок – пара закончилась. С трудом просидев еще две пары, но уже без «голоса», Али вышел на улицу.

Стоя перед зданием университета, он думал, куда ему податься. У него был обычный выбор из трех пунктов:

Пойти домой, покушать, отдохнуть и взяться за книги.

Погулять и посидеть в парке, по пути перекусив в какой-нибудь закусочной.

Встретиться с друзьями.

Пока он стоял и думал, решение само пришло в пользу более редкого, третьего пункта. Ему позвонил Тимур и предложил приехать в торгово-развлекательный комплекс «Европейский», сказав, что Умар тоже сидит рядом с ним.

Али, Умар и Тимур – это представители трех разных категорий молодых чеченцев, проживающих в Москве. Чтобы узнать, что есть такие категории, Али понадобилось некоторое время, когда он впервые попал в этот мегаполис.

Когда он только приехал в Москву, а случилось это, как уже было упомянуто выше, лет шесть тому назад, он попал в среду беспечных подростков с узким кругом интересов и нехитрым образом жизни. Вначале это в нем вызвало удивление и даже какое-то резкое отторжение. То, что он видел здесь, разительно отличалось от всего, что он знал доселе. Его представление о жизни, времени, людях – все было другим, нежели здесь. И все же он понемногу привык, а спустя какое-то время начальная контрастность для него и вовсе исчезла. Однако на исходе второго года столичной жизни и накануне своего студенчества обычная жизнь московского подростка ему наскучила: он окончательно понял, что это не

его. Тогда Али записался в спортивную секцию. В спортзале встретился и подружился со многими земляками-чеченцами. Это были правильные ребята. И правильность их заключалась в том, что они не употребляли алкогольные напитки, не курили, занимались спортом и регулярно по пятницам ходили в мечеть. Али понял, что это и является его кругом. Он быстро подстроил свой образ жизни под их, и легко вошел в колею столичной жизни в новом качестве.

Потом, чуть позже, он сблизился с еще одной прослойкой своих земляков. Это так называемые «бродяги», приехавшие покорять Москву. То были истинные представители «потерянного поколения» конца XX века, детство которых, как и детство самого Али, застряло в вакууме между двумя российско-чеченскими войнами. Многие из них, впервые приехав в Москву, начинали с работ на стройплощадках. Но затем перед их взорами открывалась другая жизнь, жизнь достатка и роскоши, что бесстыдно и заманчиво демонстрировалось повсеместно дорогими машинами на проезжих частях, элитными ресторанами, ночными клубами и бесконечными рассказами и легендами, повествующими о том, как легко и просто всего этого достичь. На этом фоне будущие бродяги считали свое горское достоинство ущемленным и начинали испытывать презрение к тому, чем они занимались, — к стройке, параллельно с этим убеждаясь в мысли, что в этом мегаполисе и среди этого общества не составит особого труда быстро и легко разбогатеть, ведь здесь везде кру-

тятся большие деньги.

Это поколение пережило две войны, оно закалено страхом, смертью близких, лишениями. В то время, когда их сверстники в других городах и странах игрались водяными пистолетами, они уже имели опыт стрельбы из боевых автоматов и пистолетов, а их ранней забавой были игры с боеприпасами, которые они находили в блиндажах и городских руинах после войн. Также все еще были свежи на слуху легенды о былом могуществе чеченской мафии в Москве в начале «лихих девяностых».

Основной вид деятельности бродяг – отбивание долгов, «крышевание», вымогательство, грабеж. Кража среди них, особенно мелкая, считается делом низким и даже постыдным. Но также не возбраняются и законные способы наживы, если такие имеются. Подобные занятия на территории государства, бомбы которого падали на их дома годами, унеся жизни их родственников и знакомых, не казались их Разуму и морали, еще в детстве испытанным горестными войнами, чем-то предосудительным.

В результате Али подружился с некоторыми из этих ребят. Несколько раз в качестве вызванного помощника участвовал в стычках, в которых «заработал» перелом двух ребер, многократно разбитое лицо и несколько посещений отдела полиции, тогда еще именовавшейся милицией.

Однажды, после того как дядя в очередной раз приехал за ним и забрал его из «обезьянника», как именуют в наро-

де следственный изолятор, они сели в машину и выехали из участка, влившись в бесчисленные потоки машин. Али чувствовал себя очень неловко перед дядей Исмаилом. И то, что Исмаил не проронил ни единого слова с момента их встречи, лишь усиливало неловкость момента. Машина остановилась напротив одного из элитных московских ресторанов. «Выходи», – сказал сухо Исмаил и вышел из машины. Али последовал за ним.

День был будничным, а час – довольно поздним, и поэтому внутри было мало народу. Они сели за дальним столиком возле окна. За окном мерцали густо светящиеся фонари движущихся машин, что вместе с фонарными столбами рассеивали тьму ночи. Томительное молчание и недовольно-серьезное выражение лица дяди все еще пребывали в неизменности.

Исмаил был человеком справедливым и добрым той сдержанной добротой, которая проявляется без игривой мягкости. Такие люди имеют обыкновение проявлять акт заботы в той строгой форме, в какой иные – акт наказания. Если Исмаил, протягивая тебе деньги, говорит: «Бери», то это выглядит так же, как если бы грабитель, наставив на тебя пистолет, сказал бы: «Гони бабки». И ты в той же мере не можешь отказать первому, как и второму. Но ты всегда уважаешь личность, оказывающую по отношению к тебе ту заботливую строгость, которая не терпит возражений, когда речь идет о твоём благополучии, и понимаешь, что за его твер-

дой оболочкой суровости скрывается нежная любовь. Подобных людей, испытывая перед ними благоговейный страх, как правило, и любят, и уважают. И именно такие чувства, чувства почтительного трепета и благодарности, испытывал к дяде Али. К тому же авторитет Исмаилу придавало и его прошлое, о котором Али узнал здесь от посторонних людей. Исмаил был не последней фигурой в системе чеченской мафии в начале девяностых. Но, однако, его участие в мафиозных структурах, как говорят, было коротким. Он, воспользовавшись подвернувшимся случаем, быстро перешел на легальный бизнес. И все почтенные люди, которые пересекались с ним в деловых путях, имели сказать о нем лишь похвальное слово.

Спустя некоторое время подошла официантка с двумя папками меню, разложила их перед каждым из них и удалилась. Исмаил взял меню, развернул его и, как-то небрежно просматривая наименования различных блюд, строго сказал:

– Возьми и выбери себе что-нибудь.

– Спасибо, я не голоден, – робко ответил Али.

– Бери, бери! Ты ведь там провел восемь часов. Не думаю, что менты тебя хорошо кормили, если вообще кормили, – спокойно сказал Исмаил, не отрывая глаза от меню.

Али послушно взял папку, прошелся по нему глазами, закрыл и положил обратно.

– Выбрал? – спросил Исмаил.

– Да.

– Хорошо. И что же?

– Кофе и штрудель.

– Гм! Ну ладно.

Исмаил подозвал официантку и, когда она, держа в руке небольшой блокнот и ручку, подошла, сказал:

– Принесите нам, пожалуйста, вот это. – Он провел пальцем по странице меню сверху до половины листка, потом перекинул страницу и, так же проведя пальцем с середины до самого конца по названиями блюд, сказал: – И это.

– Извините, – непонимающе сказала официантка, вам...

– Да, – вежливо прервал ее Исмаил, – принести нам, пожалуйста, все, что у вас есть из того, на что я вам только что указал.

– Хорошо, – сказала официантка, сделала пару заметок в своем блокноте и начала удаляться.

– И да, – обратился к ней Исмаил и, когда та приостановилась и повернулась, сказал: – Принести по мере приготовления. Мы очень голодны.

– Хорошо, – сказала официантка еще раз и ушла.

Минут пять без движения и слов понаблюдав улицу через витрину ресторана, Исмаил, не отводя взгляда от стекла, спокойно начал говорить.

– В тысяча девятьсот шестьдесят третьем году, когда я родился, прошло уже шесть лет с того времени, как нам было позволено вернуться на родину из ссылки, куда, как ты знаешь, зимой сорок четвертого по приказу Сталина сослали

весь наш народ. А твой отец родился в ссылке, и, когда мы вернулись, ему шел восьмой год. За те тринадцать лет нашего отсутствия на родной земле многие дома чеченцев были заселены русскими и представителями некоторых других национальностей. Ведь Сталин не намеревался позволить нам вернуться через тринадцать лет. Да он и не позволил бы, если бы дожил. Многие по возвращении обнаруживали в своих домах семьи, которые считали, что это уже их дома. Происходили стычки, ссоры и даже убийства. Многих, конечно, все же выгнали. Но у нашей семьи была другая ситуация. Во время выселения у отца в качестве дома было небольшое жалкое строение из глиняных кирпичей. Жилище это было настолько невзрачным, что туда никто и не стал заселяться. И за тринадцать лет заброшенности оно почти совсем развалилось. Когда наша семья вернулась домой, нашим с тобой отцам приходилось ездить в лес, срубать деревья, точить, пилить и использовать их для строительства дома. Помогала им в этом только мать. Пока длилось это строительство, их настигла зима, к концу которой они и завершили постройку подобия дома, в котором позже появлялись на свет, жили и росли Идрис, Зулихан и я.

Твой отец был приучен к трудностям с раннего детства. А я был лентяем...наверное, потому, что мне не довелось так страдать, да и берегли меня, как младшего. И берег, в первую очередь, твой отец. Он умел беречь всех, кроме себя самого. Он был из той породы трудящихся и добродушных

– хоть характер у него и был тяжелый – людей, постоянно заботящихся о благополучии своих близких и родных, а сами безропотно проживающих нелегкую жизнь. А я был из той породы, которым все доставалось слишком легко и которые поэтому считают, что так и должно быть, что другие обязаны создавать мне эти условия и что это им даже должно быть в радость. Когда ты не видишь, какого труда стоит твоим близким и родным создать тебе хорошие условия, тогда ты и благодарным не бываешь. И лишь спустя какое-то время ты осознаешь, на какие жертвы они шли, чтобы ты находился в тех хороших условиях, когда ты уже можешь пренебречь их трудами и поддержкой. И тебе очень повезло, если ты успеваешь это понять и отблагодарить их за это до того, как их совсем не станет... Думаю, я успел кое-чем его отблагодарить. В начале девяностых, когда у меня здесь все шло хорошо, я купил ему дом в Грозном, в котором вы жили, хоть сам и ютился здесь в однокомнатной съемной квартире... Но все же я чувствую себя виноватым и в долгу перед ним, ибо всем, что у меня есть, я обязан твоему отцу. Он работал на стройках, «шабашил» по всему Союзу, чтобы я мог без материальных забот учиться в одном из лучших университетов Москвы... Помню, как сильно он обрадовался, когда узнал, что я окончил его с отличием. – Исмаил умолк и посмотрел на улицу, чтобы дать нахлынувшим чувствам успокоиться и отойти, а затем продолжил: – Когда началась Первая война, я предложил ему и Идрису (второй дядя Али) переехать сю-

да. Тогда дела у меня, как в целом и по всей России, были не очень, и я по-прежнему жил в своей съемной однокомнатной квартире. Но если бы они приехали, я нашел бы средства снять еще одну квартиру. Но даже если бы и не нашел, то нашел бы для себя другое место, поселив вас там... Я очень долго его уговаривал, просил хотя бы вас прислать. Но он принципиально не соглашался. С одной стороны, он боялся, что мне будет трудно, а с другой – не хотел никуда уезжать... Да, смерть, судьба и все такое... никуда не убежишь, конечно. Нам всем чрез это пройти. Но все же жалею, очень жалею и считаю себя перед ним виноватым, что не поехал в Грозный и не выволок его вместе с вами оттуда, что хотя бы не постарался... И вот его нет, нет многие годы. Но есть его единственный сын, сын моего ныне покойного старшего брата – есть ты!.. Послушай меня, сынок. Я хочу, чтобы ты добился большего, чем мои собственные дети. Говорю это прямо, потому что уверен в искренности своих слов. И мне приятно иметь такое желание не только потому, что ты сын моего покойного брата, но и потому, что вижу в тебе достоинство твоего отца.– Исмаил снова выдержал паузу, только на этот раз это уже была пауза размышления, а не успокоения, как в первый раз, и затем сказал: —Кто такой рожденный ребенок?

В этот момент пришла официантка с подносом и стала аккуратно раскладывать на столе перед ними тарелки с блюдами. Исмаил умолк и стал в молчаливой задумчивости на-

блюдать за ее движениями. Когда же она закончила и удалась, он сказал:

– Кушай.

Али взял вилку и нож и стал неспешно пробовать одно из блюд.

– Так вот, – продолжил Исмаил прерванную мысль, – кто такой ребенок? Это нулевой уровень знаний, нулевой уровень опыта. В нем пока есть только инстинкты, необходимые ему, пока он будет набираться знаний и опыта. Итак, ребенок – это всего лишь подобие глины, из которой родители и окружающие его, подобно гончару, могут лепить угодные им фигурки. Но чем больше проходит времени, тем сложнее лепить, потому что глина начинает затвердевать, в результате чего перестает поддаваться лепке. Также и человек – со временем, набравшись некоторых знаний, он приобретает свою форму мировоззрения и характера. Тогда уже его бывает сложнее в чем-то переубедить, перевоспитать, ибо его ценности, характер и мировоззрение начинают твердеть и укрепляться. И подростковый возраст – один из этапов значительного «затвердения» человека. Ты пришел в Москву именно в этом возрасте. И поэтому я не стал особо тебя наставлять, загружать советами, читать мораль. Я, ограничившись лишь некоторыми напутствующими словами, ждал, пока ты сам начнешь видеть, понимать и ошибаться. Ребенку, который еще никогда не обжигался, можно много и хорошо говорить, чтобы он не приближался к печи... Но он

все равно тебя не поймет, потому что ему непонятно чувство боли, испытываемое при ожоге. Но стоит ему лишь разок обжечься – и нужда убеждать и уговаривать его не подходит к печи отпадет: он уже будет вырываться из рук и плакать, если кто-нибудь попытается его насильно подвести близко к огню. Это особенность всех людей, а не только детей. Вот я и ждал, пока ты начнешь «обжигаться». Я сухо давал тебе советы, чтобы тебе было над чем призадуматься. Но, повторюсь, не утруждал себя и тебя чтением бесполезных нравоучительных лекций. Ты иногда возвращался домой слишком поздно – я ничего не говорил; я замечал у тебя на лице синяки – но делал вид, что ничего не вижу, и каждый из нас занимался своим делом. Вернее, я делом, а ты в основном ерундой. Когда тебя впервые в отдел забрала милиция, я прождал ровно два часа, потом приехал и забрал тебя. Когда милиция тебя забрала второй раз – я прождал четыре часа и только потом приехал за тобой. На этот раз я позволил тебе сидеть в «обезьяннике» восемь часов. Знаешь почему? Чтобы у тебя было побольше времени подумать и сделать выводы. Чтобы получше почувствовал, что значит провести в тюрьме часы, а что – годы. Я давал тебе слегка «обжигаться», чтобы ты уберег себя от губительных «ожогов» в дальнейшем.– Исмаил сделал паузу, неспешно промочил горло одним из принесенных напитков, а затем сказал: – Но если ты и сейчас ничего не понял, то ты ничего и не поймешь.– Он снова повернулся к витрине. Потоки машин значительно поредели. –

Знай,— сказал он, продолжая смотреть на улицу за окном, — если тебя еще раз заберет милиция, я уже не стану ждать, а сразу же выеду и постараюсь тебя вытащить. Если заберет десятый раз — то я и в десятый раз приеду и постараюсь добиться твоего освобождения. Если мне для этого придется продать весь свой бизнес, то я и это сделаю, я просто обязан это сделать. Но вопрос не в этом. Вопрос в том, устроит ли тебя самого это?.. Али, я привел тебя сюда, в Москву, лишь для того, чтобы ты был в безопасности, чтобы у тебя были хорошее образование и, в дальнейшем, обеспеченная жизнь. Но если ты скажешь, что Москва тебя портит и ты желаешь вернуться в Грозный, то мне не составит никакого труда купить тебе там квартиру, устроить на учебу, помочь с работой и так далее. Но я хочу, чтобы ты хотя бы окончил университет и получил достойное образование. Потом уже поступим так, как ты того пожелаешь. Ну, что скажешь?

— Спасибо за все, дядя... Как бы я ни поступал, я понимаю и ценю твою заботу и внимание...

— Оставь свою благодарственную речь, — прервал его Исмаил, — и ответь на вопрос.

— Да, я закончу учебу.

Официантка пришла во второй раз и стала бесшумно перекладывать тарелки с едой с подноса на стол.

— Вот и славно, — сказал Исмаил, не дожидаясь, пока она закончит. — Знаешь, а ведь не все так плохо.— Исмаил как-то оживился и даже повеселел. — Примерно неделю назад ко

мне обратилась Амина, сказав, что ребята мешают тебе читать книги.— Официантка ушла. — Я порядком удивился и спросил, что за книги ты читаешь. Она не знала. Тогда я зашел в вашу с детьми комнату и увидел твои книги. Знаешь... философия, история, всякие там романы и так далее — это, конечно, тоже хорошо, но мне было бы намного приятнее, если бы это были книги по твоей программе в университете. Но как бы там ни было, я рад, что ты увлекаешься чтением, наукой. Так вот, на второй день после этого случая, сидя у себя в кабинете, я все это внимательно обдумал. Человеку, который читает, учится, непременно нужно мыслить, чтобы понимать и Разуметь то, что он читает и изучает. А чтобы мыслить, нужна тишина и покой. В нашей квартире у тебя таких условий, понятное дело, нет. И я решил, что тебе нужно отдельное жилье. Единственное, чего я опасался, это что ты и, может быть, некоторые наши родственники... да и посторонние, пожалуй, тоже, подумают и даже будут говорить, что я выжил своего племянника из собственной квартиры, что ты стал мне лишним и тому подобное. Но в последующие дни наблюдения за тобой я убедился, что покой тебе все же необходим. Короче, у меня тут есть еще одна квартирка. Она пустует. Все необходимая мебель там уже имеется. Я предлагаю тебе перебраться туда. Но если тебе удобнее жить с нами, то пожалуйста. Итак, решать тебе. Что ты выбираешь?

— Дядя, я... Если я буду жить отдельно, то, думаю, и вам будет легче...

–Постой! – прервал его Исмаил, – вопрос не о нас. Скажи, тебе будет удобнее учиться, если будешь жить один? Ответь мне: да или нет.

– Да, но...

–Никаких но. Решено! Вот.– Исмаил достал из внутреннего кармана пиджака ключи и блокнот. Затем развернул блокнот, вырвал из него листок и передал его Али вместе с ключами.– Это ключи от той квартиры и адрес. Завтра же поезжай и осмотришься. Если тебя все устроит, можешь заселяться когда тебе угодно.

–Спасибо!

– Ерунда. Что-то ты мало покушал. Что так, а? Болен, что ли?

–Нет, я прилично поел. Просто ты слишком много заказал.

– Это не много. Когда переключуешься на квартиру, будешь почаще приходить к нам обедать и ужинать, понятно? Как минимум два раза в неделю чтобы кушал у нас. Это приказ! А так можешь приходить хоть каждый день, буду только рад. Вот еще.– Исмаил аккуратно отодвинул левую половинку пиджака, сунул руку во внутренний карман, вынул банковскую карточку и протянул Али.– Вот, держи. Каждый месяц я буду переводить на нее деньги – на питание и карманные расходы. Деньги за этот месяц я на нее уже перевел. Так тебе будет удобнее.

–Спасибо...– Али как-то робко протянул руку и взял кар-

точку. Он был безмерно благодарен дяде, и он вдруг осознал всю свою ответственность перед этим человеком.

–Здесь, Али, нас никто не любит... Да что там нас– здесь никто никого не любит, да и не обязан. Это Москва – место, где все и отовсюду рвутся разбогатеть, прославиться, сделать карьеру. Здесь царствуют алчность, жестокость, предательство и зависть. Все пороки человечества в одном городе. Один человек не может этого изменить. Это система, понимаешь? Система! Нужен некий компромисс. Это не значит, что ты должен быть таким, как все. Тогда ты пропадешь. А если ты пропадешь как личность, то мне и к черту не нужно твое образование и благополучие, потому что в таком качестве оно не устроило бы и твоего отца. Хочешь помогать друзьям? Хорошо, помогай! Но знай, кому помогаешь и как лучше это сделать. И еще, постарайся сначала сам чего-то добиться, тогда у тебя будет больше возможности быть полезным своим близким и друзьям, и твоя помощь тогда будет весомее, чем помощь голыми кулаками. Итак, мой тебе совет: не становись образованным, богатым и эгоистичным подлецом, но и безрассудно-благородным дураком тоже не будь. Выбери нечто оптимально-срединное. Это и есть компромисс. Ты же понимаешь, о чем это я, а?

Али кивнул в ответ.

–Очень на это надеюсь, – сказал дядя.

Затем Исмаил позвал официантку и рассчитался с ней. После чего они вышли и поехали домой.

На второй же день Али с радостью перебрался в новую квартиру.

С тех пор прошло почти три года. Учился Али, как и обещал, хорошо. К милиции больше не попадал. Почти все его время было поглощено чтением книг, учебной и одиночными прогулками в парке. Строго два раза в неделю, как и обещал, он ходил к дяде на ужин. Время от времени встречался с друзьями.

2

–Когда Али зашел в «Европейский», Умар и Тимур сидели за столиком в середине зала.

–Ассаламу алейкум, – сказал Али, пожимая руки привставшим товарищам, и в ответ прозвучали слова «Ваалейкум ассалам».

Умар был типичный бродяга с благородными качествами. Его старший брат, ушедший добровольцем на войну в период Второй войны, погиб в известном сражении в предгорном селении Комсомольское в 2000 году. Отец же его скончался в автокатастрофе, когда Умар был еще совсем ребенком. Таким образом, из семьи у него остались одна незамужняя сестра и мать, более состаренная переживаниями, нежели годами. В Москву Умар приехал года четыре назад на заработки, чтобы прокормить себя, сестру и больную мать. Но на стройке он проработал лишь пару месяцев.

В университете он не учился, книг не читал. Но он был из тех редких людей, что черпают знания из вольной ситу-

ативной жизни. От природы наделенный прекрасным умом и особым восприятием, он делал весьма обстоятельный анализ пережитого— такой, что, имея он желание и владей должным образом словом, мог бы написать прекрасные труды на многие жизненные темы. Но к науке, как правило, такие знания нельзя приложить, хоть они ценны и глубоки в области познания человека и бытия в условиях каждодневной жизни. Он был носителем тех глубоких знаний, которые нельзя черпать ни из одной книги в мире,— уличной психологии и мудрости бродячей жизни. Глубоки эти знания потому, что они черпаются не только Разумом (как это делают те, кто читают книги или слушают лекции), но еще и сердцем и эмоциями, то есть страх риска, гнев, нужда, радость и надежда— все это принимает непосредственное участие в процессе улично-бродячего познания. Реальным переживанием эмоционально подкрепленные знания бывают намного основательнее и шире, чем знания, приобретенные в уютном кабинете или аудитории

И все же носителей таких знаний не принято считать образованными, и не только потому, что их знания ненаучны и что они плохо владеют словом, чтобы посредством него выразить свои глубокие мысли, приобретенные опытом жизни, но еще и потому, что у них нет диплома об образовании.

Однако от людей научно образованных их отличает не только отсутствие академических знаний и подтверждающего их документа, но еще и характер. Несмотря на их хваткий

и пронизательный ум, быстрое соображение и способность чувствами и мыслями, связав их воедино, глубоко проникать в суть пережитого и испытанного, – несмотря на все это, характер натуры безрассудно бросает их в гущу рискованных дел, о последствиях которых они не любят думать, даже если подсознательно понимают, какими плачевными они – последствия – могут для них оказаться. Вот в этом-то и заключается основное их отличие от первых.

А что касается Тимура, то это был студент-заочник, судьбы более легкой, чем у двух его товарищей – все члены его семьи были живы, а во времена войны он жил в Москве. Когда-то он учился неплохо, но позже из-за усиленных занятий спортом, а точнее – боями без правил, все свое время посвящал тренировкам, учебе отдавая лишь дань формальности. Также его отец, Артур, и дядя Али Исмаил, были близкими друзьями и компаньонами.

–Заказали что-нибудь? – присаживаясь, спросил Али.

–Нет, тебя ждем, – ответил Тимур.

–Официантка! Красавица! Будьте добры, подойдите к нам на минутку, – крикнул Умар.

Через мгновение официантка, поздоровавшись и вежливо спросив, что они пожелают заказать, стояла возле их столика.

– Вы двое у нас редко выходите в свет, так что заказывайте что вам угодно, – обратился Умар к Али и Тимуру. А затем, уже обращаясь к официантке, сказал: – Марина (он прочел

ее имя на бейджике, что висел у нее на груди), вы, я так понимаю, здесь новенькая, да?

– Да, – ответила та, записывая заказы Али и Тимура.

– Очень рад. Поскольку на мне нет бейджика, как у вас, то разрешите представиться – Умар.

–Очень приятно, – ответила девушка с какой-то сухой вежливостью, на мгновение изобразив натужную улыбку, и, закончив с приемом заказов, удалилась.

–А она милая, правда? – обратился Умар к товарищам, умиленно глядя вслед уходящей девушке.

–Да для тебя все девушки милы, – сказали ему те двое в один голос.

– Да нет, не все, – ответил Умар с какой-то задумчивостью, все еще впившись взглядом в невидимый силуэт уже скрывшейся официантки. – Ну, рассказывайте.– Он переключил взгляд и мысль на своих товарищей, оживился и сел поудобнее. – Что у вас нового по жизни? Какие успехи и достижения?.. Хотя нового по жизни может быть только у меня, а у вас одно и то же: у тебя, Тимур, твой детский спорт, а у Али – книги и учеба. Что может быть нового у людей, живущих такой однообразной скучной жизнью? Ни-че-го!

–Ну так ты поведай нам о своих свершениях и больших достижениях взрослого человека, – смеясь, обратился к нему Али.

– Ну что ж, дети мои, так и быть, расскажу я вам одну историю, произошедшую со мной недели две тому назад. Ко-

роче, – Умар подался вперед, опершись на руки, сложенные на столе, – в позапрошлый вторник к нам обратилась одна женщина, по имени Виктория... Кстати, это имя ведь что-то там означало...

– Победа, – сказал Али.

– Что?

– Виктория в переводе с латинского означает «победа».

– А, да, конечно... Хм, подходящее у нее имя... Так вот, дело у нее к нам было довольно банальное – спалить предприятие по производству пластмассовых бутылок, принадлежащее некоему Александру... Кстати, – обратился он к Али, – а у этого имени есть значение?

– Да, – ответил Али, – оно с греческого переводится как «защитник».

– Хм... – сказал Умар с какой-то задумчивостью. – Вот ему это имя явно не подходит, ибо ни черта он не смог ни защитить, ни уберечь. Короче, когда выясняются детали, то понимаешь, что все не так уж и просто. Во-первых, от этого Александра ей не нужны никакие деньги. Ну, знаете, обычно бывают заказы спалить или разгромить чье-либо предприятие, магазин, ресторан и так далее или же прижать лично самого хозяина этих предприятий, если он отказывается отдавать долг или платить дань. Но тут совсем не так. А во-вторых, Александр, заводик которого она пожелала уничтожить, являлся другом ее покойного мужа Владимира... А у этого имени есть значение? – спросил Умар в третий раз у

Али, заметив в значениях первых двух имен некое совпадение с рассказываемой им историей.

– Ну, это что-то вроде «властитель мира», точно не помню...

– Ха-ха-ха, – Умар расхохотался во всю глотку. – Не, ну это анекдот какой-то, – сказал он, вдоволь насмеявшись, и, уже пытаясь заглушить порывы смеха, сказал: – Вот этот-то как раз ни над чем и не властвовал, – после чего снова захохотал. – Это надо же, в трех именах сокрыта вся суть этой история. Итак, на чем это я остановился?.. Ах да, короче, этот «Защитник» является другом покойного мужа «Победы», которого зовут... – У Умара снова появились позывы к смеху, которые он постарался сдержать, но, как только произнес «Властитель мира», его прорвало и он снова расхохотался.

– Пока ты веселишься от своего рассказа, мы тут сидим с серьезными выражениями лиц, как два идиота, – сказал Тимур.

– Нет, погодите, вы сейчас все поймете... Я же рассказываю. Итак, женщина делает заказ на уничтожение предприятия, принадлежащее другу ее покойного мужа – казалось бы, стерва, да? – Умар с выжидательной улыбкой обратился к товарищам.

– Нет, почему же? – отвечает Али. – Суть ее предложения выявит мотив. Ибо нельзя и глупо судить о поступке человека, пока не обнаружена причина, толкнувшая его на этот

поступок.

– Совершенно верно, – сказал Умар. – Ибо такой мотив у нее был. Когда-то Владимир – это ныне покойный супруг обратившейся к нам Виктории – и Александр – владелец того завода – вернее, теперь уже бывшего завода, были друзьями и в какой-то момент решили открыть общее дело. Инициатива принадлежала покойному Владимиру. Они вложили равную долю и запустили этот завод по производству пластмассовых бутылок. Вначале, Разумеется, дела шли не очень хорошо. Но со временем заказы увеличивались, доход возрастал и предприятие ширилось. В этот подъемный период у Владимира, мужа нашей клиентки, вдруг диагностируют рак, и он ложится в больницу. Александр, соблюдая внешнюю атрибутику дружбы и делового компанейства, навещал Владимира в ранний период его болезни, обещая его супруге, Виктории, всяческую помощь и поддержку. Но когда состояние у Владимира совсем ухудшилось, когда он стал уродливо худым и лысым, а близость его смерти – очевидной, Александр совсем исчез. Когда же Виктория поехала к нему домой и попросила денег из доли ее мужа, сказав, что больному на лечение и ей самой с двумя детьми требуются средства, то... Как думаете, – вновь обратился он к двум сидящим за столом товарищам, – что тот ей ответил? Он сказал, что дела идут очень плохо, но, поскольку Владимир его друг, поможет чем может. Он, рассказывает Виктория, пошел в другую комнату и вернулся – не угадаете – с тремя тысяча-

ми рублей. Виктория говорит, что она не взяла эти деньги, а молча развернулась и ушла. А дела в это время у Алексея шли в гору. Виктория позже узнала об этом от одного его сотрудников.

– Да мы иногда обедаем на большую сумму, – сказал Тимур.

– Она же могла через милицию или, как у них это там делается, через суд вернуть долю своего покойного мужа, – сказал Али.

– Нет, не могла. У нее не было юридических оснований. Дело в том, что все предприятие было оформлено на Александра. Короче, еще до того, как они начали это совместное дело, на имя Александра уже была зарегистрирована одна фирма. Поскольку фирма эта существовала только на бумаге, ее Александр и предложил в ход пустить, сказав, что в дальнейшем они все оформят соответствующим образом. Это спасало их от некоторой части бюрократической возни и сэкономило время, а если к этому еще прибавить их старые дружеские отношения, то отказаться от такого предложения Владимир просто не мог. Так вот, Александр продолжал навещать своего друга в больнице, рассказывать, что дела у них идут не очень, но что тому нечего беспокоиться и так далее, до тех пор, пока Владимир совсем не зачах. Когда Виктория после смерти супруга обратилась к Александру с просьбой передать ей в управление долю ее покойного мужа, то Александр заявил, что ее супруг ничего не вкладывал, что все

предприятие строилось и развивалось исключительно на его деньгах и труде.

Официантка принесла заказ.

– Так что мы – вершители добра и справедливости, наказывающие алчных подонков и делающие счастливыми обиженных вдов! – высокопарно заявил Умар, улыбающимся глазами смотря на Марину – официантку, бережно, но быстро раскладывающую тарелки с блюдами на стол.

– М-да, Робин Гуд, благородная у тебя профессия, – пошучивая, сказал Тимур.

Официантка удалилась.

– Но ведь теперь этот Александр будет ее подозревать и захочет отомстить, – сказал Али.

– Нет, баба она умная. Во-первых, она ждала три года, не предъявляя Александру ни единой претензии. Во-вторых, она от безысходности сама с нуля начала заниматься бизнесом и за три года сколотила приличное состояние. Так что «Победа» чиста. А у того «Защитника» мало ли за годы успешной деятельности могло набраться врагов и конкурентов.

– Ну понятно... А что у тебя? – обратился Али к Тимуру.

– Да, как сказал Умар, ничего особенного. Вдов не осчастливил, заводы не спалил. А так, занял второе место на чемпионате России по боям без правил.

– Погоди, а когда это ты успел? – спросил Али.

– И почему нам не сказал? – последовал вопрос Умара.

– Успел на прошлой неделе. Не хотелось отрывать вас от важных дел. Короче, я плохо себя чувствовал, слегка приболел, не был уверен в достойном выступлении. Не хотел позориться, вот и не сообщил никому из знакомых.

–Ну понятно. Что ж, поздравляем! Но мог хотя бы после сказать. Второе место на чемпионате России – весомый повод встретиться и отпраздновать.

– Вот мы встретились и, считай, празднуем, – сказал Тимур.

– А у тебя как? Все еще ныряешь в своих книгах?– обратился Умар к Али.

–Да, в основном на них и трачу свое время.

–Я не понимаю, – сказал Умар, обращаясь к Тимуру и указывая рукой на Али, – вот был же хорошим человеком, а стал как... как женившийся подкаблучник.– Все дружно рассмеялись. – Не, ну серьезно, – продолжал Умар, – как можно так много и долго читать эти книги? Что ты в них такого находишь? Ведь это же всего лишь мысли и фантазии каких-то людей, зачем на них тратить свою жизнь, вместо того чтобы просто прожить ее самому? Пусть с ошибками, пусть не всегда умно и хорошо, с риском, радостью и горечью, но зато сам, свою собственную жизнь, а?

–Я задам тебе встречный вопрос, Умар: а в чем смысл твоего образа жизни? В чем особенность и, если хочешь, радость того, как ты живешь? – спросил Али.

–Если я скажу, что мне нравится то, чем я занимаюсь, то

ты тоже можешь сказать, что тебе нравится читать книги. И поэтому я скажу по-другому. Я живу реальной жизнью. Я не сижу в каком-то долбаном офисе за компьютером, выполняя всякие указания противного и ворчливого начальника, в ожидании зарплаты, которой вечно ни на что не хватает, понимаешь? Я общаюсь с разными людьми, я в движении, и, самое главное, я свободен. Да, моя работа сопряжена с риском, но именно это и делает ее привлекательной. Почему, ты думаешь, даже этим офисным белоручкам иногда нравится делать что-то экстремальное? Ну, прыгать с парашютом или карабкаться на какую-то гору? Да потому, что только рискуя потерять что-то, ты начинаешь ценить то, что имеешь. А когда ты ценишь то, что имеешь, ты чувствуешь себя счастливым человеком. В них после риска потерять все появляется радость, что у них есть работа, зарплата и ворчливый начальник. А я так не могу, понимаешь? Я не могу получить разовую дозу адреналина на год и вернуться к сидячему рабочему месту, чтобы потом терпеть прихоти ненавистного руководителя ради одной месячной зарплаты. Вот в этом и заключается особенность моей работы, радости и жизни.

– Ты слишком идеализируешь свой образ жизни, Умар, – сказал Али.

–Идеализирую? Оглянись вокруг, Али, посмотри на этих людей – это же общество потребления, жаждущее получить и приумножить и только на эти цели положившее всю свою жизнь. Смешное и жалкое зрелище. Я просто не хочу, более

того – не могу быть одним из них, вот и все.

– Но разве не на то же самое ты тратишь свою жизнь?

– Нет. Я не живу ради вещей, но вещи нужны мне для жизни. Этим я отличаюсь от большинства людей: они наслаждаются не столько самими вещами, сколько тем, что они ими владеют, понимаешь? То есть их радует сам факт наличия у них материальных благ, даже если они ими не пользуются и не собираются пользоваться. Не имея, они желают приобрести, а приобретя – приумножить. А количество, как и страсть к накопительству, не ведаёт предела. А что касается меня, то я живу каждым кусочком хлеба, что добываю, и лезу за вторым куском лишь тогда, когда первый заканчивается, и пытаюсь добывать эти кусочки так, чтобы совесть меня не очень мучила... А то, знаешь ли, она иногда так достает, что и добытыми кусочками толком не даёт насладиться. Я хоть и далек от правильности, но я знаю, что несправедливость мешает душевному покою. Поэтому я, пусть и не из принципов благочестия, а для отменного кайфа души, предпочитаю справедливость. Конечно, не всегда получается, но когда не получается и я плохо себя чувствую, я хотя бы знаю, за что я расплачиваюсь.

– Но ты выбрал этот способ потому, что так легче... для тебя легче, ввиду особенности натуры и прожитой жизни, зарабатывать деньги. Это твой выбор, и я тебя не осуждаю, но не надо думать, что он уникален. Ты мог бы выбрать огромное множество других путей, где не надо терпеть прихоти

начальника в застенках какого-нибудь офиса. Умар, я лишь хочу сказать, что деньги не стоят того, чтобы из-за них рисковать здоровьем, свободой и жизнью... Даже если не обращать внимание на этическую сторону, это как минимум глупо.

– А кто из тех великих людей, о которых ты читаешь в своих книгах, стал бы великим, если бы он сторонился риска? – спросил Умар.

– Я не риск критикую. Величие достигается лишь путем труда и риска. Но надо знать, чем рисковать и ради чего. Здоровье, свобода и жизнь в любом случае стоят выше и стоят дороже денег, и поэтому деньги – ценность слишком дешевая, чтобы их на них менять. Для получения материальной выгоды можно рисковать лишь материальным, жертвуя умственно-физическим трудом. Но не более.

– Не знаю, брат, – сказал Умар с какой-то задумчивостью, затем отхлебнул немного кофе и молча стал смотреть в окно. За столом внезапно воцарилась тишина.

Али так же без слов стал, подталкивая ручку указательным пальцем, крутить чашку на маленьком блюде. Тимур наконец съел картофельную палочку фри, которую все время макал в соус, пока Умар и Али говорили. Недолгое молчание прервал Умар:

– Правда, теперь я тоже подумываю немного быть типа офисным.

Али и Тимур вопросительно посмотрели на него.

– Телохранителем подумываю поработать, – проговорил он быстро.

–И кого же надумал охранять? – спросил Али.

– Да еврейчика одного. Очень богатого еврейчика – так сказать, олигарха. Один мой знакомый, Аслан... кстати, вы его уже видели, он был со мной, когда мы в прошлый раз вечером в кафе сидели.

–Тот лысый здоровяк с большой бородой? – спросил Тимур.

–Да, он самый. Он предложил мне эту работу. Говорит, что для своей охраны тот ничего не жалеет. Платит прилично. Часто делает хорошие подарки. Одевает в хороших бутиках и угощает в лучших ресторанах– Разумеется, когда сам посещает эти места. Да и вообще, еврей знает, на что деньги тратить. Охрана – гарантия жизни, а уж на жизнь они потратят. Того, кто раньше работал у него в охране, тоже Аслан ему порекомендовал. Вот они обратился к нему повторно – хочет еще раз чеченца взять в телохранители.

– А что стало с тем прошлым? Или он просто решил расширить штат?– спросил Тимур.

–Во время покушения на этого олигарха сыграл в героя – заслонил его собой, в результате чего получил три пули. Жизни его ничто не угрожает, лежит себе в больнице и поправляется. Говорят, спасенный им хорошо его отблагодарил.

–Выходит, он уже «заказанный»? – спросил Тимур.

– Да, и поэтому я буду получать двойную плату... Собственно, из-за этого я и согласился на эту работу.

– В случае чего, тоже собираешься героя-спасителя сыграть? – иронично спросил Али.

– Я не собираюсь у него долго работать. Это так, в качестве отпуска от основной работы. Да и отпуск тем приятнее, что наконец-то смогу свободно боевой пистолет носить. А то месяц назад попался ментам со стволом. Пришлось трехмесячную заначку им отдать, чтобы отвязались. Хорошо, что хоть пистолет был травматическим. Попадись с боевым, денег не хватило бы откупиться и загремел бы на приличный срок. А вот насчет героя сыграть... Делать мне, что ли, больше нечего. Я не для того живу, чтобы умереть, защищая какого-то зажавшегося олигарха... А хотя, кто его знает, как я себя поведу. Человек относится к тебе хорошо, платит прилично, подарки там делает. И вот жизнь этого человека в опасности... Да, ты знаешь, что все его к тебе хорошее отношение направлено лишь на то, чтобы ты его от души защищал, когда ему будет грозить опасность. Но когда ему грозит опасность, ты об этом как-то не задумываешься... В такие минуты ты ни о чем и не думаешь. Просто все твои привычки, все знания вдруг превращаются в рефлексы, которые срабатывают мгновенно и бессознательно. Поэтому кто его знает, как я себя поведу. Сейчас могу болтать одно, а на деле, возможно, буду защищать его, как брата родного.

– Ого! Хорошо сказал. Неужели за книги взялся? – решил

подтрунить Тимур.

–А че? Только вам, ботаникам, дано хорошо говорить, что ли? – улыбнулся Умар. – Мы, бродяги, не меньше вашего в жизни смыслим, потому что мы ее проживаем по-настоящему.

–Ну все! Я его лишь похвалил, а он вон как зазнался, – улыбался Тимур, повернувшись к Али. – Да еще и нас оскорбил, назвав ботаниками. Я чуть ли не с утра до вечера вкалываю в спортзале, и вот я, оказывается, ботаник.

–Никогда не говори глупому, который сказал хорошую вещь, что он сказал хорошую вещь, – колко заметил Али. – Потому что тогда он и вовсе перестанет замечать свою глупость.

Тимур расхохотался.

– Ну вот, заговорили умники, черпающие ум из мертвых книг. Я повторяю: я живу в настоящем мире, и если я что-то понял в этой жизни, то понял по-настоящему. Не книги, не какие-то изнеженные умники в очках мне это сказали, а я сам понял, сам постиг. И такое знание я считаю куда более ценным, чем простые подсказки людей, которые и жизнь-то не видали.

–Умар, – обратился к нему Али, потихоньку возвращая своему лицу серьезность выражения, – есть вещи, которые нужно знать от переживших и понявших что-то, чтобы избавиться от многих ошибок и долгого пути поиска. И также, действительно, есть вещи, для понимания которых нужно их

на себе испытать. Но, согласись, двое могут пережить одно и то же событие, а понять и сделать выводы по-разному. Но только выводы одного из них могут быть правильными. Как думаешь, почему? Я отвечу: потому что у него есть хорошая база, обеспеченная теми теоретическими знаниями, что он черпал из книг и уст других людей. Ты спросил, что мне дают книги. Пока я не могу ясно ответить на твой вопрос. Но я могу сказать, что ищу в них ответы на свои вопросы. Да, читая книги, я роюсь в мыслях сотни умнейших людей, доведших свои умственные способности до некоторого совершенства, знакоюсь с жизнью и словами тысяч величайших личностей, которые вовсе не изнежены жизнью, как ты сказал, а пропущены чрез все невзгоды бытия. Правда, чем больше я читаю, тем яснее понимаю, что эти люди и сами находились в поисках понимания людей и жизни... Но даже их процесс поиска имеет свою ценность. Также есть книги, словно машина времени переносящие меня в прошлые времена и знакомящие с выдающимися историческими личностями, которые добивались успехов в разных областях жизни. Они делятся со мной опытом и знаниями. На страницах этих книг оживает прошлое: войны, победы, трагедии; оживают личности военные, политические, религиозные и научные. Знакомясь с этим прошлым, ты лучше понимаешь настоящее, лучше понимаешь людей... – Здесь Али поднял глаза и увидел на лицах своих товарищей непонимание того, о чем он сейчас говорил, и заключил свою речь следующими словами: –

Впрочем, вам, наверное, этого и не понять, так что оставим.

– Да, лучше оставить, – сказал Умар. – Тем более, – улыбнулся он, – я вижу, что ты и сам не совсем себя понимаешь.

Все дружно засмеялись.

– Может, и так, – с задумчивой улыбкой, согласился Али.

– Есть люди, которые изучают и пишут историю, а есть и те, которые ее делают. Я же предпочитаю принадлежать ко второй категории, – не без самодовольства сказал Умар.

– Ну, – отвечал Али, – те люди, которые действительно делали историю, неплохо разбирались и в той, что была сделана другими до них. Но вот что касается тебя, братишка, то я не думаю, что, отбивая долги, тебе удастся принадлежать к когорте творителей истории.

– Таки я не претендую на место в мировой истории. Когда двое собираются и говорят о тебе в твое отсутствие, то ты уже как бы часть истории, – улыбнулся Умар.

– В таком случае, – не без иронии заметил Али, – с полным убеждением могу заявить, что ты, безусловно, часть... маленькая, малюсенькая, молекулярно-атомная частица мировой истории.

– Из всего тобою сказанного я обратил внимание лишь на слова «ты – частица – мировой – истории». Спасибо за комплимент.

– Он неисправим, – сказал Тимур.

– Да, наверное, уже и поздно меняться, – ответил Умар. Затем, во время внезапно образовавшейся тишины, сказал: –

Ну что ж, ребята, мне пора идти. А у вас какие планы?

– Можешь меня до дома подбросить? – спросил Тимур.

– Не проблема. Ты тоже домой, Али?

– Да.

– Ну, тогда развезу вас по домам и поеду. Марина! – окликнул Умар официантку. – Красавица! Принеси нам счет, пожалуйста.

– Только не вздумай над ней стебаться, – сказал Али.

– Да как ты мог такое подумать, Али, – с притворной серьезностью ответил Умар.

Когда официантка подошла, все трое полезли в карманы, чтобы расплатиться – как правило, каждый за всех.

– Стоять! – крикнул Умар. – Платит тот, кто зарабатывает. А вы: один висит на шее отца, другой – дяди.

В это время Тимур и Али уже успели достать деньги и бросить их на стол. И когда официантка протянула руку, чтобы их взять, Умар, спокойно пересчитывая деньги в своем развернутом кошельке, сказал ей:

– Марина, если ты притронешься к их деньгам... – Тут он вынул несколько бумажек и, пристально посмотрев ей в глаза, серьезно сказал: – То, поверь мне, у тебя будут большие неприятности.

Услышав эти слова, официантка резко отдернула протянутую к столу руку.

– Да шутит он, ни черта он не сделает, – сказал Тимур. – Возьми эти деньги и не слушай его болтовню.

– Марина, разве я похож на шута? – сказал Умар, все еще пристально смотря ей в глаза. – Вот, возьми у меня.

Официантка робко протянула руку, взяла деньги из рук Умара и собиралась уйти, но тут Умар попросил ее минуточку подождать.

– Марина, ты на меня не обижайся. Ты мне очень понравилась. Пусть Бог даст тебе верного и здорового мужа, красивых и умных детей и... и много-много счастья. И еще: сдачу можешь оставить себе.

На лице у девушки появилось что-то вроде улыбки, и, сказав «Спасибо», она удалилась.

– При следующей встрече, – сказал Умар, – она будет испытывать ко мне чувство почтительного страха некоего уважения, но никак не чувство безразличия, как к вам. Вас-то она и не вспомнит. Так что учитесь, салаги!

В это время все начали вставать и надевать куртки, висевшие на спинках стульев.

– Али, – сказал Умар, – если этот университет тебя станет сильно доставать, ты только дай знать... Если француз спалил всю Москву, то неужели чеченец не сможет спалить какой-то университет.

– Спасибо, но проблем у меня там никаких нет. И еще: он был корсиканцем.

– Что? – спросил Умар.

– Говорю, что Наполеон был корсиканцем.

– Да какая там разница.

Когда они вышли на улицу, было уже темно, суетливо двигались потоки машин и людей. Обильные хлопья снега падали на землю, задерживаясь на тротуарах и растворяясь на обработанных реагентами дорогах.

– Эх, Москва, Москва, – остановившись посреди тротуара и шурясь от падающих в глаза снежинок, задумчиво протянул Умар. – Люблю и презираю ее. Она похожа на женщину древнейшей профессии, которую можно добиться либо деньгами, либо силой. Если ты это делаешь деньгами, то все довольны, ты хорош, ты чист перед ней, перед законом. Но если ты делаешь то же самое насильно, ты плохой, ты бандит и насильник. Тебя ищут и позорно сажают в тюрьму... И все в этом мире так: есть деньги – ты делаешь законно то, за что другого проклинает общество и преследует государство.

– И все же ты выбрал носильный способ ее добиться, – сказал Али.

– Да, выбрал. Но лишь для того, чтобы заполучить деньги и наслаждаться ею путем законным. Начать бизнес, пусть и небольшой, и жить в свое удовольствие. Помогать матери и сестре, жениться, породить детей. Да и путешествовать, в конце концов, – заключил Умар.

– А как же жажда адреналина? – улыбаясь, спросил Али.

– Адреналин? Ну, для этого можно и с парашютом прыгать, – с той же улыбкой ответил Умар.

– А разве этого не мало будет для тебя? – сказал Али, напоминая ему его же слова.

– Ну, если будет мало, – сказал Умар, – то буду каждый день прыгать.

– Давайте поедем уже, – обратился к ним Тимур. – А то я уже сыт этими московскими мечтаниями.

– Да, пожалуй, можно и поехать, – сказал Умар.

Они сели в его старенький «мерседес» и покатали вдоль дороги.

3

Войдя к себе в квартиру, Али переоделся в домашнюю одежду и устало повалился в кресло. Он сидел, откинувшись на спинку кресла и закрыв глаза, неохотно вслушиваясь во все, что звучало и шумело вокруг. Из-за соседней стены доносились приглушенные звуки семейной ссоры – видимо, опять напились и ругаются. Какая-то веселая компания молодых людей проходила далеко внизу под окном: кто-то что-то сказал, и все дружно захохотали. Тихо тикали часы на стене. Но посреди этих отдаленно-приглушенных звуков Али уловил звуки самые прекрасные, звучанием которых он, казалось, мог бы наслаждаться бесконечно, – то были звуки тишины. Затем слышались другие звуки, звуки слов из ближайших воспоминаний – услышанное и сказанное за весь прошедший день: кто что сказал, как он на это отвечал; кто как сказал, как он это воспринял и так далее.

И вдруг знакомый голос, говоривший еще утром, когда он находился в полусонном состоянии на университетской паре, ироничным тоном вполне реально произнес: «Поздрав-

ляю! Весь день пущен коту под хвост!.. Кроме той встречи в кафе...» Али испуганно вскочил с места, подбежал к выключателю и врубил свет. Оглядываясь вокруг, он беспрестанно читал молитвы против дьяволов и джиннов, которые знал наизусть. В комнате воцарилась тишина. Чуть успокоившись, он пошел в ванную, ополоснул лицо холодной водой, вернулся обратно и сел на свой стул возле стола. Сердце его постепенно возвращалось к обычному ритму биения. «Джинн здесь поселился, что ли? Или это был всего лишь сон?» – думал он про себя. Но как только эта мысль завершилась, голос спокойно сказал: «Нет, не сон, не дьявол и не джинн, я твой... Да постой же, куда это ты?» В этот момент Али босиком выбежал из квартиры. «Я твой Разум, идиот!» – крикнул вдогонку выбегающему Али Голос.

Пробежав мимо лифта, Али как бешеный сбежал вниз по лестнице. Выйдя во двор, он повернул направо и устремился к главной дороге. Там, он знал, напротив супермаркета всегда стоят такси. Пока он бежал, Голос продолжал в нем говорить: «Слушай, ты все равно от меня не убежишь. Вернись к себе на квартиру, а то простудишься еще». Но Али ничего не отвечал. Не останавливаясь, он пригнулся и, на ходу зачерпнув рукой снег, стал им протирать лицо, надеясь так еще лучше прийти в себя и избавиться от этого Голоса. «Ладно, – сказал невидимый Голос, – скажу по-другому. Сейчас ты бежишь к тому супермаркету. Напротив него всегда стоят такси. Ты собираешься сесть в одну из них и поехать в ближай-

ший отель. Ты только что об этом подумал, потому что, если поедешь к дяде или друзьям, то не сможешь объяснить им эту ситуацию – они просто посмеются над тобой. Но есть одна проблема, о которой ты не подумал: ты забыл взять деньги и свою банковскую карточку. А на честном слове тебе ни одна гостиница не предоставит номер... Да и таксисты не довезут. Так что этот план пропадает. Лучше постой и послушай меня».

Али остановился. Довод Голоса был убедителен. Он уже начал чувствовать холод и как у него онемели ноги. Почти задыхаясь, он спросил:

– Так ты не дьявол?

– Нет.

– И это не глюки?

– Нет.

– Но тогда кто же ты?– Али наклонился, опершись ладонями в колени, и, сильно дыша, втягивал большие порции морозного воздуха через покрасневшие ноздри и выталкивал его через рот белым паром.

– Ты меня не дослушал. Я твой Разум.

– Разум? – спросил Али, задыхаясь. – Мой Разум, значит... И это не глюки и не бес... – И тут он выпрямился и расхохотался:– С ума сойти!

Он уперся руками в бока, глубоко вздохнул и – рванул в другую сторону.

– Сейчас пройдет, – говорил он себе, пробегая между до-

мами. Пару минут спустя, задыхаясь, он остановился снова и спросил: – Ты здесь? – но в ответ прозвучала тишина. «Вот и все, вот и прошло», – подумал он и стал возвращаться к себе на квартиру. Ног он уже не чувствовал. Но как только Али подошел к своему подъезду, Голос произнес: «Если ты меня не выслушаешь, то так и будешь бегать всю ночь, пока не замерзнешь до смерти».

Али на мгновение дернулся было побежать, но потом вдруг остановился и сказал:

– Ладно, пусть будет так... Говори... Кто ты? Что за Разум? Почему я тебя слышу, но не вижу?

–Я все объясню в квартире. А сейчас зайди поскорее, а то замерзнешь.

– Радуется, что хотя бы заботишься о моем состоянии.

Поднимаясь в лифте, Али спросил:

–Эй, ты еще здесь?

–Конечно здесь, я всегда с тобой, – спокойно сказал невидимый голос.

–Что за черт...

–Не черт, а твой Разум.

–Все равно какая-то чертовщина.

Али зашел к себе в квартиру, закрыл дверь и сел на то самое кресло, с которого он вскочил, услышав голос.

–Ну, я слушаю тебя, мой Разум. Говори!

–Что именно ты хочешь узнать?

–Я тебе уже говорил, что я хочу узнать, и если ты мой Ра-

зум, то должен знать, чего мне надобно знать. Ты же читаешь мои мысли.

–Я уже говорил, что я твой Разум. И ты можешь меня не только слышать, но и видеть.

–Как это– видеть? Ты что, можешь и материализоваться?

–Почти.

–Что значит «почти»?

В это же мгновение перед Али появился полупрозрачный силуэт молодого мужчины среднего роста, примерно одного возраста с Али, который сказал:

–Вот это и значит «почти».

Али снова, в ошеломленном бешенстве, вскочил с кресла, но, однако, убежать не стал.

–Да ты же джинн! – воскликнул он с изумлением.

–Нет, Али. Я твой чистый Разум. Понимаю, тебе сложно это принять, но это так. Я твое порождение, то, что ты в себе развивал со дня своего рождения. Ни одного мига ты не прожил без меня, я – это часть тебя. И поэтому ты слишком больших объяснений от меня не жди. Но то, что ты можешь меня видеть и слышать – в этом заключается твоя особая привилегия. Скажем так, исключительное право. Ты слишком много времени мне уделял, ты довел меня до определенного состояния совершенства, вот мне и дано право в таком виде на время помогать и сопровождать тебя по жизни. Всего сейчас не объяснишь, да ты и не поймешь все сразу. Понимание придет лишь со временем. Пока могу сказать лишь

то, что я тебе не наврежу.

– Ну ладно, – сказал Али. – Не говорите ничего, дайте оценить ситуацию. – Он сел, закрыл лицо ладонями и стал анализировать происходящее. Он думал, не выпил ли он случайно какую-то дрянь, не было ли в его ужине в кафе с друзьями чего-нибудь подмешано в еду и питье... Наркотик или еще что-нибудь. Он никогда не принимал психотропных веществ, но знал из рассказов и фильмов, что после их принятия бывают галлюцинации. Но потом он подумал, что если бы что-либо и было кем-то зачем-то примешано к их еде, то действие началось бы ранее. Да и не мог бы он сейчас так сидеть и анализировать происходящее – его Разум не был бы к этому пригоден. «И как же мне холодно...» Он только сейчас заметил, что промерз и судорожно дрожит от холода, въевшегося в его тело за то время, что он выбежал из квартиры. Но потом Али вдруг обратил внимание на воцарившуюся в комнате тишину. Подумав: «Прошло», он убрал руки с лица и открыл глаза.

– Черт! – крикнул он дрожащим от холода, удивления и страха голосом, увидев Разум, молча стоящими перед собой.

– Лучше спрашивай, что хочешь, – сказала полупрозрачный человек. – А то, знаешь ли, одними думами о том, кто я, ты ничего не поймешь. И достань плед из шкафа и завернись в него.

Али как ненормальный бросился к шкафу, взял плед, укутался в него и сел обратно в кресло.

– Хорошо, – сказал он, пытаясь успокоиться. – Ты о какой-то помощи говорил... Что ты пришел, чтобы мне в чем-то помочь, хоть я и не нуждаюсь ни в какой помощи. Так вот, скажи мне, чем лично ты можешь мне помочь? И вообще, если ты мой Разум, то с помощью какого Разума я веду с тобой общение? Ведь если ты сидишь предо мной, то я, по логике, должен быть неразумным существом, разве не так?

– Каким Разумом ты мыслишь, если я, твой Разум, стою перед тобой? Очень просто: я лишь проекция твоего Разума, его материализовавшееся отражение. А что касается того, чем я могу тебе помочь, отвечаю: тем, что ты слышишь меня в чистом виде. Видишь ли, я не обременен ни страстями, ни сомнениями, ни страхами, ни чувствами, и поэтому мой голос звучит ясно и чисто. Но разве так я звучал, когда находился в тебе ранее? Все другие голоса и чувства, говорившие в тебе, заглушали мои слова, и ты порою и вовсе меня не слышал – или слышал, но под воздействием других субстанций игнорировал.

– Я всегда прислушиваюсь к голосу своего Разума, если нахожу его доводы убедительными, – конвульсивно стуча зубами, с трудом выдал Али.

– Неужели? – иронично заметил Разум. – А как же та девушка из твоей группы, на пустое изучение которой ты меня напрягаешь уже третий день?

– Так это был ты!.. Я так и знал, что это было наяву... Ну что ж, я просто пытался понять человека! Это называется

иметь пытливым ум, быть любознательным. И только благодаря этому своему качеству я тебя и довел, как ты сказал, до некоторого совершенства.— Али говорил заикаясь и дрожа.

—Зачем познавать то, что лишено смысла и пользы? В мире есть много вещей, более достойных того, чтобы их познавать и изучать. А что касается этой девушки, то она тебе просто понравилась внешне, и ты тупо решил меня использовать в угоду своим страстям. Изучить девушку, чтобы, так сказать, умнее к ней подкатить и блеснуть своими познаниями в области ее натуры.

Пока Разум говорил, Али, приятно согретый теплым пледом после сильного охлаждения и морально успокоившийся после сильного психологического потрясения, как-то расслабился и незаметно уснул. Заметив это, Разум подошел к нему поближе и стал настойчиво просить его лечь в постель. Али в ответ что-то невнятно пробормотал, потом недовольно, в полусонном состоянии, поднялся, проковылял к кровати и прилег

4

Слишком быстро, без снов, без тяжелого пробуждения от тревожного звона будильника, который Али не успел поставить, тепло и приятно прошла эта ночь. Густые лучи зимнего солнца, значительно поднявшегося над горизонтом, разливали светло-голубые краски по безоблачно чистому небосводу и проливались в его комнату, ярко освещая все ее уголки. За окном слышалась бурлящая жизнь города: голоса людей,

сигналы, звуки моторов и визг колес автомобилей. Насытившись сном, Али медленно, щурясь, приподнял веки сначала одного глаза, а потом и второго. И к нему стали приходить мысли, одна за другой, в следующей последовательности: «Какой же сегодня день?.. Ах да, четверг... значит, мне надо в университет... А не опоздал ли я?.. Сейчас приподнимусь и посмотрю на часы (для этого ему нужно было повернуть голову – часы висели на стене на другой стороне)... Что это вчера было?.. Но вчера же что-то было?.. Ах да, мне приснился какой-то полупрозрачный человек... Ну и сон! А зачем я этот плед достал?.. Надо повернуться и на часы взглянуть... Сейчас повернусь...» Он снова закрыл глаза и мысленно сказал еще раз: «Сейчас повернусь».

– Удивляюсь способности людей так бездарно и долго использовать свой Разум и время в тех случаях, когда для достижения желаемого достаточно приложить немного усилий, – из-за спины Али донесся знакомый голос. Это был Разум.

– Нет, – сказал Али, открыв глаза и не шевелясь, – нет! Это мне только послышалось! Это не ты, Разум! Ты был всего лишь в моем сне! И я не сумасшедший! Все было только во сне!

– Ну вот, опять! – в спокойном возмущении произнес Разум. – Опять ты напрасно тратишь время и силы мысли на то, чтобы в чем-то себя убедить, вместо того, чтобы просто повернуться и найти ответы на все свои вопросы, что ты себе

задал в течение последних пары минут: узнать, который час, не опоздал ли ты в университет и что я – настоящий.

Али полежал так некоторое время, глубоко вздохнул, а затем сказал:

–Хорошо! Только ты исчезни, ладно? Ну, залезайте обратно ко мне или куда это ты там деваешься. Не хочу, чтобы день начался с того, чтобы первым, что я в нем увижу, был мой собственный... Ну, ты меня понял.

–Как скажешь, хозяин, – услышал он в ответ.

Али быстро повернулся, но там уже никого не было. Он поднял взгляд к висящим на стене часам: восемь тридцать. До начала занятий оставалось полчаса. Резко вскочив с постели, он умылся, оделся и вышел.

На пару Али явился с опозданием на пятнадцать минут. Когда он зашел в свою аудиторию, преподаватель, Светлана Александровна, увлеченно рассказывавшая об особенностях экономического развития Китая и Японии, приостановилась, недовольно посмотрела на него поверх очков, слабо ответила на его приветствие и, когда Али сел за свою парту, продолжила читать лекцию.

Вынимая из сумки тетрадь и ручку, он успел несколько раз бросить короткие взгляды в сторону той новенькой, Ани. «Ну вот, опять началось», – послышался ему откуда-то изнутри голос РАЗУМА. «Ты, – продолжил голос, – лучше акцентируй свое внимание на лекции. В этом больше пользы для тебя, нежели в этой особе... Видишь, как Виталий вни-

мательно слушает и усердно записывает, боясь пропустить и одно слово».— «Ой, да брось, — сказал тихо Али. — Тоже мне, нашел кого в пример ставить. Этот замкнутый идиот погубит свою жизнь, проведя ее в скучно-серых днях и ночах, в компании ручки, книг и тетрадей». — «Не факт, — отвечал Разум. — Самая большая умственная работа, как правило, происходит в головах тихих и, на первый взгляд, неприметных людей. Их грандиозный, незаурядный ум, сокрытый за ширмой тривиально-чудных повадок, спокойно работает и творит в своей самой природой хорошо замаскированной мастерской... Если, конечно, они и в самом деле не идиоты».

— Не пойму, — сказал Али, — где и в какой период жизни мне могут понадобиться знания о специфике экономического развития Китая и Японии?

Когда Разум, отвечая на вопрос, начал излагать свои суждения, Али начал испытывать странные ощущения. Словно он, все еще находясь в собственном сне, вдруг осознал его бредовость. Реальность, в которой он спокойно беседует с собственным Разумом, показалась ему слишком дикой, ненормальной и пугающей. «Замолчи!» — закричал он с отчаянной яростью, разрывая в тишине спокойно звучавший голос лектора. Через мгновение он поймал на себе огромное количество одинаково удивленных взглядов, в том числе взгляды новенькой и Светланы Александровны.

Растерявшись в первые секунды, он быстро взял себя в руки и, схватив лежащий перед собой мобильник, сказал: «Из-

вините, это я в телефон», взял свои вещи и вышел. Быстро идя по коридору к выходу, он начал растерянно приговаривать: «Да что это со мной такое происходит» Он вышел к большому проспекту. Обильные потоки машин разъезжали по асфальту, а на тротуаре, по которому он зашагал, суетливо, в оба направления шли толпы разношерстных людей.

– Али, – обратился к нему Разум, появившись справа от него, через полупрозрачную материю которого свободно проходили люди, – взгляни на этих людей... Да не упрямысь ты! Подними глаза и посмотри на них!

Али поднял сердитый взгляд с земли перед собой, куда так настойчиво смотрел, и взглянул на людей вокруг.

– Что ты видишь? – спросил Разум.

– А что я должен видеть? Я вижу разных людей, которые идут по своим делам!

–И больше ничего? – Спросил Разум.

– Нет, и больше ничего!

– И это говорит человек, который любит наблюдать за людьми и изучать их.

– Я не брал в таких масштабах.

– Вот и зря. Чтобы что-то понять, надо побывать внутри объекта познания, хотя бы мысленно. Окунись в эту толпу, прислушайся к их словам.

Али замедлил ход и посмотрел надвигающихся людей. Он видел мужчин и женщин, различных по возрасту, росту, походке и мимике лиц; одетых в разные одежды и по-разному

выглядящие; видел, как они смотрят, улавливал напряженность взглядов, жестикуляции рук. По мере того как он, отвлекаясь от цельного наблюдения толпы, фиксировал внимание взгляда, мысли и слуха на конкретных людях, вся толпа, казавшаяся единой движущейся массой, вдруг стала расщепляться на частицы людей. И вот из общего гудения толпы начали различаться конкретные голоса отдельных людей, которые затем в последний момент, когда они подходили близко, равнялись с Али и проходили дальше, превращались в отрывки понятных слов с прерванной нитью мысли.

Первыми его внимание привлекли две девушки, идущие ему навстречу. Одна была в шубе, другая – в пальто. Обе в кожаных сапогах на высоких каблуках. Та, что в пальто, слегка склонив голову к подруге, в забавной улыбке изображая неподдельный интерес, внимательно слушала ее рассказ. Другая же, несомненно лучше выглядевшая своей спутницы, говорила напряженно, но весело. Когда они поравнялись с Али, он услышал лишь «...На что я ему отвечаю...», и слова опять растворились в гуще других голосов. Затем он обратил внимание на мужчину, под расстегнутой дубленкой которого виднелись жилет, белая рубашка и галстук. В одной руке он держал дипломат, а в другой – телефон, по которому что-то спокойно говорил, приложив его к уху. Но до того как мужчина этот приблизился, из-за спины Али выскочил какой-то парень, также общаясь по телефону, но только в наушниках. И слух Али резко поймал такие его слова: «...

Я рад, дорогая, что тебе понравилось...»— и его слова, уносимые быстрой походкой своего хозяина, внезапно исчезли. В этот момент тот мужчина в дубленке поравнялся с Али, после чего его слух уловил слова, так спокойно произносимые этим помпезным господином: «...Это, несомненно, выгодное дело...». Затем прошли два школьника, которые говорили о новой версии какой-то компьютерной игры. За ними последовали две старушки, одна из которых делилась рецептом народной медицины. Потом были те, которые рассказывали о машинах, музыке, фильмах, вечеринках, отдыхе. Потом снова девушки, говорящие о парнях или с парнями, и парни, говорящие с девушками или о девушках. Также до него доносилась речь о работе, деньгах и бизнесе; слышалась клевета, какие-то обидные слова, ругань. В какой-то момент все смешалось: разные эмоции, мимики, шепоты, слова — десятки и десятки различных лиц, взглядов и тем разговоров.

—Ну так что же ты наблюдаешь, Али? — вдруг спросил Разум, прерывая этот конгломерат разных голосов, интересов и мимики. — О чем они говорят? Что их интересует? Что их объединяет? Разве не удовольствие и выгода, а? Деньги, противоположный пол и развлечения! Говорят разные люди, разных социальных слоев. Но это не плюрализм интересов, нет! Это различные пути, ведущие к одному и тому же результату: удовольствие и выгода. Ты ведь любишь изучать людей. Так вот в этом и состоит вся их суть, основа и цель в этом мире. Хочешь добиться высокого положения

среди них— имей то, что они ценят, и тогда ты будешь значим среди них. Люди разные, но ценности в основе у всех одни и те же. Особенности и свойства людей не подчинены времени и веками остаются неизменными. И сегодня среди людей ты обнаружишь те же лабрюйеровские порочные «Характеры»: тщеславие, глупость, наивность, страсти и властолюбие. Не трать понапрасну свою энергию на поиски и попытки познать ядро человеческой природы, ибо внутри каждого человека за внешней оболочкой кажущейся сложности и уникальности скрываются банальные желания и устремления.

— Неужели в мире нет места для благодетели?— спросил Али.

— То, о чем ты говоришь, приятно описывать в книгах и показывать в фильмах. Благодетель среди людей — как хорошая и добрая сказка, читаемая на ночь ребенку: это успокаивает и вселяет в человека радужную уверенность в том, что он хороший. Но в жизни людям этого не надо. Это нужно лишь для того, чтобы спокойно уснуть, понимаешь? А наяву люди хотят того, что доставляет им пользу и удовольствие

—Люди редкой породы и в благородном проявлении находят предмет душевного удовольствия и истинной радости, — сказал Али. — Разнятся дарующие радость и доставляющие удовольствие поступки.

—Ты говоришь о том малом, мизерном и очень редком типе людей, которые находят утешение в том, чтобы делать

добро.

Этот диалог о качествах людей продолжался до тех пор, пока Али не дошел до своего дома. Он был настолько увлечен беседой с Разумом, что и не заметил, как прошел этот путь. Когда он пришел в себя, а случилось это тогда, когда он заметил огромный рекламный щит, находящийся недалеко от станции метро возле его дома, то рядом с собой уже никого не обнаружил. Он остановился возле своего подъезда и стоял как контуженный... С одной стороны, ему хотелось зайти, лечь спать и все забыть, а с другой – прогуляться, развеяться. Его голова была настолько забита тем диалогом в ходе незаметно пройденного пути, что ему просто хотелось уйти от всего. Постояв некоторое время как в гипнозе, он все же решил зайти. Для прогулок он слишком устал. Пройдя на кухню, Али достал стакан с полки шкафа, наполнил его водой, все еще пребывая в состоянии растерянности, сделал пару глотков. Затем, тяжело шагая, он прошел в ту единственную комнату, служащую ему и спальней, и рабочим кабинетом, и грузно опустился в кресло возле маленького журнального столика. Он был обессилен и внутренне потрясен. Али так сидел с минут десять. Потом веки его глаз как-то незаметно опустились, но мысли все еще крутились в голове.

– Не стоит слишком удивляться, – спокойно произнес Разум, которого Али, открыв глаза, увидел сидящим в кресле напротив себя. – Ты сегодня услышал то, что звучало в тебе и

раньше. Внутренний диалог вылез наружу... Только сегодня это было по-другому: сегодня это звучало ясно и со стороны. Именно это тебя и пугнуло.

– Когда думаешь об этом – это одно, но когда твои мысли звучат вот так, со стороны...

Разум улыбнулся и сказал:

– Все люди такие, Али, все!

– Боюсь, мне и жизни не хватит все это осмыслить... Я в растерянности... Кто ты? Зачем это все? Что это было? Кто вообще я сам? Хочу это понять и в то же время понимаю свое бессилие... От этих нагрузок мой мозг напрягается до предела, будто сейчас моя голова лопнет. Я не понимаю, в каком измерении я нахожусь, в реальном ли я мире или это мои фантазии. Реальны ли эти фантазии или это фантазии в фантазиях? И вообще, реален ли я сам?.. Может, это сон и я сейчас проснусь? Но ясно вижу, что не сон.

– Как видишь, ты в очередной раз убедился в том, насколько слаб человек. Ты ведь думал об этом раньше. Достаточно внести в его жизнь что-то необычное, чтобы загнать в тупик его рассудок и рассыпать, словно песочное строение, все тысячелетиями человечеством возводимые здания науки и совершенство логической деятельности... А ведь эти достижения людям кажутся монолитными и непоколебимыми... Али, не все, что есть, поддается человеческому пониманию. В таких случаях не надо пытаться понять само явление, куда Разумнее постараться извлечь из него пользу, ка-

кую явление это может принести тебе или другим.

Али снова закрыл глаза. В нем не осталось силы слушать далее или что-либо спрашивать самому. Резко провалившись в яму сна, он уже во сне вспомнил о реальности и, чтобы удостовериться, что реальность его на самом деле была такой, проснулся и открыл глаза. В комнате была тишина, а кресло напротив было пустым. Разум исчез.

Затем лег в постель и тут же заснул.

5

На другой день Али решил пойти в книжный магазин. Ему теперь многое хотелось понять. К тому же, он надеялся, что книги, которые с некоторых пор стали для него своего рода эскапизмом, и на этот раз помогут ему отвлечься от этой поразительной реальности его жизни.

Но Разум и не думал от него отстать. Когда Али начал прохаживаться по различным отделам литературы, рядом с ним, к его огромному неудовольствию, появилась его полупрозрачная сущность, неутомонно советуя брать, или же, напротив, не брать ту или иную книгу. Раздражение в Али все нарастало, и он попросил эту субстанцию хотя бы здесь оставить его в покое.

Тогда Разум начал в отрыве от Али бродить вдоль стеллажей, громко выкрикивая названия книг:

–Али, ты только вслушайся в эти названия: «На третий день она твоя», «Постель – как желанный итог...» – М-да уже... «Сто лучших советов для ведения успешного дела»,

«Быстрая карьера», «Как расположить к себе руководителя»... О, смотри, тут и «Мысли» страдальца из Пор-Рояля... Ты, так и не дочитав, отнес эту книгу в библиотеку, помнишь? Вовенарг и Ларошфуко тоже хороши...

Разум, перешедший сейчас, судя по всему, в отдел «Философия», продолжал спокойно прохаживаться вдоль книжных полок и негромко читать названия книг.

Если не считать этих выкриков, которые слышал только Али, то в магазине царила мертвая тишина. Несколько людей смотрели книги, медленно продвигаясь по рядам. Продащица – тучная женщина в очках – молча сидела за кассой, глазами читая какую-то книжку.

Али, уже доведенный до крайней степени раздражения, не мог сосредоточиться и спокойно просмотреть книги. Быстро передвигаясь по рядам тематических отделов, он, пытаясь не кричать, в бешеном напряжении шипя, непрестанно велел Разуму заткнуться и исчезнуть. Порою его цедающее сквозь зубы шипение было настолько громким, а движения такими резкими, что женщина на кассе пару раз отрывалась от чтения и пристально смотрела на него поверх очков, спущенных с переносицы до кончика носа. А в конце даже спросила: «Вам помочь, молодой человек?» Али вежливо улыбнулся, поблагодарил и сказал, что помощь ему не нужна.

– Ты бы хоть наушники надел, – сказал Разум, не отрываясь от книг, названия которых он продолжал читать, заложив руки за спину. – А то, чего доброго, за идиота еще сочтут.

– Это их проблемы, – тихо сказал Али, но в одно ухо наушник все же вставил.

В итоге Али стоял на кассе с дюжиной книг в руках: чтобы заткнуть рот этой своей внутренней личности, на его беду вылезшей наружу, он решил прислушаться к ее советам, и взял все те книги, которые она ему порекомендовала.

Но, однако, этим дело не кончилось.

Когда он, с безучастным взглядом смотря перед собой в пространство, сидел в вагоне метро, положив пакет с кучей книг себе на колени, Разум, появившись рядом, сказал:

– Твоя голова забита думами тяжеловесными.

– Не лезь в мою голову, – Али недовольно отвернулся в другую сторону.

– Отчасти я и есть твоя голова, так что, ты уж извини, не быть собою я не могу.

– Тогда сиди без комментариев.

– Удовлетворение желания дает минутное облегчение телу и на короткий миг умиряет сознание. Но спустя некоторое время происходит новый прилив гнетущей тоски, и для каждого последующего ее подавления требуется большая, чем в предыдущий раз, доза наслаждения. Так что это не решение проблемы, а всего лишь кратковременный обман, понемногу губящий человека.

В этот момент поезд метро притормозил на одной из станций, двери вагона распахнулись: одни пассажиры вышли, другие зашли. Среди зашедших была одна довольно габарит-

ная женщина, которая, пыхтя, устремилась на свободное место рядом с Али. Правда, свободным это место было условно – там сидел Разум. Когда толстушка наклонилась и стала, выпятив свой зад, присаживаться, Разум успел лишь выдать: «О нет!» И через мгновение женщина уже сидела в полупрозрачном Разуме, вернее Разум, значительно уступая даме в параметрах, оказался сидящим в ней.

– Вот всегда вы так, люди... Толстой тупой задницей давите Разум, – сказал он недовольно и привстал.

– Но в чем причина этой тоски? – спросил Али.

– То чувство опустошенности, беспредметного внутреннего терзания и состояние отчужденного одиночества, что находит на человека в минуты уединения, когда стихает хаос жизни или яркость дня, – есть следствие пустоты душевно-духовной; именно этот внутренний вакуум, даже при полном внешнем благополучии, не позволяет человеку в умиротворенной гармонии, в мире с собою и остальными, счастливо жить на белом свете. Не трудности омрачают жизнь, а неправильность ее проживания и ложное представление о ее смысле.

Али больше ничего не сказал.

Поднявшись к себе, он положил книги на письменный стол, отошел немножко и плашмя повалился на кровать.

Всю последующую неделю Али провел в каком-то забытийно-депрессивном состоянии. Похудел на несколько килограммов. На занятия в университете являлся с опозданиями.

Он не мог ни на чем сосредоточиться, не читал и не учил лекции. Короче, с той поры, когда он босиком выбежал на улицу жизнь его походила на прозябание пьяного человека: много и отвратительно спал и мало что соображал.

Однажды, проснувшись, он присел на кровати и увидел сидевшего на кресле Разума.

— О нет! Каждый раз, просыпаясь, я надеюсь на то, что ты — всего лишь сон... И бывает очень неприятно убеждаться в обратном.

Разум ничего не ответил.

— А почему, — спросил Али, — ты в облике молодого мужчины? Почему не существо неопределенной формы?

— Если я и в таком виде тебя пугаю... ну, или раздражаю, то что было бы, будь я иного вида. Молодой — потому что и ты молод. Был бы ты стариком, я тоже был бы стар.

— Так ты и в самом деле мой Разум?

— Я есть твое свойство, твоя обнаженная личность, сущность, рациональная часть тебя, твоя ипостась — называй меня как хочешь.

Али зевнул, подвинулся к спинке кровати и прислонился к ней спиной.

— Ты сказал, что твоя цель — это помочь мне.

— Да, так и есть.

— Но, как видишь, ты мне лишь мешаешь. С тех пор как мы... встретились, я похожу на живого мертвеца. У меня все в прямом смысле этого слова катится к черту. Ты нарушил

привычный ход моей жизни, внес сумятицу в мое размеренное бытие. До того как ты появился, я хоть к чему-то шел. А сейчас я не то что не знаю, куда идти, я даже не имею никакого желания идти. Ну так где же и в чем эта помощь?

– М-да уж, не жив, не мертв, не на земле и не на небе, – произнес Разум тоном, которым декламируют стихи, проигнорировав вопрос. – Честно говоря, я предвидел это твое состояние невесомости. Но немножко ошибся в расчетах: думал, что придешь в себя дня через два-три, а ты и неделю спустя не можешь оклематься. Ты просто не можешь смириться с противоречивостью своего внутреннего мира. Ведь это похоже не просто на раздвоение личности – о нет! Здесь все намного сложнее... Так и с ума сойти недалеко, правда? – На лице Разума появилась ироническая ухмылка. – Ладно, поговорим серьезно. С ума ты, конечно, не сойдешь. А вот...

– А может, я уже сошел? – резко спросил Али.

– Нет, я не галлюцинация, я реальность. Правда, реален я лишь для тебя.

– У сумасшедших тоже своя реальность.

– Нет, их реальность – это выдумка психически нездорового сознания. А ты абсолютно здоров.

– И это мне говорит какое-то полупрозрачное существо, сидящее напротив меня и называющее себя моим Разумом... Очень убедительно!

– Со временем ты сам все поймешь, – сказал Разум. – А что касается твоего состояния и той пользы, которую я мо-

гу тебе принести... Скажи, если бы какому-то деревенскому парню дали сразу столько знаний, сколько было у всех ученых прошлого, как думаешь, в каком состоянии он пребывал бы?

– Думаю, что ему было бы очень дурно. Но к чему ты клонишь? Я ведь не получил этих знаний?

– Ты так думаешь? Ты получил возможность познать суть человека таким способом, о котором все эти ученые могли только мечтать. Открой глаза шире, Али! Взгляни на все это со стороны. Встань, встряхни голову и начни действовать. У тебя есть возможность найти ответы на многие вопросы, познать то, что ты так давно желал познать, заглянуть в те глубины, куда никто не мог и не может заглянуть. Как много отдали бы антропологи, философы, психологи и многие другие, чтобы иметь ту возможность, которой ты обладаешь, но не ценишь. Не бойся себя! Посмотри на это как бы со стороны, делай выводы. Лепи себя, воспитывай, куй! Ты не законченный продукт – ты все еще можешь себя совершенствовать!

– Я хочу жрать!

– В смысле?– спросил Разум.

– Кушать я хочу! Чего тут непонятного?

– О! Это хорошо... очень даже хорошо!

Когда у человека аппетит пропадает из-за душевных переживаний, а потом, спустя какое-то время, причина переживаний проходит и к внутренне омраченному его миру начи-

нают пробиваться светлые лучи спокойствия и умиротворения, хотя бы немножко рассеивающие предмет потрясений, то человек первым делом ощущает голод. Натуральный, здоровый, физический голод.

Примерно это и случилось с Али.

В ходе обысков на кухне обнаружилось, что еды у него нет: холодильник и кухонный шкаф были пустыми. Везде валялись опорожненные бутылки из-под разных соков, энергетических напитков и простой воды.

6

– Приятного аппетита, – сказала официантка, поставив на стол, устланный разными кушаньями последнее блюдо.

Али сидел в закуской неподалеку.

– Это какое-то чрезмерное чревоугодие, – укоризненно сказал Разум. – Зачем так много брать? Все равно ведь все не осилишь.

– Отвали! Я голоден!

– Прием пищи в таком количестве навредит твоему здоровью, прибавит лишние килограммы и испортит форму тела. Ты станешь толстым, ленивым уродом, который ничего стоящего в этом мире не добьется, – не унимался Разум, но потом добавил: – Ладно, шучу. В виде исключения можно.

Чем больше Али кушал, тем живее и задорнее он становился. К нему возвращались какие-то не совсем здоровые психические силы, приправленные жаждой поддевки и сарказма. То унылое, ступорозное состояние, овладевшее им в

последнее время, резко сменилось какой-то болезненной активностью.

– Ну, что ты замолчал? – обратился он к Разуму, запивая чаем в очередной раз проглоченную порцию еды. – Ты же Разум! Скажи что-нибудь умное! Порази остротой мысли!

– Хочешь жрать – жри. Только жри молча или говори по-тише. Не забывай, для этих людей ты здесь один сидишь.

– Ха-ха-ха! Я тебя спросил не о мнении людей... А может, мне опять наушники в ухо сунуть, чтобы они подумали, что я с кем-нибудь из реальных болтаю, а?! Это ведь ты мне сегодня утром подсказал такой приемчик. И вообще, какого черта тебя волнует мнение людей?

– Я не заинтересован испортить твою жизнь, если ты не забыл.

– О, какая забота! Да ты не Разум, ты мама!

Произнеся слово «мама», он на миг осекся, ноздри вздулись, а глаза мгновенно увлажнились. Это еще больше прибавило в нем раздраженного задора, и он обратился к людям, которые уже настороженно наблюдали за ним, побросав свои вилки, ложки и ножи.

– Люди! Скажите мне, а вас беспокоит ваш Разум? Донимает он вас, говоря, что хочет вам помочь? А меня донимает! Вот он, – он указал на место рядом с собой, – мой Разум. Смотрит на меня так недовольно. Только вы его не видите и не можете с ним говорить! А я вот могу. Более того...

Официантка, которая приносила ему еду на подносе,

некоторое время понаблюдав эту сцену, направилась к заведующему. Постучавшись, она вошла:

–Извините, Олег Васильевич, там один посетитель ведет себя как-то странно.

–Что случилось?

–Не знаю, он громко разговаривает сам с собой, потом обращается к другим клиентам. Сейчас там все разбегутся.

–Пьян, что ли?

–Да вроде нет. У нас он спиртного не заказывал, да и вел себя вначале как-то прилично.

–Хорошо, я разберусь. А вы занимайтесь своими делами.

Когда заведующий вошел в зал, Али всюду разошелся. У кого-то на лице отражалось удивление, у кого-то сочувствие, у одних недовольство, у других улыбка.

–Извините, с вами все в порядке? – вежливо обратился к нему подошедший Олег Васильевич.

–Да, я в полном здравии... может быть. Но не пьян, это точно!

–Прошу прощения, но вы своим поведением пугаете наших посетите...

–Это их проблемы, – оборвал его Али. – Впрочем, я уже ухожу.

Затем он рассчитался и вышел. Тут же взяв такси, он поехал в свое меблированное логово. Войдя к себе, Али плюхнулся в кресло. Он находился в том состоянии, когда на него находила тоска одиночества. Он вспомнил о прошлом. Сло-

во «мама», как бы случайно вырвавшееся у него в кафе, так и не выходило у него из головы, и теперь он мог свободно предаться тем тяжелым воспоминаниям из детства, сопряженным с этим словом. «Мама», – сказал он тихо, и в сердце что-то раздалось. В памяти сотый, тысячный раз всплывала одна и та же картина.

7

Когда в конце 1994 года началась первая российско-чеченская война, семья Али переехала в их родовое селение Урус-Мартан (хотя селение это и имело статус города, оно по внешним признакам и образу жизни его жителей все же походило на большое село), которое позже было объявлено «договорным», или «мирным», то есть свободным от войны. К концу зимы, после тяжелейших боев и многих провальных атак федералов, в ходе которых Грозный был практически полностью разрушен, город, наконец, был занят российскими войсками, а группы чеченской повстанческой армии отошли в горные и предгорные районы и селения, где и продолжались дальнейшие военные действия. Мирное население, в числе которого была и семья Али, к началу весны потянулось в город. Они поселились в одной-единственной уцелевшей комнате. Пока отец семейства восстанавливал остаток дома, мать, Мадина, еще задолго до начала войны работавшая педиатром в районной детской поликлинике, устроилась на прежнее место работы. Периферийно шли бои, заключались перемирия, проводились переговоры между чеченски-

ми и российскими сторонами; в боях разрушенном Грозном проходил процесс налаживания жизни при новой власти. На дворе был уже 1996 год. Мать каждый день, возвращаясь с работы, готовила ужин, убирала посуду, стирала, а потом садилась с сыном учить буквы и писать по прописям. В сентябре Али нужно было пойти в школу в первый класс, и поэтому она спешила подготовить сына, потому что за два года военной суматохи Али очень сильно отставал. Она уже купила ему школьную форму, в которую по вечерам часто наряжала, чтобы полюбоваться им. «Мама, – говорил Али, – почему ты всегда купаешь меня, а потом надеваешь эту форму, хоть мы никуда и не идем?» – «Потому что, – отвечала Мадина, поправляя воротник его пиджака и зачесывая руками волосы, – хочу видеть, как мой прекрасный мальчик пойдет в первый класс». – «Но ты же все равно это увидишь», – не понимал Али. «А кто его знает... Даже если и увижу, я хочу видеть тебя снова и снова», – говорила она, обнимая и целуя своего ребенка в макушку.

Ей не суждено было дожить до того дня.

В то время среди мирного населения бродила информация, распространяемая самими ополченцами, что в ближайшее время отряды чеченской обороны планируют проникнуть в город и атаковать позиции федеральных сил. Даже разбрасывались соответствующие листовки. Одни, учитывая довольно успешную мартовскую атаку на город того же года, осуществленную ополченцами, поверили и вторично по-

кинули Грозный, а другие, к числу которых принадлежала и семья Али, решили остаться, сочтя данную информацию безосновательным слухом. К принятию такого решения способствовало также и российское телевидение, по новостям которого русские генералы заявляли, что чеченское сопротивление полностью разгромлено и что в горах идет процесс «добивания» остатков вражеских сил.

Меньше чем через месяц после этого, 6 августа 1996 года, группы чеченских ополченцев количеством примерно в одну тысячу человек прорвались в город с разных сторон... и начались полномасштабные военные действия. Грозный в очередной раз был объят интенсивными уличными боями. Все посты и укрепления российских военных были заблокированы и атакованы. В разных частях города полыхала подбитая военная техника.

Али ясно помнил это звучное колебание войны: шипение низколетящих докрасна накалившихся пуль, затяжное посвистывание, словно повисших в воздухе, снарядов, гулкое эхо достигших цели бомб, треск автоматного-пулеметного очереди, рокот реактивных двигателей истребителей, идущих в пикет для ракетно-бомбовых ударов, и многое другое. Земля и все строения относительно небольшого города содрогались от глубинных бомб, ракет и снарядов так, как содрогается тело живого человека, по которому наносятся удары дубинкой.

Отец Али, Ибрагим, в это время испытывал сильное недо-

могание из-за пищевого отравления, полученного накануне вечером. Он лежал в постели с повышенной температурой, в бессильном раздражении пытаясь добиться того, чтобы Мадина оставила его в покое и пошла в укрытие, взяв с собой Али. Под конец, когда бомбы начали падать все ближе и ближе, он собрал все силы и накричал на нее, веля делать то, что он ей говорит. Мадина, в которой материнское чувство взяло верх над любовью к супругу, мигом схватила Али и побежала в укрепленный подвал двухэтажного частного дома, находящегося напротив через улицу. Сюда сбежались жители почти со всего квартала, оставшиеся безвыездно в городе. Кругом шли бои, попытаться выйти из города было равнозначно самоубийству. Многие из тех, которые все же рискнули, погибли в пути, попав под обстрел. Поэтому людям не оставалось ничего другого, кроме как ждать в укрытии.

Мадина, держа Али на руках, быстро перебежала через улицу и спустилась по бетонной лестнице в темный подвал. Память слуха Али резко сменилась памятью обоняния и визуальности. Он вспомнил этот сырой, едкий запах, пропитанный сигаретным дымом, пускаемым тремя сидящими у выхода худыми взрослыми мужчинами. «Да опусти ты меня уже на землю, мам», – сказал Али, смущенный тем, что другие видят его, уже довольно взрослого мальчика, на руках матери. Мадина прошла чуть дальше, в другую комнату, и только тогда выпустила из рук Али. Это было довольно обширное помещение, слабо освещаемое с двух противопо-

ложных сторон тусклыми лучами керосиновой лампы и свечи. Свеча стояла на правой стороне, между кучки мужчин, играющих в карты. С левой же стороны, где находилась керосиновая лампа, доносились приглушенно звучащие голоса встревоженных женщин, часто делающих замечания своим маленьким детям, которые постоянно чего-то просили, о чем-то спрашивали или играючи спорили между собой.

Для не раненых и не убиенных чеченских детей, члены семей которых к тому же были живы, война представлялась делом забавным и интересным. Каждый раз, когда взрывалась бомба, эхом которой выбивались оконные рамы и сотрясались стены, они улыбались и говорили: «Ух ты, как грохнуло!»— и делились друг с другом впечатлениями. Особым их интересом было наблюдать, как истребители пикировали и пускали попарно свои смертоносные ракеты— шуф-шуф-шуф, после чего раздавалось оглушительное був-був-був. И родителям, в такие минуты, чуть ли не насильно приходилось таскать своих чад в подвалы. Отдельным предметом потехи и забавы этих маленьких глупых гордецов были взрослые: их взволнованно-испуганные лица, то, как они резко приседают и велят им делать так же при каждом близком взрыве,— все это вызывало в них демонстративные усмешки, на фоне которых они себе казались более храбрыми и стойкими, чем эти умные и опытные взрослые.

—Мадина, это ты? — раздался голос из левой кучки. — Что ты там стоишь, иди сюда.

Это была соседка Залина. Взяв Али за руку, Мадина подошла к женщинам.

– А где твой старик? – крикнул мужчина из правой кучки. Мадина узнала этот голос – это был Хезир, муж Залины. – Что, решил характер показать? – спросил он в своей обычной шутливой манере.

– Болеет, отравился вчера.

– Э-э, ерунда это! Болезнь – это всего лишь хороший повод для него делать то, что он сделал бы и без болезни.

– Может, притащим его? – предложил какой-то мужчина из их группы.

– Бесполезно, – ответил Хезир, – он упертый тип со сложным характером.

– Я ходил к ним, как только начались бои, – сказал кто-то третий, тоже сосед. – Он действительно болеет. Но когда я предложил ему помочь спуститься сюда, он меня и слушать не стал.

В этот момент раздался сильный взрыв, все затряслось, а из щелей потолка, где стыкуются бетонные плиты, посыпалась песочная пыль. Мадина было устремилась к выходу, но Хезир, заметив это, сказал: «Это не здесь... Это чуть дальше». И при каждом повторном взрыве он успокаивал ее теми же словами: «Это чуть дальше, не здесь». На автоматную трескотню и приглушенный гул дальних взрывов никто не обращал внимания, но когда случались взрывы, от которых с

потолка сыпался песок и тряслись стены, утопленные в землю чуть ли не до самого потолка, – в такие минуты все в подвале замирало, воздух пропитывался какой-то безмолвной, смертельной тревогой.

В момент очередной могильной тишины, воцарившейся после мощного взрыва, Мадина не стерпела и, попросив женщин присмотреть за ребенком, побежала к выходу. В подвале раздались голоса, пытающиеся уговорить ее не выходить, но ей хватило мгновения, чтобы выйти наружу. Али, уже довольно хорошо разглядывающий предметы, отчетливо помнил это напряженное выражение лица матери, в тусклых отсветах колеблющихся лучей кажущееся еще более печальным, больным; помнил ее особый запах, помнил, как развевались полы ее ситцевого халата в горошек, когда она бежала к выходу. Он помнил все.

Голоса стихли, кто-то укорил отца Али в том, что тот своим упрямством подвергает жену опасности. Некоторые из знавших его соседей не хотели верить, что он остался из-за болезни. Прошло немного времени, странная тишина так и застыла в воздухе. «Закончилось, что ли?» – спросил кто-то. Никто не ответил.

Али никогда не забудет, с какой болью в его ушах звучало это безмолвие. У всех все были здесь: дети, их матери, отцы, и только он был одинок в этом полутемном серо-сыром подвале, с трудом сдерживая внутри себя тоску по единственно близким двум существам, которые сейчас находились навер-

ху, подверженные вполне им, Али, осознаваемой опасности.

Несколько мужчин осторожно поднялись и уже сверху крикнули, что все затихло. Но как только они произнесло слово «затихло», прогремел мощнейший взрыв. Все затряслось с огромной силой, невероятный грохот заложил уши, с потолка обильно посыпался песок, и было слышно, как какие-то твердые предметы, размельченные и поднятые в воздух разорвавшейся бомбой, падали на крышу дома, в подвале которого они укрылись, и попадали во двор. Двое выглянувших, отброшенные взрывной волной, кубарем полетели вниз по лестнице. Хезир, поняв, что бомба попала в один из соседних домов, и опасаясь, что это был дом отца Али, выбежал наружу, игнорируя уговоры жены. Не прошло и минуты, как он побежал обратно, заглянул в подвал и крайне взволнованным голосом позвал на помощь других мужчин, после чего сразу же приказным тоном велел женщинам, чтобы они не выпускали Али. Все мужчины выбежали. Женщины стали высказывать предположения насчет того, в какой дом попала бомба. «Лучше уж пусть в наши дома, чем в их», – чуть громче, прижимая к себе Али, сказала Залина.

Взрослые, когда говорят о чем-то таком, чего дети не должны слышать, говорят это тихо, полагая, что так они ничего не поймут. Но дети все понимают... Все понял и Али. Но он не вырывался, не плакал. Он просто не хотел верить. Он надеялся. Надеялся и ждал подходящего момента, чтобы убедиться, что надежды его верны, что это все же взорвался

пустой дом одной из этих глупых теток.

Демонстрируя спокойствие, он как-то незаметно высвободился из рук Залины. Затем, пока женщины обсуждали взрыв, немножко отошел в темноту. А потом, медленно скользя вдоль стены, незаметно вырвался наружу.

Оказавшись наверху, за искореженными недавним взрывом воротами этого двухэтажного дома, из подвала которого он только что вышел, Али застыл на месте, его глаза и тело замерли в ожидании чего-то. Он хотел разувериться, пытался убедиться, что это обман зрения. Он старался поверить, что это всего лишь страшная иллюзия, какая-то дикая шутка. Ведь взрослые его много раз обманывали, чтобы сначала было страшно, а потом весело. Его и в садике обманывали, когда к ним приезжал кукольный театр. Вначале он думал, что эти куклы в виде собачек, кошечек, людей – что они живые. Но в один прекрасный день он решил удостовериться, живые они или это всего лишь обман. В разгар представления, когда дети, под пристальным наблюдением воспитателей, внимательно, громко смеясь, смотрели спектакль, Али привстал. На замечание воспитателя сесть он сказал, что ему нужно в туалет. Когда он незаметно пробрался к ширме и заглянул за нее, то увидел взрослых людей, на руки которых были надеты эти фигурки... И тогда он понял, что его, как и других, просто обманывали.

Вот и сейчас он стоял и ждал, что это какая-то нелепая

игра взрослых. Ждал, что сейчас мама и папа появятся из-за развалин их дома, улыбаясь и говоря: «Ну что, испугался? Ты же мужчина, а мужчины не должны бояться». Но ничего подобного не происходило. До его плохо соображающего сознания доходили слова из кучки взрослых мужчин возле развалин, голос принадлежал Хезиру: «Если он был болен и лежал в постели, то они должны быть в спальне, а спальня у них находилась примерно на этом месте». Застывшими глазами он видел беспокойное копошение людей, что-то разбирающих наверху развалин. Видел, как они вместе свалили большую глыбу раствором слепленных кирпичей – обломок стены, как они бросают в сторону куски асбестового шифера, выгребают руками какие-то деревяшки, мелкие и большие осколки красного кирпича. И вдруг в какой-то момент эта кучка внезапно сжалась, резко прозвучали голоса, ускорились движения...

Али медленно перешел улицу и приблизился к родному дому – вернее, к груде обломков, в которые превратился их дом. «Осторожно! Осторожно! – кричали они. – Хватай за руку! Вот так! Осторожно!». Али увидел труп мужчины, лицо и тело которого было обезображено ранами, кровью и пылью. Он все стоял, прилагая все усилия, чтобы угадать черты родного отца в этом только что убитом человеке. Он стоял неподвижно, в просветах между людьми устремив свой взгляд на лицо бездыханного тела; он стоял спокойно, пока еще пребывая в смиренном шоке. Разум его еще не хотел

принять, верить, что этот обезображенный труп и есть его отец. Но он ждал... бессознательно ждал еще чего-то. Он и сам не понимал, что это было ожиданием вестей о матери. Четверо мужчин осторожно опустили тело покойного на запыленную лужайку перед домом и вернулись к той воронке, из которой только что достали покойника. Хезир спустился в эту яму и стал руками разгребать обломки— и в какой-то момент крикнул: «Сюда, быстрее! Она здесь!». Все опять засуетились, кучка сжалась, снова призывы «Осторожно!». И Али увидел еще одно безжизненное тело, облаченное в ситцевый халат в горошек... Больше он уже ничего не ждал, все стало ясно. С пронзительным детским воплем бросился он к опознанным телам. В эту самую минуту женщины, спохватившись, выбежали из подвала. Хезир кричал, кто мальчика пустил, и велел быстро увести его в укрытие. Али бился в руках у женщин, рвался к трупам рядом лежащих родителей. Его успокаивали, ему лгали, что это не его родители. Но все было напрасно. Он уже все понял.

Вся эта картина пронеслась у него перед глазами за несколько минут, в течение которых он с закрытыми глазами неподвижно сидел в своем кресле. На лице зияли две тонкие полоски влаги, тянущиеся из-под обоих глаз, — соленые дорожки, проложенные слезами.

— Я помню тот день, — тихо произнес Разум, сидевший на противоположном кресле. — Хоть я и лишен способности чувственного переживания, поверь мне, в тот день мне тоже

было тяжело... было тяжело это принять, смириться. Ведь она была нашей матерью, а он – нашим отцом...а я был таким же юным, как и ты.

–Я не знаю...– Али открыл глаза и вытер слезы.– Одни говорят, что люди – ничтожество, среди которых счастья можно добиться лишь материальным успехом. Иные же утверждают, что человек – высшая форма жизни, могущая приобрести счастье лишь в духовном совершенстве. Третьи считают иначе. Может, каждый из них по-своему прав. Но для меня счастьем было бы вырасти в кругу своих родителей. Это то единственное, чего мне не хватало для счастья в этом мире.

– Потеря близкого человека, к сожалению, невосполнима. Но из-за этой потери ты не можешь губить свою жизнь, губить труды, любовь и надежды тех, кого ты потерял. Ведь они жили, чтобы жил ты, и желали, чтобы жизнь твоя была достойной. Человек – это результат высшего замысла: у него не спрашивали, появляться ему на свет или нет, и не ему решать, когда этот свет ему покинуть. Но один закон верно действует для всех: раз рожденный когда-то должен умереть. И цель рожденного в этом мире – прожить свою жизнь наилучшим, наидостойнейшим образом. Не всякое больное прошлое можно предать забвению, забыть и отпустить...Храни в своей памяти родителей и близких, которых больше нет. Но не позволяй этой памяти, этой боли портить свое настоящее и будущее.

– А что, если я презираю этот мир, эту реальность и многие ничтожные интересы жалких людей? Я ведь, в отличие от них, познал истинную сущность человека, я увидел его истинное лицо, испытал и почувствовал предел его жестокости. Так что мне ценить в этих людях, в этом мире, в этой современности? Можно ли, имея такое отношение к миру, желать достичь в нем каких-то успехов?

– Да, – сказал Разум, – ты живешь в то время, когда степень человеческой ценности определяется его социальным статусом. А хороший социальный статус – это деньги и власть. Даже если ты будешь уродливым стариком с обрюзглым лицом и заплывшим телом, но вместе с этим богатым, то молодящиеся красотки сочтут за честь находиться в твоих объятиях. Это будет не только потому, что у тебя есть деньги, но и потому, что ты смог их заработать, раздобыть, и не важно, как ты это сделал: посредством изящного ума, творческой одаренности или грубой силы, способом законным или противозаконным. Ум, знания, безусловно, великий дар, но бедный профессор мало кого интересуется. Ученые, знающие люди посредством развития технологий расширили возможности человеческих развлечений. Но чтобы насладиться этими развлечениями, нужны деньги, а не знания. Но жизнь твоя будет тяжелой до тех пор, пока ты не ответишь себе на вопрос: чего лично ты хочешь от этого мира? Хочешь ли быть обожаем всеми? Или же проводить свою жизнь в серых днях ненависти и презрения ко всему и вся, под воздей-

ствием разочарования отдавшись в губительные руки апатии и разлагающего бездействия? Или ты хочешь пойти по пути внутреннего совершенства, занимаясь тем, к чему у тебя душа лежит, в чем сокрыта польза и добро. Последнее – самое тяжелое, но именно поэтому и наиболее достойное истинного уважения и восхищения. Двадцать первый век – это век губительных ям крайностей. Так не позволяй же себе падать в эти ямы. Люди спорят насчет судьбы – есть она или нет ее. Но никто не догадывается, что внутри судьбы есть пространство для свободного действия и что именно судьба подводит человека к тому, чтобы он реализовал свой внутренний потенциал. Стены судьбы никого не теснят. Разум, мораль, страсти, вера и безверие, дьяволы и ангелы, боль и радость, любовь и ненависть – это все испытание, которое без свободы и права выбора лишено смысла. Будь активен в мыслях и делах, Али, но знай цену своим поступкам, а в случае ошибки будь готов отвечать за последствия, не забывая извлечь урок из своих оплошностей. Доброй радостью наслаждаясь, цени предмет радости, а боль благодари – за жизненный опыт. В трудностях терпи, закаляя дух, а в успехе смиренным быть учись. Запомни, лучшие твои друзья и худшие враги сокрыты в тебе самом. Познать их – это и значит познать самого себя. Знай, Али, мудрость растет только на почве истины, справедливости и терпения. И еще, избегай проявления дурные эмоций! Именно они, эти эмоции, губят жизнь многих людей – предают их в самый важный момент.

Негативные эмоции, как алчность и необузданная страсть, – сладки в удовлетворении, но тяжки для души в грядущих переживаниях.

Разум приостановился, помолчал немножко, позволяя тишине донести смысл и важность сказанного до сознания Али, а потом спокойно добавил:

– Из всего, что случается с человеком в этом мире, можно извлечь урок. Но мало кто это делает.

– Я это понимаю... Но все же спасибо. – Али слабо улыбнулся и добавил: – Никогда не думал, что буду благодарить свой Разум. И все же спасибо тебе, ты хороший парень.

– Я лишь выполняю свой долг, – встречно улыбнулся Разум.

В этот момент в кармане Али зазвенел мобильник. Это была жена дяди, Сацита. Он принял вызов и приложил трубку к уху.

– Али, ты у себя? С тобой все в порядке? – как-то быстро и тревожно заговорила она.

– Сацита, со мной все в полном порядке. Но мне кажется, ты чем-то взволнована. Ничего не случилось?

– Да нет, ничего, – ответила она уже чуть спокойнее. – Твой дядя звонил с работы, спрашивал, пообедал ли ты у нас в эту неделю вообще. Когда я сказала, что нет, он пришел в ярость, наговорил мне много всякого. А я и забыла... Ну не совсем забыла, а думала, что у тебя свои дела и что тебе просто некогда. Короче, извини, пожалуйста. Я должна была

позвонить, поинтересоваться...

– Сацита...

–Короче, Али,— проговорила она быстро, обрывая его, – приходи сегодня в семь на ужин, пожалуйста. А то, – сказала она, улыбаясь, – твой дядя нас всех отсюда выселит.

–Сацита, послушай меня. Твоей вины здесь нет совсем. Действительно, у меня не было времени.— Али хотел сказать, что он был болен, но, тут же сообразив, что это лишь приумножит печаль Сациты, сказал: – Был очень занят. И вообще, я не ребенок, чтобы дядя такую панику из-за каких-то мелочей поднимал.

– Ну ты же его знаешь... Да и прав он, это моя оплошность. Мне следовало позво...

– Ну все, хватит! Прекрати! Так, значит, в семь? Хорошо, я приду.

–Будем ждать!

– До встречи.

Али отключил связь, подался вперед, чтобы положить телефон на столик, и как-то шутливо сказал: «Ну и осел же этот Исмаил! Зачем бедную Сациту так мучить!»

8

Без десяти семь Али позвонил в дверь. Кто-то быстро подошел и открыл. Это была Сацита, она стояла в испачканном мукою фартуке. Когда они стояли в сенях, обмениваясь словами приветствия, Али, разуваясь и снимая куртку, почувствовал душистый аромат вареного мяса и чеснока, невидимы-

ми волнами идущий из кухни, отчего у него во рту сразу же скопились слюни. Дети подбежали здороваться.

– Ты пока проходи, он в гостиной, телевизор смотрит. Я сейчас быстренько накрою и позову вас, – сказала Сацита и скрылась в кухне. Али вошел в гостиную.

– Добрый вечер, дядя, – сказал он, подходя поближе к Исмаилу.

– Да возлюбит тебя Бог, – ответил Исмаил и привстал, чтобы обнять племянника сообразно чеченским обычаям, когда младшие здороваются со старшими, как правило родственниками: обычное объятие, только не обеими руками, а с одной из сторон – справа или слева.

– Сядь где тебе удобнее, – сказал Исмаил и опустился обратно на свое место.

Али сел на кресло рядом.

– Ты, мальчик, не соблюдаешь наш уговор, – укоризненно сказал Исмаил.

– Да, дядя, я признаю свою вину. Просто по университету было много заданий, не было времени отвлечься.

– Да брось! На несколько часов в неделю можно отвлечься от любого, даже самого важного дела.

– Да, дядя. Отныне буду приходить, как бы там ни было.

– Вот и правильно. Ну как там, в университете, все нормально? Успеваешь?

– Да, вроде как успеваю, – сказал Али и тут же про себя подумал: «Знал бы ты, что я всю эту неделю этот университет

к черту посылал».

– А как твое самочувствие? Выглядишь ты что-то не очень. Болен, что ли?

– Я в полном порядке, дядя, – сказал он и тут же мысленно добавил: «Общаюсь с каким-то полупрозрачным человеком, который называет себя моим Разумом... В полном порядке, черт возьми!»

Вскоре Сацита крикнула из кухни:

– Кушать подано, мужики, идемте к столу!

Али сел по правую руку от дяди, Мансур, старший сын Исмаила, занимал место справа от Али, а слева от главы семьи сидел Асхаб, а за ним – Амина. Сацита же стояла возле кухонного шкафа, готовая, как прислуга, в случае надобности тут же подать, долить, добавить, убрать.

– Сацита, – обратился к ней Али, – присаживайся, покушаем вместе, что ты стоишь?

– А, нет! Я не голодна. Я лишь недавно поела. Кушай спокойно.

– Мансур вчера в школе двойку получил, и папа заставил его стоять в углу целый час, – сказала Амина, и не думая скрывать своего злорадства.

– Да эта учительница какая-то тупая, – возмущенно сказал Мансур. – Она ни за что ставит двойки.

– Если еще раз я услышу от тебя, что учительница тупая, – обратился к нему Исмаил, – всю ночь будешь у меня в углу стоять, понял?

– Понял, – виновато ответил сын и тут же, обращаясь к сестре, издевательски скорчив рожу, сказал: – Зато у меня больше пятерок, чем у тебя!

–Так, все! Прекратили! – сделала детям замечание Сацита. – Не вас слушать мы тут собрались. Али, ты выглядишь бледным. Плохо питаешься, что ли?

– А по-твоему, у него там возлюбленная, которая его красным борщом кормит, – с шутливой укоризненностью сказал Исмаил.

– Ну, мог бы и завести, не маленький, – рассмеялась Сацита.

– Я ему сделаю «завести»! Пусть только попробует, – улыбаясь, но строго грозя пальцем, сказал Исмаил.

– А если серьезно, – сказала Сацита,—надо женить его.

– Рано ему еще, пусть сначала университет закончит. Там и поженим.

Али сидел молча, со смущенной улыбкой опустив глаза.

Когда кончили кушать, Сацита убрала со стола, налила всем чаю и сама тоже присоединилась к сидящим.

У всех было хорошее настроение, много шутили и смеялись. Али как-то даже забыл о недавних тяжелых воспоминаниях и вообще о тяжести всей недели.

Если для решения некоторых личных проблем человеку иногда требуется уединенное размышление, то человека, страдающего тяжелыми воспоминаниями из прошлого, лучше выволить из уединения.

Али просидел в гостях более трех часов и к себе на квартиру вернулся только к одиннадцати вечером. Поставив будильник на семь утра, он как-то спокойно отошел ко сну.

9

На другой день ровно в семь зазвенел будильник, вырывая Али из сна без сновидений. На сей раз телефон, на котором был поставлен будящий сигнал, находился рядом. В полусне, с закрытыми глазами, он протянул руку, нащупал источник сигнала и отключил его. Затем он повернулся на другой бок и задышал так же спокойно, как и до будильного звонка. Минут через пять на повтор поставленный сигнал вновь потревожил его сон, и он повторно его отключил.

– Хватит уже спать, – сказал Разум, сидя в кресле лицом к Али. – Поднимай свое тело с постели, умойся и вернись к своим книгам!

Али повертел головой, опуская на подушку то левую щеку, то правую. Пробормотал что-то недовольно, а потом резко вскочил и, свесив ноги, уселся на край кровати. Глаза его были полуоткрыты, на лице отражалось сонное раздражение – вид, который бывает у того, кого разбудили посреди ночи.

– Тебе обязательно всегда будить меня, усевшись на этом кресле? – сказал он недовольно.

– Тебя разбудил будильник, который ты сам поставил. Да и хватит тебе уже дрыхнуть. Ты и так пустил коту под хвост всю неделю. Пора уже взяться за ум.

Когда Али поднялся и шаркающей, тяжелой походкой на-

правился в ванную, Разум попросил его включить настольную лампу. Али, не спрашивая ничего, подошел к своему письменному столу, включил лампу и пошел в ванную. Когда же он, умывшись, вернулся, то увидел, как Разум читает одну из его книг, лежащих на столе в раскрытом виде.

– Так ты можешь читать? – удивленно спросил Али.

– Конечно, – ответил тот, не отрываясь от книги.

– А я буду знать то, что ты учишь и читаешь? – спросил он, предвкушая радость от положительного ответа.

– Нет, – спокойно ответил Разум, снова не отвлекая своего взгляда от книги.

– То есть как это нет? – с досадой спросил Али. – Ты ведь мой Разум, и то, что знаешь ты, должен знать и я, разве нет?

– У всего бывают исключения, Али, – сказал Разум, на сей раз оторвавшись от книги и посмотрев в глаза Али. – Знай, ты не получишь ничего, если не приложишь для этого усилия. Ты спишь и гуляешь, а твой Разум пашет за тебя, и ты становишься умнее – такого не бывает, Али, не бывает.

– Да пошел ты, – сказал Али и направился на кухню.

– Человек, который посылает свой Разум, явно нуждается в походе к психиатру, – сказал Разум, вновь вернувшись к книге.

– А тот, кто общается со своим Разумом, в этом, по-твоему, не нуждается? – спросил Али, выходя из кухни с чашкой кофе в руке.

– Ну сходи тогда, кто ж тебе мешает? – сказал Разум.

– Не хочу в психушку угодить.

Али подошел к своему письменному столику, за которым сидел Разум, и сказал:

– Уступи мне мое место... А, погоди, ты же мой Разум. Значит, я могу сказать иначе: а ну-ка, пошел отсюда!

– Разумные люди относятся более уважительно к своему Разуму, – вставая, сказал его сущность.

– Ладно, извини. Кстати, ты будешь кофе?

– Издеваешься?

Али рассмеялся:

– Нет, просто предложил в знак уважения к своему Разуму.

– Очень смешно!

– Я лишь пытаюсь развить в тебе чувство юмора.– Али обернулся, но Разума уже не было в комнате. – Обиделся, что ли? – сказал он, раскрывая одну из своих книг.

Затем он погрузился в чтение и читал почти час, после чего оделся и отправился в университет. В коридоре вуза его встретила замдекана Людмила Васильевна и, заметив его здоровый, более оживленный вид, сказала, что рада видеть его таким, пожелала хорошей учебы и более никогда не болеть и не опаздывать. На занятиях Али проявил некоторую активность, ответив на несколько вопросов преподавателей. К трем часам пары закончились, и Али вышел из здания университета.

Он направился в кафе, где его ждали Умар и Тимур. Пока

они делали заказ, в зал вошла девушка потрясающей красоты и изящных форм, легко угадываемых сквозь ее зимнюю одежду. Темные колготки соблазнительным загаром украшали ее стройные ноги, высоко открытые короткой юбкой. Длинные светло-русые волосы прямыми нитями свободно опускались вниз, касаясь ткани черного пальто без воротника, а темно-серый шарф с изысканной небрежностью свисал с ее нежной шеи. Цокая замшевыми сапогами на высоком каблуке, она прошла к столику где-то посередине зала. Затем сняла пальто, сложила его и повесила на спинку стула, после чего размотала шарф и как-то демонстративно бросила поверх пальто. Далее, аккуратно, как бы поправляя, дернув за плечики блузку темного оттенка, она уселась поудобнее. В этот момент у нее в сумочке зазвенел телефон. Пока она с некоторым напряжением в лице рылась в сумочке, пытаясь добраться до источника звука, официантка подошла, положила перед ней меню и отошла. Наконец отыскав свой телефон, девушка приняла вызов и, соблазнительным движением туловища, шеи и особенно головы откинув волосы от правого уха, приложила его к столь прекрасно освобожденному органу слуха. Стоило колонке телефона прикоснуться к ее ушной раковине, как ее лицо тут же засияло и расплылось в улыбке, и та напряженная серьезность, что отражалась на ее лице, исчезла, словно выражение это было маской, внезапно сдернутой с ее лица. Свободной левой рукой, не прерывая своего общения, она раскрыла папку меню и стала зна-

комиться с его содержанием.

– Будем голосовать? – спросил Умар, внимательно разглядывая вошедшую. – Она одна, а нас трое.

– Голосуйте между собой, а я пас, – сказал Али. – К тому же, она явно кого-то ждет... Весьма даже возможно, что того, с кем сейчас разговаривает.

– Ну, – сказал Тимур, – ждать она может и подругу.

– Да даже если и не подругу, – подхватил Умар, – цветок не тому принадлежит, кто его взрастил, а тому, кто его сорвал.

– За красивой, чрезмерно вычурной оболочкой скрывается, как правило, уродливая внутренняя пустота. В жены такая не годится, а в матери для твоих детей – тем паче.

– Да почему сразу в жены? – Улыбнулся Умар. – Будет тебе приятным отвлечением от умственно-напряженных будней.

– А, – улыбнулся в ответ Али, – предлагаешь убрать физиологическую преграду, отвлекающую мой интеллект от плодотворной деятельности?

– Именно! – заявил Умар.

– Нет, – ответил Али, – вы уж между собой ее делите.

– Уступаю ее Умару, – сказал Тимур. – Я готовлюсь к одному турниру. Мне некогда отвлекаться.

Они продолжали сидеть, болтать и шутить довольно долгое время, позабыв о той девушке, об уходе которой они даже и не заметили. Умар и Тимур уехали, Али же сказал, что

хочет немного прогуляться. Они расстались на выходе из кафешки.

Морозный день был солнечным, и Али быстрыми шагами направился в парк.

Оказавшись внутри парка, он замедлил шаг и стал неторопливо прохаживаться по дорожкам, то размышляя о беседе в кафе, о словах Разума, то ни о чем не думая, то вспоминая что-то из прошлого, то думая о будущем. Иногда же его мысли, имея бессвязный характер, посвящались разным жизненным ситуациям и явлениям. «Люди, – думал он, сунув руки в карманы брюк и медленно шагая вдоль тропинки между деревьями, на верху черных жилистых ветвей которых покоились нежные полосы хрупкого белоснежного снега, – удивительные создания...». В этот момент он обратил внимание на редкие снежинки, неспешно, как перышки, начавшие спускаться с белого неба. Он откинул голову назад и, шурясь от небесной белизны, смотрел на забавно, зигзагами падающие снежинки... «Удивительно, – вдруг сменил он мысль, – сначала ничего не видно, и лишь в последний момент появляется снежинка, дергаемая туда-сюда каким-то легким, тихим и никак не ощущаемым порывом ветра». Он так и шел с задранной головой и прищуренными глазами. Иногда снежинка падала ему на щеки, тут же таяла и становилась каплей, которая потом медленно стекала с его щек. «Люди как эти снежинки», – подумал он, продолжая прерванную мысль об удивительности человека; он вспомнил

и о том, что где-то прочитал, как один ученый, исследовавший огромное множество снежинок, пришел к выводу, что ни одна снежинка не похожа на другую. «Да, – подумал он, – в своей удивительности люди похожи на эти снежный хопья...каждая из них имеет свою форму, хотя с виду все и одинаковы... Странно! Ведь их миллионы, миллиарды, а все разные... совсем как люди». Затем он проследил путь одной снежинки с того момента, как она показалась на светлом фоне небосвода, пока не опустилась на землю, которая слева и справа от пешеходной дорожки была устлана белой ровной пеленой. «Еще одна странность, – подумал он, – снег падает хаотично, а на землю он устилается ровно – не так, что где-то больше, а где-то меньше. Он везде одинаковый... Они падают как фигурки в тетрисе, но их никто не двигает вправо-влево, чтобы они ложились равномерно, а они все равно ложатся равномерно... Хотя как не двигает? Двигает! Во всем, что лишено свободы выбора, есть гармония и порядок. И только человек, одаренный этой свободой, нарушает гармонию и порядок в этом мире».

В это самое время мимо него прошла пара, предположительно муж и жена, с детской коляской. В момент, когда они поравнялись с Али, он заметил маленького ребенка, неподвижно лежащего в коляске. Краснощекий ребенок был тепло укутан. «Да, малыш, – подумал он про себя, – вот лежишь ты сейчас, слабый такой, безобидный. Не можешь даже встать из этой колясочки. Пройдет немного времени, и

кем же ты станешь? Ты будешь творить либо зло, либо добро. Интересно, кого и что ты из себя возомнишь. Ты же забудешь об этом своем нынешнем состоянии слабой немощности, как о нем забывали и все властители и тираны мира. Даже о том можешь забыть, кто родил тебя, нянчил и сейчас катает в коляске... И все же человек неблагодарное существо. Он не ценит добро, легко теряется и портится...». И вдруг мысль его вновь сменилась другой мыслью, порожденной идущей навстречу парой – девушкой и парнем. Вернее сказать, не самой парой, а какой-то их асимметричной противоположностью. Она – среднего роста, с телом прекрасного сложения, одетая со вкусом, красивая той красотой, что не приемлет глупости; с правильными чертами лица, придающими ее личику благородно милый и привлекательный вид. Он – ее полнейшая противоположность: неприятно долговязый, чуть сутулый, большой нос с горбинкой, кажущиеся разного размера глаза, нереально выдвинутый вперед большой подбородок, придающий какую-то тупость выражению его лица, и ко всему прочему безвкусно одетый. Как только они, взявшись за руки и весело беседуя, прошли мимо него, в нем и сменились прежние мысли: «Что же ее привлекает в нем? – подумал Али. – Будь он богатым, вопрос был бы аннулирован. Но на богача он явно не смахивает... В таком случае он, возможно, умен или в чем-то одарен... хотя это тоже вряд ли, уж слишком у него тупая физиономия. Да, внешность бывает обманчива, да и у талантливых людей часто бывает

невзрачный вид... Но это, я думаю, все же не тот случай...»

Затем Али посмотрел на тополя, возвышающиеся слева и справа от тропинки; на могучие дубы с раскидистыми ветками. Они, прервав, в свою очередь, предыдущую мысль, напомнили ему о родных чеченских горах и лесах. Вдруг его охватила ностальгия по родному краю. «Да, – подумал он, – на лето обязательно поеду домой, навещу родные горы и леса... А ведь весной и летом они бывают такими прекрасными... Интересно, как там поживают Олхазур и Зара? И живы ли они?... Да, надо их навестить, как только приеду домой».

10

После окончания Первой войны Али довелось побывать у дальних пожилых родственников, Олхазура и Зары, живущих в горном селении Чечни. Было это в период весенних каникул 1999 года, за несколько месяцев до начала Второй войны.

Олхазур и Зара приходились родителями матери Анзора, который был троюродным братом по матери и одноклассником Али.

Как-то Анзор сообщил Али, что во время длительных каникул ездит в горы к дедушке и бабушке, и предложил ему поехать весной вместе с ним. Анзор рассказал ему о красоте горного пейзажа и о тех прекрасных ощущениях, испытываемых от верховой езды. Али так понравился его рассказы, что он попросил дядю Идриса позволить ему поехать вместе с Анзором в горы на грядущих каникулах.

Так Али и довелось там побывать в первый и последний раз. С тех пор прошло почти десять лет, и Али больше ни разу там не был. Но и того времени, проведенного вместе с Анзором в горах у добрых пожилых людей, катаясь верхом на прекрасных лошадях, было достаточно, чтобы каждый раз с радостью вспоминать ту пору.

У старика Олхазура было небольшое стадо крупного рогатого скота. Али и Анзор отправлялись вместе с ним к горным пастбищам, чтобы помочь пасти животных. Также в собственности у дедушки были две объезженные лошади. Но только на одной из них он ездил пасти свое стадо. Вторая лошадь, одиннадцатилетний чистокровный английский вороной мерин по кличке Буян, была им года два назад приобретена у одного конюха из соседнего села. В свои молодые и здоровые годы Буян никому в округе не давал себя обскакать. Один раз он даже выиграл своему предыдущему хозяину автомобиль – приз за первое место на республиканских скачках. Но к девяти годам ему уже было трудно тягаться с молодыми, а во время последних скачек он еще и получил травму ноги. На выздоровление Буяну требовался год отдыха с особыми упражнениями и диетой. Хозяин рассчитал и решил, что травмированная лошадь, находящаяся на стадии завершения карьеры, не стоит такого внимания, и согласился обменять ее с Олхазуром на два взрослых бычка.

Олхазур в молодости и сам увлекался скачками. Поэтому любовь к лошадям, особенно к скаковым, зародилась в нем

давно. Позже он ходил на лошадиные скачки в виде простого зрителя. Во время очередного такого похода он и заметил Буяна—и тут же его полюбил. Но с тех пор ему пришлось ждать пять лет, чтобы иметь возможность его приобрести.

Старик бережно и умело ухаживал за Буяном, и в скором времени она забегала по просторам альпийских лугов как молодая. Некогда из толпы зрителей полюбившаяся Олхазуру лошадь теперь отвечала взаимностью своему фанату. Буян и старик – оба немолодые и опытные – хорошо понимали друг друга.

– Пойдем, я познакомлю тебя с Буяном, – сказал Олхазур Али в первый день его приезда.

– А почему его прозвали Буяном, дедушка? – спросил Али, из рассказов Анзора знавший, что речь идет о лошади.

– Потому что он любит иногда буйствовать. Не играетя и даже не балуется, как многие другие, а буйствует. Но тебе не стоит беспокоиться. Буян – очень хорошая лошадь... Только не ко всем привыкает. Если найдешь к ней подход, то она будет относиться к тебе... – Олхазур хотел было сказать «Как мать к своему ребенку», но быстро спохватился, и сказал: – Как покорный раб относится к своему почтенному господину.

Когда они вошли в скромную двухместную конюшню старика и открыли калитку денника, Буян подошел к ним близко и мордой уткнулся в грудь своему хозяину.

– Погладь его, ему это нравится, – сказал Олхазур.

Али подошел поближе, робко протянул руку и коснулся щеки мерина благородной крови. Ему так понравилась лошадь, что он стал гладить ее шею, скулы, радостно, обеими руками, взъерошивая ее челку и гриву. Али был счастлив, но было видно, что и лошади это нравится.

– Да вы, я вижу, не только познакомились, но уже и подружились, – заметил, улыбаясь, старик.

– А когда я смогу сесть на него? – радостно спросил Али.

– Как только будешь готов.

Али заснул в тот вечер, предвкушая события следующего дня.

Рано утром, позавтракав и соответственно одевшись, они втроем пошли седлать лошадей.

Для выхода с юными гостями старик попросил третью лошадь у соседа, и они втроем верхом, когда желтые лучи восходящего солнца освещали склоны западных гор, выехали на конную прогулку. На буяне сидел сам старец. Когда его вывели из денника, Али увидел его во всей красе. Желтые солнечные лучи, переливаясь на глянцеvито-черном покрытии лошади, позволяли глазу созерцать истинную красоту, какую только может явить животное для человека. Ее важная поступь слегка тревожила ухоженную и по обеим сторонам в пробор расчесанную гриву, состоящую из грубых ярко-черных шелковистых нитей. А белые круговые отметины нижних частей передних ног, от пястей до самых копыт, красиво подчеркивали эту особую манеру ходьбы. На второй лоша-

ди старика, гнедой полукровке, ехал Анзор, а Али, как новичок, был усажен на соседскую клячу. Юные гости старика были в восторге, и Олхазуру было крайне приятно видеть их сверкающие от счастья глаза и в улыбке сияющие лица. Восседающий на безымянной старой кляче Али не нуждался ни в каком руководстве по управлению лошадью: неприхотливая, бесхитростная и крайне ленивая кобыла волочилась, еле перебирая ногами, за двумя другими лошадьми, ничуть не снедаемая гордыней из-за своего жалкого вида и отставания.

Али был счастлив. Эта кляча под ним была первой лошадью, на спине которой он оказался, и поэтому в нем еще отсутствовал сравнительный вкус ощущений. Превосходство полукровки, на которой ехал Анзор, и особенно Буяна перед его старой кобылой он замечал лишь визуально, во внешности. Но сравнить ощущения от езды ему было не с чем. Но тем не менее Али горел желанием скакать на Буяне. И ему это удалось на другой день.

Вернувшись к вечеру домой, все, умывшись, пребывая в крайне веселом настроении, уселись вокруг стола за ужином. Зара, которой передалась радость ребят, тоже была весела и с особым удовольствием раскладывала блюда на столе. За трапезой все только и говорили, что о лошадях, о том, насколько это прекрасно —ездить верхом посреди гор, полей и лесов. Старик пытался всем своим видом показать, что его радость от поездки была не меньшей, чем у них. Но нельзя сказать, что он прямо уж притворялся: Олхазур, как и его

старушка, был заражен радостью парней.

Ночь прошла очень быстро, и утро следующего дня было столь же прекрасным, как и днем ранее.

Но Али на этот раз твердо решил ехать на Буяне. Олхазур заметил, что паренек неплохо сидел верхом вчерашним днем, и все же он опасался, что Али не справится со строптивым и быстрым меринком. Но перед настойчивыми уговорами Али он не устоял.

– Не боишься? Не передумал еще? – спросил его старик, седлая для него лошадь.

– Нет, – ответил Али спокойно.

– Вот и правильно. Сиди твердо, – сказал старик, усадив парня на лошадь и подгоняя стремяна под длину его ног, – но не скованно, а спокойно. Не напрягайся и не слишком расслабляйся. Если будешь волноваться и бояться, то лошадь осмелеет, и тогда тебе уже будет сложно с ней справиться.

– А как она может узнать, что я боюсь?

– О, они это очень хорошо чувствуют. Лошадь весьма умное и в то же время хитрое животное. Но если ты найдешь к ней подход и вы будете хорошо друг друга понимать, то она будет тебе верным и преданным другом. – Здесь он заметил, что Али просунул пятки глубоко в стремяна. – Вынь пятки слегка из стремян. Если лошадь взбрыкнет, а ты потеряешь равновесие и упадешь, то одна твоя нога застрянет в стремяни и ты будешь волочиться по земле. Так что до упора просовывать туда ноги нельзя. В случае чего лучше упасть на

землю, чем волочиться по ней. Но с тобой, я надеюсь, не будет ни того, ни другого.

Али тут же вынул слегка ноги, упираясь в стремена лишь передними частями ступней.

– Поводья держи ровно, – продолжал инструктаж Олхазур. – Не тяни назад и не дай им провисать. А так, чтобы в любой момент мог потянуть слегка назад и остановить ее. Руки, не отпуская поводья, можешь положить на холку, иначе...

– На что?

– Это там, где у лошади начинается шея... Да, вот так... Иначе они у тебя быстро устанут.

В этот момент Буян резко встрепенулся и побежал вбок. Али напрягся, чуть сполз в одну сторону, ноги выскочили из стремян. Он бросил поводья и крепко ухватился за гриву.

– Что я сделал не так? – спросил он Олхазура, осторожно поправляясь на седле.

После секундного напряжения Олхазур улыбнулся и сказал:

– Он почувствовал, что ты новичок, и захотел тебя сбросить.

– Но как он мог это почувствовать, ведь мы и с места не сдвинулись?

– По тому, как ты сидишь, как повод держишь, твоя неуверенность – во всей этой неопытности Буян видит почерк новичка.

Али принял на лошади исходное положение и потихоньку выехал со двора. Чуть позже к нему, также на лошадях, присоединились Олхазур и Анзор.

– Если что, – сказал старик, – прижмись к бокам лошади коленями. Это поможет тебе лучше держать баланс. Также с помощью ног ты можешь давать команды. Но это чуть позже.

Селение осталось позади. Впереди открылись просторы прекрасной природы – горно-лесистый ландшафт предстал во всей своей красе. Пышные кроны деревьев обширного леса, раскинутого в низинах по сторонам и прямо наверху, создавали впечатление зеленого плюща, широкой линией постеленного поперек мягких, сочно-зеленых бархатных холмов. Поверх густого леса, на нежных склонах далеких гор, манящей соблазнительностью виднелись альпийские луга. А чуть выше серым камнем к небу протянулись громадные скалы с покрытыми белоснежным снегом верхушками, так резко и прекрасно контрастирующие с зеленым низом и синеголубым небом.

Али пребывал в неопишемом восторге. Он ощущал силу красоты природы, обоняние ловило и доставляло к его чувствам свежесть и ароматы весенних цветов, трав и деревьев. И он ощущал силу и красоту лошади, на которой гордо и уверенно сидел, крепко держа поводья и чувствуя себя властителем этой прекрасной силы. Буян имел особенность радовать своих наездников чувством, что они сидят действи-

тельно на чем-то особенном, сильном и величественном. Его уверенно-горделивая поступь, серьезная – без тени игривости – бодрость передавали всаднику всю его мощь. Робких это пугало, что лошадь сразу же замечала, а сильных и уверенных радовало. И только последние, считал Буян, достойны сидеть на его спине и указывать, куда ему идти. Али же радовался, и Буян, оценив это, покорился ему.

Олхазур показал Али, как надо правильно сидеть, когда лошадь двигается рысью и галопом.

–Когда лошадь рысит,– говорил он, – слегка, во время каждого скака, отрываешь зад с седла, перемещая свой вес к ногам, и обратно опускаешься на седло, чтобы тут же снова от него оторваться. Как бы ловишь волну лошадиного скака, подстраиваешься под его движения – и наслаждаешься плавным и легким полетом. Вот так...—И старик погнал своего гнедого вокруг Али. —Видишь, ты сидишь на коне так, будто ты с ним одно целое. Если сидеть неправильно и слишком напряженно, то тебя будет жестко трясти и болтать, будто ты на деревянной табуретке скачешь по вспаханному полю, ну а если правильно – почувствуешь себя на мягком кресле с амортизаторами. Ну-ка, попробуй.

Али чуть дернул за поводья и крикнул:

–Но! Пошла!

И Буян понесся. Али сразу что есть силы потянул поводья назад. У него перехватило дыхание, улыбка, восторг и удивление застыли на его лице.

—Что это было! — сказал он взволнованно.

—Ну как, понравилось? — спросил Олхазур.

—Да, еще как! Это прекрасно! — крикнул Али и, крепче взяв в руки поводья и ударяя пятками в бока Буяну, громко издал: —Но! Но! Пошла! Да! Да! Да-а-а!

Али хохотал и кричал, а вороной резвый мерин, быстро сменивший рысь полевым галопом, нес его по зеленой лужайке, разрезая ветер и приближая дальние леса и горы. Олхазур и Анзор остались далеко позади. Буян несся легко и плавно. Волнистым скоком, едва касаясь земли копытами, он устремился в невидимую даль. В ушах Али свистел ветер и барабанно-глухой топот четырех копыт, резко и плавно ударяющих по мягкой земле. Ему почудилось, что это какой-то сон, что некое сказочно прекрасное животное уносит его в потрясающие дали на своей спине. Вокруг не было ни единой живой души. Али видел только качающуюся вверх-вниз голову и уши мерина, развевающиеся на ветру нити прекрасной гривы; видел горы, леса и небо на дальнем горизонте, слышал ветер и звук копыт— и испытывал непередаваемые чувства и ощущения, которых и не хотелось передавать или понимать. Он наслаждался моментом, одним из самых радостных в его жизни.

Картинки этих воспоминаний пронесли у него в голове очень быстро. И лишь задержка и перемотка некоторых фрагментов заняли у него полчаса времени. Ноги у него уже

подустали, и Али присел на скамейку, откинул голову назад и уставился в небо

– О чем думаешь? – спросил его Разум, появившись в сидячем положении рядом с ним.

– Тебе ли не знать, о чем я думаю?

– Знаю. Просто хотел прикинуться человеком.

– Для начала тебе надо перестать просвечивать, – сказал Али, и оба засмеялись. Наступила короткая пауза.

– Ну как, – спросил Разум, – отдохнул от меня?

– О да!

– Приятно было?

– Конечно!

– А ты уверен, что ты был один?

– В смысле? – удивленно спросил Али, присев ровно и повернувшись к своей сущности.

– О, да брось! Не будь таким глупым уже. Твои рассуждения о снежинке, о неблагодарности и ничтожности человека, о той девушке, что шла под руку с этим невзрачным парнем, воспоминания из прошлого – это все, дружок, и есть я, ну или то, что испытывается и переживается посредством меня!

– Но это не было похоже на твою надоедливую болтовню и спорные рассуждения. Я просто ходил и думал о том, о чем хотел думать...

– Нет, – прервал его Разум, – ты даже не мог управлять ходом своего мышления, придать ему тебе угодный характер, как не управлял и самой мыслью. Впрочем, здесь и я

бессилен. Мысль, которая как бы сама к тебе приходила, на самом деле приводилась к тебе волею случая, а случаи человеку неподконтрольны. Ты мог либо развить эту мысль в своем сознании, либо отказаться от нее. Но самую мыслью ты не владел. Снежинка, малыш в коляске, девушка с парнем и вон те деревья – все это зарождало в тебе мысли или оживляло воспоминания. Но за мгновение до той или иной мысли ты и подумать не мог, что она к тебе явится... Кстати, в своих рассуждениях о той девушке и ее спутнике, то есть о том, что ее в нем привлекает, ты так ни к чему и не пришел.

–А к чему мне прийти? Не во всем действия человека поддаются логике. Ты же сам так говоришь.

–Верно, не во всем. Но это не тот случай. Красивые девушки, как правило, легко вступают в разговор с теми, кто – как бы это парадоксально ни звучало – значительно им уступает во внешней привлекательности. Почему? Да потому, что бывают уверены, что их собеседник не воспримет это как знак их личной к ним симпатии, осознавая свое несовершенство перед ними. Таким образом, красотки понимают, что их внимание к своим противоположностям последними будет истолковано не как проявление личного интереса, а как дань благодетели; что ее высокая особа благосклонно снизошла до его уровня, чтобы подарить бедняжке радость почтения. Так, важная милашка скорее легко заговорит с немощным стариком, или инвалидом в инвалидной коляске, или с незрячим, ну или, наконец, с каким-то уродом

с физическим дефектом, нежели со среднестатистическим, внешне недурно сложенным молодым человеком. Люди из первой категории поймут – и она это будет осознавать – , что она, с высоты своего положения одаряя их вниманием, оказывает им свою милость, в то время как последний почитает это знаком проявления симпатии. Итак, не придавая никакого серьезного значения, эти противоположности легко вступают в контакт. Но с течением времени, незаметно для них самих, общение начинает их сближать. Внешние эстетические их различия и физиологические недостатки одного – стираются силой чувственного взаимопроникновения, порожденного общностью интересов и приятностью общения. И тогда тот из них, кто обладает привлекательной внешностью, теряет интерес к остальным вокруг себя. Но он или она так быстро не готовы, да и не желают с этим смириться, и поиски с попытками продолжаются. Но вот беда, каждый раз, когда он или она идут на контакт с такими же смазливymi, как они сами, то из-за внутреннего их различия и отторжения эти собеседники их совсем не впечатляют. И тогда перед ними встает выбор: либо, следуя общественному мнению, согласно которому привлекательные должны быть с привлекательными, им следует выбрать пару под стать себе и, довольствуясь общественным одобрением и восхищением, жить несчастно с чужим по духу человеком, либо же, не обращая внимания на мнения окружающих, выбрать себе в пару того, кто является их противоположностью во внеш-

ности, но с которым им уютно ввиду внутреннего взаимопонимания, близости и симпатии, и жить счастливой жизнью. Да и вообще, душевное принятие человека украшает и его внешность, точно так же как и внутреннее отторжение ее уродует.

– Но ведь можно выбрать пару, и внешне и внутренне себе подходящую.

– О, это слишком хорошо, а слишком хорошее в этом мире бывает слишком редким, а редкое – это исключение, а исключительное дается не всем. Но всем хочется быть счастливыми. Выбор – слишком часто – это выбор из того, что есть, а не из того, чего ты желаешь.

– Наверное, это и хорошо, что не мы выбираем, как и то, что не все понимаем, не все можем. Да и вообще, что не все в руках человека... Да я, если честно, уже и запутался касательно того, что есть человек, что он из себя представляет, – в задумчивости сказал Али.

– Жизненный путь, который у каждого свой, формирует человека, его характер и взгляды. И поэтому, человек – это то, что он пережил, испытал и знает.

– Это все слишком сложно.

– Не столько сложно, сколько гениально, а все гениальное, как известно, просто. Не стоит усложнять.

– И какие мне следует сделать из всего этого выводы?

– Сделай из этого такой вывод: ты можешь многое и ничего, ты все и ничто. Но в твоих силах всегда делать здравый

выбор, ибо в конечном счете от этого выбора будет зависеть, какие мысли будут приходить тебе на ум, о чем ты будешь думать и что будешь переживать.

– Легко сказать. Но мне интересно. Продолжай.

–И следовать не сложно. Какие бы вопросы тебе ни пришлось решать, знай: решение, кажущееся Разумным, не всегда может быть справедливым, но справедливое решение – всегда будет Разумным...

Али слушал речь Разума внимательно, упершись взглядом в одну невидимую и неопределенную точку на белоснежной земле. День потихоньку уходил в ночь. Снежные хлопья все так же спокойно, но уже гуще падали с невидимых небесных источников. Прогуливающих людей уже почти не было, были лишь те редкие прохожие, которые быстрой походкой устремлялись домой.

– Звучит красиво, правильно и даже идеально, – сказал Али сидящему рядом полупрозрачному Разуму, который в быстро сгущающихся сумерках совсем исчезал. —Но в жизни все намного сложнее и неопределеннее. Принимать всегда правильные и Разумные решения бывает крайне трудно, а порою даже и невозможно.

– Человек никогда не попадает в ситуацию, когда он не может поступить благоРазумно... Но сейчас тебе лучше пойти домой, а то замерзнешь... И да, навестить Олхазура и Зару – это хорошая идея.

–Да, – сказал Али как-то тихо и задумчиво, помолчав

некоторое время, – сейчас пойду... Но мне здесь так хорошо... Даже не холодно. Когда идет снег, никогда не бывает холодно... Но я сейчас пойду... Встану и пойду... А все-таки хорошо здесь... Тишина, нарушаемая лишь нежным и обильным постукиванием снежинок по снежной земле и сухим веткам деревьев... Как думаешь, а они живы?

– Я откуда знаю? Я всего лишь твой Разум, а не какой-нибудь ясновидящий.– Сказав это, Разум исчез.

Али просидел еще некоторое время откинувшись на спинку лавочки, задрал голову и смотря в небо. Потом встал, приподнял воротник своего кашемирового френча и неспешно направился к выходу из парка.

12

Одним солнечным воскресным днем, с утра два часа посидев над книгами, Али захотел немножко развеяться. Он решил позвонить Умару и Тимуру с предложением встретиться и посидеть где-нибудь в кафе. Умар не взял трубку, и тогда он набрал Тимура.

– Слушаю тебя, Али, – отозвался Тимур.

– Я звонил предложить встретиться. Умар трубку не берет.

– Он на стрелке, брат.

– На какой стрелке?

– Не знаю. С кем-то у них там какие-то проблемы, я сейчас направляюсь туда с приятелем.

– Но почему вы мне ничего не сказали?

– Да он и мне ничего не говорил. Я случайно узнал от одного знакомого. Вроде ничего серьезного. Сейчас поедем, посмотрим.

– Вы на машине?

– Да.

– Заверните ко мне тогда. Вместе поедем.

– Да не, брат, тебе не...

– Хватит болтать, Тимур. Делай, что тебе говорят, – прервал его Али.

– Ладно, мы как раз рядом проезжаем.

– Жду.

– Это плохая затея, – сказал Разум, когда Али положил трубку и в спешке начал одеваться. – Ты разве забыл наставления своего дяди? Ты этим его очень сильно огорчишь.

Али ничего не отвечал и продолжал одеваться.

– Он мой друг, – спокойно сказал Али.

– Ну и что? – спросил Разум.

– А то, – ответил Али, продевая ремень джинсовых брюк через кожаную шлевку чехла с ножом, – что дружба – это не только веселые посиделки в кафе. Дружба имеет и свои обязательства, которые не всегда могут быть приятными. И еще: Умар на моем месте поступил бы так же.

– Не ходи туда, – сказал Разум в последний раз, – там и без тебя разберутся. Опомнись, пока не поздно. Подумай об Исмаиле!

У Али в кармане зазвенел телефон. Это был подъехавший

Тимур со своим приятелем. Он молча вышел и сел в машину.

Когда они въехали на территорию заброшенного завода, что находится на окраине Москвы, то там стояли две черные иномарки. Это была сторона Умара.

Место это было тихое. Под воздействием времени обветшалый остаток заброшенного завода, прекративший «дышать» после развала СССР, источал какое-то тоскливое молчание. Невидимая рука времени состряпала из дождей, солнечных лучей, пыли и зимних морозов какую-то ядовитую смесь, которой здесь все было измазано и которая приводила все к медленной смерти. Почерневшие деревянные рамы, внутри которых зигзагами торчали потемневшие осколки разбитых стекол; замерзшим мхом покрытый шифер и фундамент; ссыпавшийся красный обожженный кирпич; в неполюженном месте вылезшие сквозь снегом покрытый асфальт кустарники и деревья, покосившееся высокое бетонное ограждение вокруг, все изрисованное граффити, за пределами которого открывалась обширная пустошь.

– Вы-то откуда взялись? – С удивленной улыбкой Умар двинулся к ним на встречу.

– Бог послал, – ответил Тимур и спросил:– Что здесь происходит?

С Умаром было еще пятеро ребят. Тимур и Али со всеми поздоровались за руки.

– Да ерунда какая-то, – ответил Умар. – Вот этот вот, – он указал на одного из тех пяти, что были с ним рядом, –

повздорил в клубе с одним отморозком, который по пьяни начал лишнее болтать. В результате у выскочки перелома на челюсть. Короче, тот оказался близким жожака какой-то шайки. Забили стрелку и ждем. Одним словом, детские разборки, на которых вам делать нечего. Если бы нужна была помощь, я бы сообщил. За отзывчивость благодарю, а теперь поезжайте обратно по своим делам.

– Ну, если это и впрямь такие детские разборки, то мы стоим в сторонке и посмотрим на зрелище, детство вспомним, – улыбался Тимур.

– А я от книг и мыслей немножко отвлекусь, мне это полезно, – сказал, так же улыбаясь, и Али.

– Ну ладно, как хотите.

Десять минут спустя появились машины. Они медленно въезжали на территорию завода и останавливались напротив трех стоящих машин. Тимур стал считать вслух и остановился на цифре семь.

– М-да, Али, видимо, нам с тобой предстоит поучаствовать в детском зрелище, а не наблюдать его со стороны.

– Они что, воевать приехали? – сказал один из присутствующих.

– Нормально все, – пытался казаться хладнокровным Умар.

Когда машины остановились, выстроились в ряд напротив группы Умара, из них вышла целая толпа, держа в руках бейсбольные биты, дубинки, ножи и прутья.

Умар, увидев их, рассмеялся:

– Да это простые уличные хулиганы. Я-то думал серьезные люди со стволами выйдут.

– Умар, если учитывать разницу в количестве, то это для нас весьма серьезные люди, – сказал Тимур. – И еще не исключено, что у них и стволы имеются.

К этому времени толпа прибывших приблизилась, и один, чуть выйдя вперед остальных, крикнул:

– Кто у вас здесь главный?

– У нас все равны, но если вы приехали говорить, то говорить вы можете со мной, – вышел вперед Умар.

– Нет, мы не болтать приехали. Наш парень лежит в больнице, и нам нужен тот, по милости которого он туда попал.

– Парни бились на равных. Начал ваш. Но если вам все же он нужен, то берите его, разобравшись с нами.

– Это не проблема.

– Конечно не проблема. Вас втрое больше нас, да и подготовились вы, я смотрю, неплохо. Только у меня одно условие.

– Какое?

– Я не вижу ни у кого из вас стволов. Но кто его знает, что у вас там под куртками спрятано. Так вот наше условие: никто не пользуется стволами.

– Допустим, мы согласимся, но где гарантии того, что вы нас не обманете и не начнете сами палить?

– Более сильной гарантии, чем мое слово, я дать вам не могу – сказал Умар.

– Ладно, мы принимаем условие.

Пока шел этот диалог, несколько человек, приехавших с Умаром с травматическими и боевыми пистолетами, ввиду изменившихся условий подыскали на территории завода стальные трубы и прутья для битвы. Али с Тимуром вынули из ножен свои ножи приличных размеров. Кроме того, Али поднял с земли металлическую трубу для второй, левой руки. Умар оголил свой большой нож из набедренного чехла. Два отряда встали друг против друга.

Али стоял, сжимая в руках орудия и сосредоточенно рассматривая противника. И в этот миг он услышал справа от себя голос:

– Ладно, раз уж ввязался в эту авантюру, постараюсь тебе помочь, – сказал, появившийся рядом Разум. – Только не надо мои советы обдумывать. Видишь вон того толстого в кожаной куртке и с битой в руке? – Он, судя по всему, победит на тебя. Кожа его куртки слишком жесткая, поэтому бей ножом по ноге или трубой по голове. Тот хилый, что рядом с ним, видно, волнуется. Страх пустит ему адреналин в кровь, и он кинется в бешенстве, хаотично размахивая своим ножом. Но когда он подойдет, тот же страх врубит в нем чувство самосохранения, и тогда он будет стоять, не решаясь напасть и не давая атаковать себя. Короче, не трать на него времени, а сразу, после толстого, возмись за того светлого. На нем легкая куртка, можешь вбок всадить, только осторожно! Не до конца! Убийство нам не нужно. Ну а дальше действуй

исходя из ситуации. Сохраняй спокойствие, будь расчетлив, действуй расторопно, но без лишней суеты.

Кто-то что-то громко крикнул, и две группы бросились друг на друга.

Али бежал, взглядом поймав толстяка. Толстяк, сотрясая щеки, в черной куртке, кожа которой была сильно натянута большим жирным животом, крепко держа битую трубу, бежал ему навстречу. Как только он подошел близко, Али отразил его удар трубой левой руки, опустился на правое колено перед ним и всадил нож во внутреннюю часть его правой ноги. Затем он поднялся и замахнулся трубой, кончик которой, со специфическим звуком, издаваемым при ударе железа о кость, обтянутую кожей, опустился чуть выше лба толстяка. Кровь фонтаном хлынула у него из головы, заливая все лицо. Он был контужен, но не падал. И тогда Али замахнулся во второй раз, и удар пришелся сбоку, чуть выше правого виска. Все это заняло лишь секунды. Затем он взялся за светлого в легкой куртке. В руке у противника был довольно длинный нож, почти тесак. Несколько его атак Али успешно парировал трубой. Атаковал же он почти одними и теми же движениями, вырисовывая своим большим ножом обычные траектории: с правого верхнего угла нож по диагонали, со свистом разрезая воздух, опускался до нижнего левого угла – и так же слева направо.

– Трубой отразил удар, а потом сразу же всадил ему в плечо нож. Он схватится за рану второй рукой, вот тут и огреть

его трубой по башке, – подсказка Разума мигом пронеслась в голове.

Али послушался его совета, и соперник был повержен. Видя в трубе больше пользы, он поменял орудия в своих руках. Теперь труба была в правой руке.

– Сзади! – крикнул Разум.

Али быстро вскочил вперед, и слух его поймал резкий звук предмета, от сильного размаха расталкивающего воздух, – это была стальная телескопическая дубинка. И как только он обернулся, дубинка, тем временем уже успевшая пойти на второй заход, неслась с бешеной скоростью прямо к голове Али. Разум мгновенно промолвил: «Выбрось руку с трубой»

Не успел Разум дать этот совет, как челюсть противника с хрустом сдвинулась налево, а потом беспомощно повисла. Дубинка, так и не успев дойти до цели, выпала из его рук, а за ней свалился на землю и тот, кто ее только что держал. Али стоял, словно контуженный, не понимая, что только что произошло, ибо удар он нанес вслепую.

– Интуитивно-рефлективные действия логике не поддаются, – сказал Разум. – Так что не трать зря времени пытаясь понять случившееся.

Эти слова отрезвили Али.

И тут он увидел, как к Тимуру, занятому битвой с противником, подбегает второй недруг с ножом. В то же самое время его взору предстала и другая картина: как третий идет на

него самого. У Али был нелегкий выбор: либо сразиться со своим противником, либо спасти товарища и отразить атаку второго, подвергая себя опасности. Думать времени у него тоже не было. И в тот самый момент, когда он все же решил спасти друга, Разум произнес: «Опасно!». Али успел отразить удар, предназначенный Тимур, но в это же время его собственный противник настиг его. Али машинально выбросил ногу в его сторону, и тот, уже находясь близко от него, глубоко всадил ему нож чуть выше колена.

В этот момент раздался звук одного выстрела, за которым последовала настоящая пальба из множеств пистолетов.

Неизвестно, кто первым достал огнестрельное оружие. Но после первого выстрела стреляли уже с обеих сторон. Началась паника. Противники потащили к машинам своих раненых, сторонники Умара – своих. Умар подбежал к «ауди», достал автомат Калашникова и начал палить по отъезжающим машинам неприятеля. Пули проделали дыры в кузове нескольких машин и разбили стекла. Затем Умар помог погрузить в машины раненых, и они быстро покинули это злополучное место, оставив на поле битвы много следов крови.

Помимо Али и еще одного, у которого было ранение в ногу из травматического пистолета, пострадали Тимур. Он, получивший пулевое ранение в живот от боевого пистолета, находился в самом тяжелом состоянии. Умар с Тимуром расположились на заднем сиденье, Али, согнувшись, сидел на переднем пассажирском месте. Третий пострадавший нахо-

дился во второй машине. У остальных были легкие порезы и ссадины. Третью машину отпустили за ненадобностью и чтобы не привлекать лишнего внимания.

– Гони на дачу врача!– велел Умар сидящему за рулем Алихану. Потом, взволнованным голосом обращаясь к Тимуру, сказал:

– Потерпи немножко, братишка! Все будет хорошо. Тот, кто тебя ранил, отхватил от меня прилично. И поверь, ему сейчас намного хуже, чем тебе. Если, конечно, он все еще жив.

Лицо Тимура было мертвецки бледным и искаженным от нестерпимой боли, а на лбу то и дело выступали капельки пота, которые Умар постоянно вытирал своей вязаной шапкой.

–Ты-то как?– спросил он у Али.

–Ерунда. Но Тимуру, – обернулся он назад, – срочно нужна помощь. Его немедленно нужно доставить в больницу.

– В больнице, – сказал Умар, ища что-то в телефоне, – сразу доложат ментам. У нас на такой случай есть один человек.– Он, по всей видимости найдя искомый контакт, нажал на кнопку вызова и приложил телефон к уху. – Алло! Витя, срочное дело!.. Два горячих, один холодный!..

– Это значит,—стал пояснять водитель, – что у двоих огнестрельное ранение, а у одного– ножевое.

–...Нет, Витя... Да мне плевать на твою занятость! У одного горячего плохо, Витя!..Через полчаса?! Да поскорее,

черт возьми!.. Ты уж постарайся... Хорошо, мы будем на месте. – Умар сунул телефон обратно в карман.

– Кто это? – спросил Али.

– Это доктор, братишка. Очень хороший чертов доктор. Правда, зануда тот еще. Но свое дело знает.

– А ему можно верить?

–Брат, в этом мире можно верить лишь двоим: хорошему, испытанному другу и тому, кому ты платишь, зная, что больше тебя ему никто не заплатит. А мы этому доктору платим очень даже прилично. Он еще в девяностые лечил криминальных авторитетов. У него на даче есть что-то вроде подпольной клиники. Мы платим ему, чтобы он лечил тех из нас, кто страдает на левых делах. Да и сам он, в принципе, если убрать местами проявляющееся его нытье, мужик неплохой, с понятиями. Через его руки прошли столько криминальных деятелей и авторитетов, что он уже и мыслит по воровским понятиям. Так что, друзья мои, вам не о чем беспокоиться. Алихан, – обратился он к водителю, – не гони так быстро, а то еще менты на хвост сядут, тогда вообще все пропало. Езжай поосторожней, тем более недалеко осталось, да и до приезда Вити мы три раза туда доедем.

Повернув с шоссе на проселочную дорогу, ведущую к дачному поселку, и проехав метров сто, две машины остановились. Было видно, что этой дорогой пользуются редко, а со времени последнего снегопада, что был два дня назад, по ней и вовсе никто не ездил.

– Того раненого положим сюда и поедем дальше одни. А то две машины могут вызвать подозрения у любопытных бабулек, – сказал Умар и вышел из машины. Третий пострадавший, ехавший во второй машине, сказал, что ранение у него не серьезное и что с ним справится и его жена, у которой медицинское образование. В итоге, попрощавшись и пожелав друг другу удачи и здоровья, отпустили и вторую машину. Автомобиль с пострадавшими подъехал к даче. Умар вылез из машины, открыл калитку ворот ключом, который он достал из-под большого белого камня напротив входа, отворил створки ворот и после того, как автомобиль въехал, закрыл их обратно. Когда водитель подошел к Али, чтобы помочь ему войти в дом, Али попросил его подсобить Умару с Тимуром и сам проковылял вслед за ними. Чуть погодя подъехал и доктор.

Витя, ни с кем не здороваясь, быстро миновав гостиную, прошел в темный коридор и завернул направо. Опустившись возле стены, он взял за краешек узкий коврик в длину коридора и отбросил в сторонку. Под ковриком показалась крышка в подвал, с прикрепленной в конце одной из сторон вместо ручки короткой тесемкой, потянув за которую он оторвал крышку и положил рядом с образовавшимся черным квадратом. Спустившись на несколько ступенек, доктор протянул куда-то в сторонку руку и включил свет. Показалась широкая лестница с удобными деревянными ступенями.

– Давайте их быстро сюда, и сперва тяжелого, – сказал он,

спустился до конца и, отперев своим ключом дверь, вошел в какое-то помещение.

Али попал вовнутрь последним.

После спуска с лестницы сразу же, метра через два, была дверь, за которой и скрывалась та потаенная комната. Внутри все было как в настоящей больничной операционной палате. Первое, что обращало на себя внимание, это чистота помещения: все было бело, свежо и стерильно. Сразу после входа, справа и слева были расставлены две койки, заправленные белоснежным постельным бельем из бязи; чуть дальше, в правом крайнем углу, стоял операционный стол, а напротив него, слева, находился обычный белый столик с большими выдвижными ящиками по одну сторону и дверцами как от маленького шкафа, по другую. Доктор, подойдя к столу слева, открыл дверцы и один за другим стал доставать разные предметы: металлические коробочки и кожаные рулоны с карманчиками для инструментов. Затем он начал выдвигать ящики и вынимать оттуда какие-то пузыри, флакончики с жидкостью, инфузионные системы, шприцы, ампулы, бинты. Разложив все это на столе, Витя надел себе на руки белые резиновые перчатки. Затем, разломав тонкое горлышко ампулы, всунул туда иглу шприца и вытянул поршень, одновременно велел Умару приготовить раненого в живот для укола. Было видно, что Умар не в первый раз ассистирует доктору. Вколыв раненому обезболивающее, он быстро пощупал пульс и осмотрел рану.

Али же, в отличие от Тимура, выглядел получше. Он еще в машине по дороге остановил кровотечение, перевязав себе ногу чуть выше раны своим брючным ремнем.

– Черт! – воскликнул доктор и озадаченно рукавом провёл себе по лбу, как бы этим жестом удаляя с лица вдруг появившееся беспокойство. – Этого я и опасался.

–Что? Что случилось? – растерянно спросил его Умар.

Но доктор, не отвечая на вопрос, продолжал напряженно обследовать больного.

– Рана слепая, – сказал он, не увидев выходного отверстия. – Значит, пуля торчит в организме. – Потрогав живот, он выдал: —Мышцы брюшины напряжены.– Затем постарался произвести пальцевое исследование прямой кишки, но Тимур раздраженно послал его куда подальше.

– У меня есть подозрение на повреждение толстой кишки, – стал пояснять доктор смысл своей попытки, – а это можно проверить только таким способом... Впрочем, оставим.

Затем он еще раз внимательно осмотрел рану:

– У него, видимо, имеются повреждения полых и паренхиматозных органов.

– И что это означает? – все так же взволнованно и быстро спросил Умар.

–Видимо, – продолжал доктор, не останавливая осмотра и как бы обращаясь к самому себе,– повреждены печень и толстая кишка... Надеюсь, что толстая, а не тонкая, так пери-

тонит будет развиваться медленнее. Но точно сказать сложно. Вероятно, кровь и желчь скапливаются у него в брюшной полости... И это очень плохо!

Потом он спохватился, понял, что Умар стоит рядом и ему нужно все объяснить.

– Вот это вот, – доктор быстро указал на вывалившуюся из раны прядь сальника, при виде которого он и вскрикнул вначале «Черт!», – это свидетельство проникающей раны... Короче, Умар, дальше гадать нет смысла. Парню срочно нужно провести лапаротомию, то есть вскрыть живот.

– Ну так приступай! Ты же доктор!

– Я не могу.

Умар вспыхнул:

– Что значит «не могу»?! А кто это сможет, если не ты?!

– Послушай меня, Умар. Ранение живота, тем более проникающее, относится к наиболее сложным видам ран. Требуются особые условия...

– Да у тебя же тут все как в больнице, черт возьми! Делай, что можешь! – раздраженно закричал Умар.

– Эта комната при всем желании не сможет заменить больницу, как и я не могу заменить целую бригаду разнопрофильных врачей, что требуются в случае таких ранений. Нужны анализы крови, аппаратура, УЗИ и многое другое. У него все признаки проникающего ранения и развивающегося огнестрельного перитонита, – сказал доктор и, заметив непонимание на лице Умара, пояснил:– Это воспаление брюши-

ны. Одна из главнейших причин летального исхода у раненных в живот.

– Не болтай ерунды, – не мог успокоиться Умар, – у нас во время войн врачи безо всяких условий лечили все типы ранений!

– Да! – повысил в ответ голос доктор. – Но здесь не идет война. Не будь другого выбора, я бы тоже взялся делать все, что в моих силах. Но так мы рискуем его жизнью!

– Ты, сука!– Умар схватил Витю за ворот его белого больничного халата, что он успел надеть, войдя в это помещение, и приставил к его голове пистолет. – Ты просто трясешься за свою шкуру и репутацию! Ни черта тебя не беспокоит его участь! Но сейчас тебе надо бояться только меня! Или ты его оперируешь, или я вышибу тебе мозги!

Доктор, еще минуту назад принявший было горделивый вид, мгновенно обмяк, задрожала его нижняя челюсть, и он с трудом, заикаясь, выдал:

– Ведь если с ним что-нибудь случится, то ты тогда тоже с меня спросишь.

– Еще как спрошу!

– Тогда послушай меня, Умар, – умоляющим голосом сказал он.– Я могу ему произвести лапаротомию, могу зашить или удалить поврежденные органы, несмотря на отсутствие должных условий. И допустим, все пройдет хорошо. Но после таких операций обычно бывают осложнения, – доктор выдержал небольшую пауза, а потом сказал: – Ему и после

удачной операции понадобится послеоперационное наблюдение и лечение как минимум в течение первых десяти суток, так как перитонит, вызванный огнестрельным ранением живота, чаще всего имеет послеоперационные осложнения и может привести к полиорганной недостаточности. А это уже почти летальный исход. И чтобы всего этого избежать, ему необходимо аппаратно-инструментальное и медикаментозное лечение, как УЗИ, эндоскопия, контрастная рентгенография желудочно-кишечного тракта, аппаратный метод интенсивной терапии, компьютерная томография, сильные антибиотики, детоксикация и многое другое.— Быстро выпалив все эти слова на одном дыхании, он остановился, чуть не задыхаясь.

— Тогда сделай операцию, а потом мы его повезем в больницу, — чуть спокойнее, но строго сказал Умар и опустил пистолет.

— После того как я сделаю ему разрез на животе, его уже нельзя будет трогать. Ему сначала нужно катетеризировать мочевой пузырь, затем произвести лапаротомию, после — ревизию других органов на предмет повреждения и только потом приступить к хирургическим манипуляциям, предварительно наложив колостому и произведя дренаж брюшной полости, с параллельной реинфузией крови.

Доктор понимал, что употребляемые им специальные термины, которые хоть и отражали истину, мало о чем говорят Умару; но он также понимал и то, что Умар просто так от

него не отвяжется, и если он не донесет до него всю сложность ситуации, то тот может подумать, что доктор просто отказывается помочь его другу, боясь последствий. Когда человек говорит на своем специальном, для непросвещенных непонятном языке, то у слушателя невольно появляется чувство, что говорящий – мастер своего дела и точно знает, о чем говорит.

– Черт! – раздраженно выдал Умар.

– Пойми, я не увиливаю... Мы же не первый год работаем вместе, и ты знаешь, что я всегда помогал, когда видел, что могу помочь. Я знаю, что я говорю, и говорю я, как лучше для него. И этим диалогом мы лишь теряем время.

– Умар, – тяжело дыша, сказал Тимур, – это же был не разбой, потерпевших нет, никто заявку не писал и вряд ли напишет. У ментов на меня ничего нет. Так что если и сяду, то это будет ненадолго. Думаю, это лучше, чем тут, страдая, подыхать. Отвези меня в больницу.

– Да, это так, братишка. Но менты в таких случаях все равно находят, что на тебя повесить, и я не хотел бы, чтобы тебя на годы упекли из-за меня... Черт! Ну ладно. Что нам теперь делать? – спросил он у Вити.

– По статистике, если произвести лапаротомию в первые два часа после ранения живота, то шанс на спасение девяносто процентов; от шести до двенадцати часов – только двадцать пять процентов. После его ранения, я так понимаю, не прошло и часа. Я могу вам порекомендовать одну больни-

цу, где есть прекрасные хирурги в этой области,— говоря это, доктор живо взял со стола ручку и клочок бумаги и черкнул адрес лечебного учреждения. — Больница как раз находится здесь рядом, — сказал он, протягивая листок Умару, который сразу же передал его Алихану.— И еще: обо мне, пожалуйста, ни слова.

Умар, доктор и Алихан взяли Тимура под руки и повели наверх. По пути Умар наставлял обоих.

— Как только передашь его врачам, сразу же уходи отсюда, — сказал он Алихану.

—А ты, — обратился он затем к Тимуру, — скажешь, что тебя ранила шальная пуля и рядом проезжающий тебя подвез.

Открыв заднюю дверцу машины, они осторожно уложили больного на сиденье.

—Так ты остаешься? — спросил Алихан Умара.

—Боюсь, — сказал Умар, — я не доеду. Ладно, езжайте поскорее.

Как только машина выехала, Умар упал на землю.

Али еще в погребной палате доктора заметил, что Умар время от времени прикладывает руку к боку с некоторым напряжением на лице, свидетельствующим о попытке превозмочь боль. Али посчитал это следствием удара каким-нибудь тупым предметом. А та кровь, что у Умара была на брюках, казалось, принадлежала Тимуру, которой Умар испачкался, когда ехал с ним в машине и помогал ему спуститься в подвал.

После того как Алихан увез Тимура, доктор, держа под руку, втащил обессиленного, но все еще находящегося в сознании Умара в свой подпольный лазарет. Али, с хромотой, кинулся им навстречу и помог Вите уложить Умара на операционный стол. Когда осмотрели рану, то обнаружилось, что рана была нанесена пулей из травматического пистолета, и поэтому внутренние органы не пострадали.

– Ну, с этим и мы справимся, – спокойно сказал доктор. – Он просто потерял много крови. И зачем сразу не сказал?.. Эх ты.

Подойдя к своему столу, Витя взял флакон кровезамещающей жидкости — декстрана, подкатил штатив на колесах и вставил в специальное кольцо бутылку с жидкостью вниз горлышком. Как только бутылка пролезла в кольцо на одну треть и зафиксировалась, доктор достал из пакета инфузионную систему и подсоединил один конец к бутылке. Затем взял резиновый жгут и наложил его на предплечье пострадавшего,

– Витя, – тихо сказал Умар, – извини, что я...

– Да ладно тебе, – небрежно прервал его доктор, продолжая заботливо суетиться возле Умара. – Я все уже забыл. Ты лучше кулаком поработай.

Нащупав у локтевого сгиба слегка вздувшуюся вену, Витя тут же обработал ее спиртом и ввел иглу, после чего снял жгут и зафиксировал иглу лейкопластырем. Далее специальным роликом настроил скорость капель и отдельным шпри-

цем ввел раствор местного анестетика.

После этого доктор подошел к Али и спросил:

– Ну как вы себя чувствуете?

– Терпимо. Вы сначала его осмотрите.

– Я ему ввел анестезию. Пока она подействует, осмотрю вас.

Нож пришелся на мягкие ткани лодыжки Али, нервы при этом не были задеты. Промыв рану, доктор наложил швы, обработал специальной мазью и забинтовал. После чего снова вернулся к Умару, подкатив к себе подставку с инструментами. Он включил и подвинул к области раны специальную лампу, прикрепленную к потолку посередине койки, с большим круглым абажуром – так, что ее свет падал только вниз, не слепя доктору глаза. Лампа фиксировалась как по вертикали, так и по горизонтали. Сначала доктор, просунув в раневой канал указательный палец, нащупал место, где застряла пуля. Затем, сделав небольшой разрез в области входного отверстия, с помощью щипцов вынул пулю, у которой не хватило мощности и свойств, чтобы глубоко проникнуть в организм. Потом, промыв рану, зашил ее и перевязал.

К вечеру Али был уже у себя в квартире. Он расплылся в кресле, положив раненую ногу на журнальный столик перед собой. На том же столике лежал белый пакет из аптеки, в котором были таблетки, бинт, мази, йод и пластырь. Доктор сказал, что время от времени будет ходить к нему на дом для перевязок.

– Этот Умар – полный придурок, – сказал Разум. – Он еще в самом начале мог достать свой автомат, от вида которого те бросились бы наутек, и тем самым предотвратить напрасное кровопролитие. Но нет, надо же было продемонстрировать безрассудство, выдавая его за храбрость, подвергая таким образом опасности не только свою жизнь, но и жизни своих друзей!

– Нет, – сказал Али. – Если бы они тогда разбежались, то дело оставалось бы незавершенным. Иногда, к сожалению, только кровь может решить проблему. Умар это понимал, потому и поступил так.

Потом Али повернулся к Разуму и, улыбаясь, спросил:

– Неужели у меня пацифистская сущность?

– Пацифизм, – отвечал Разум, – равно как и милитаризм, есть две противоположные крайности, за которые ухватываются либо глупые трусы, либо кровожадные дураки. Однако долг морали требует, чтобы помыслами человек всегда был миролюбив и старался разрешать все проблемные вопросы жизни исключительно на мирной основе. Но поскольку не все люди разделяют такой подход в решении спорных моментов, то действовать человек все же должен исходя из характера той или иной ситуации, то есть исходя из моральных принципов своих оппонентов.

Умар, с которым Али поддерживал телефонную связь, был в порядке – два дня он пролежал на даче, а на третий день попросил Алихана отвезти его домой. Раненный в живот Ти-

мур был отвезен в больницу, рекомендованную доктором. В приемной сразу же доложили в районный отдел полиции. Алихан, как и было велено, тут же уехал, как только врачи приняли у него Тимура. Вечером того же дня, после операции, органы власти допросили Тимура прямо в палате интенсивной терапии и в ответ получили, что кто-то где-то его подстрелил, и кто-то из проезжающих мимо его подвез, и что более ничего он, к сожалению, сказать не может. Вскоре к прибывшему в больницу отцу Тимура у полиции было больше вопросов, чем к больному. В итоге из-за отсутствия доводов, опровергающих слова Тимура, а еще из-за того, что пострадавших, кроме него, не было и заявления на него никто не подавал, – по причине всех этих пунктов полиция после соблюдения некоторых формальностей решила оставить Тимура в покое. Но самым сильным доводом в пользу Тимура была, конечно же, та наличка, скрытно переданная отцом пострадавшего прибывшим сотрудникам полиции, чтобы они тут же замяли это дело.

Две недели спустя Тимур был выписан из больницы.

13

На третий день после того случая Али с тростью в руке приковылял в университет. Людмила Васильевна, встретив его в таком виде в коридоре, удивленно спросила:

– Господи! Ну теперь-то что с тобой случилось?

– Да так, ногу подвернул.

– Ай-яй-яй, надо быть поосторожнее.

– Да, конечно, – сказал он, и пошел дальше.

Обязательный недельно-двухразовый поход к Исмаилу он решил оттянуть к двум последним дням недели, чтобы рана успела хоть немного зажить. И вот на шестой день своего ранения, вечером, взяв трость, он вышел из квартиры и направился к дяде на ужин. Войдя в подъезд, он прислонил трость к стене у входа слева, под лестничным пролетом, и, хромя, добрался до лифта. Как только ему открыли дверь, Али вошел и передвигался в квартире как абсолютно здоровый – терпел, чтобы не выдавать рану. И как только пару часов спустя он вышел и за ним закрыли дверь, Али, компенсируя терпеливую выдержку мимики и походки, сильно хромя, пыхтя и давая боли распорядиться своим лицом, чтобы оно имело ей, боли, угодный вид, устремился к выходу и домой.

На следующий день, когда он, таким же образом войдя к дяде и, через некоторое время, выйдя, направился к себе, Разум спросил его:

– Не сильно беспокоит?

– Терпимо.

– Терпимо? – удивленно спросил Разум.

– Ну да, терпимо, – с тем же удивлением ответил Али.

– Браток, удовольствие не нуждается в терпении.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ну как что? Ты вот идешь прихрамывая, опираешься на

эту свою трость. То обстоятельство, что эта рана получена в сражении – пусть и не на военном, но все же был риск смерти, – это обстоятельство внушает тебе удовольствие от ковыляющей поступи, от сознания раны и даже от самой боли.

– Это вполне себе заслуженная благодарность от благородного поступка, – шутливо ответил Али.

– Самодовольство разве не является предосудительным состоянием? Или же ты пересмотрел свои ценностные ориентиры, делая исключение для дурного состояния только потому, что состояние это является следствием «благородного поступка»?

– Во-первых, слабость человеческой природы никто не оспаривал и тем более не отменял. Во-вторых же, чувство смиренной радости в груди и благоденствие души являются наградой и признаком благого дела. И это радостное ощущение от совершения хорошего и благородного поступка не стоит путать с заносчивым чванством и высоким самомнением перед остальными, в результате чего человек меняет свое отношение к окружающим из-за совершенного поступка, считая себя выше других.

Разум, слегка улыбаясь, лишь молча, как бы соглашаясь, покачал головой.

На другой день к семи вечера в дверь Али кто-то позвонил. Это был доктор, который еще вчера сообщил Али по телефону, что придет в это время, чтобы, как он выразился, «посмотреть, как у него дела». Пришел же он для обработки

и перевязки раны. Витя сказал, что рана хорошо выглядит, «без гноя, чисто». Спросил, не ходит ли он много. «Если хочешь, – посоветовал он ему, – чтобы рана скорее зажила, не вставай без сильной необходимости». Затем задал несколько вопросов насчет самочувствия, дал еще пару советов и, закончив, начал уходить, сказав в сенях перед выходом, надевая куртку, что придет еще раз через несколько дней.

Когда доктор ушел, Али встал, прихрамывая подошел к стулу, стоящему рядом с письменным столом, взял его за спинку и потащил к большому кожаному креслу. Поставив стул напротив кресла, он прошел еще на шаг вперед, развернулся и тяжело плюхнулся в кресло. Пыхтя, поднял руками раненую ногу и бережно опустил на приволоченный стул. Журнальный столик для этого был слишком низок. Затем он откинулся на спинку кресла, запрокинул голову так, что, когда смотрел прямо перед собой, его взор упирался в то место, где противоположная стена стыкуется с потолком. За окном глухо шумели двигатели густых потоков автомобилей, управляемых людьми, устремленных домой после тяжелого рабочего дня. А ведь вечером, когда направляешься домой после работы, любой рабочий день кажется тяжелым. Секундная стрелка тоже тикала так, будто куда-то шла. «Да, – подумал Али, – эта маленькая стрелочка, так безобидно и зачастую в суете жизни незаметно тикая, уходит, постоянно уходит, унося с собой жизни всех живых существ этого мира... Какая нежная и безобидная жестокость в ней

сокрыта». И в его сознании мелькнули два слова – «жизнь» и «время». А когда человек начинает задумываться о жизни и времени, то он всегда применяет эти понятия к себе. О будущем думать он не может, потому что оно неизвестно, как неизвестно и то, наступит ли вообще это будущее. О нем лишь иногда можно мечтать, придавая будущему тебе угодный вид. Но другое дело прошлое. Это уже проторенная тропа жизни, пережитых страданий и радостей, добрых дел и ошибок, приобретенного опыта и упущенных возможностей. Человек время от времени любит листать в памяти свое прошлое так же, как и альбом своих детских и молодых фотографий. Так и Али, глубоко сидя в кресле с вытянутой больной ногой, покоящейся на стуле, мысленно полетел назад, к прошлому.

Перед ним замелькали палатки палаточного городка «Спутник», расположенного на территории соседней с Чечней республики, куда он попал в период Второй войны, и события тех времен; затем потянулись и другие картины – те, что предшествовали той палаточной жизни: взрывы, лица раненых, мертвых, развалины городов и сел.

14

После окончания Первой войны, на исходе которой Али потерял своих родителей, его к себе забрал дядя Идрис. Три года спокойной жизни и безмятежного детства в суверенной Чечне – Ичкерии прошли насыщенно, но быстро. В конце лета 1999 года, когда Али, окончив третий класс, должен

был пойти в пятый (четвертого класса тогда не было во многих городских школах), началась Вторая российско-чеченская война. Российская авиация вновь начала обрабатывать ракетами города и села, и ее так же, как и несколькими годами ранее, начали обстреливать с земли ополченцы. После трехлетнего антракта, театр войны возобновил свой смертоносный спектакль боевых действий, в котором все мирное население Чечни выступало не в качестве его зрителя, а, напротив, непосредственным участником поневоле. Но на этот раз у чеченцев уже был горький опыт, и, не теша себя надеждами, как в начале Первой войны, что обойдется без полномасштабной войны и жертв, многие стали быстро собираться и покидать свои дома, села и города. Но не всем было куда податься. В начале войны нигде еще не были оборудованы специальные пункты для приема беженцев. И большинство мирного населения устремлялось в тот уголок маленькой Чечни, куда еще бомбы не падали или падали менее других мест. В этом океане войны все тонули одинаково, а спасение утопающих, как говорится, дело рук самих утопающих, и в хаосе войны все пытались выжить кто как мог. Вся Чечня, как небольшое судно, на котором плыл весь народ, терпела крушение. Только из уже утонувшей части «корабля», люди перебирались к другой части, которая еще оставалась на поверхности относительного мира, но и она мерно уходила в бездну гибели. Грозному в начале войны, как столице, доставалось больше всех остальных населенных пунктов Чеч-

ни, и поэтому первым делом нужно было покинуть его пределы. Али в составе новой семьи своего дяди поехал к родственникам в предгорное селение Урус-Мартан. Они поселились в доме у замужней тети Али – Зулихан. Но и это было не лучшим решением, ибо Урус-Мартан был местом значительного средоточия чеченских военных структур – джамаатов, и вскоре самолеты начали бомбить и его.

Опять Али вместе с остальными мог наблюдать, как самолеты-истребители, пикируя, выпускают свои смертоносные ракеты. До боли знакомый рокот и грохот освежили недалекую память. Стояла холодная осенняя сырость, которая придавала войне еще более дурной, смертоносный оттенок. Вновь началась полуподвальная жизнь. День не был похож на день, а ночь – на ночь. Все смешалось и превратилось в одно единое бремя кошмара, траура, ожидания и надежд. Много раз Али видел, как взрослые с напряженно-тревожными лицами выбегали на улицу и устремлялись куда-то... Это бывало в те нередкие минуты, когда приходила весть, что кто-то из близких или знакомых, попав под обстрел или бомбежку, погибал или бывал ранен. Иногда он и сам ходил за ними и часто видел, как открывались задние дверцы наскоро подъехавшей машины, как тут же ее обступала кучка людей, которые суетливо, но бережно доставляли убитого человека: мужчину, женщину или ребенка. Или же как таким же образом клали в машину того, который бывал осколками или пулями ранен на другой улице или где-то в пути, и

машина с визгом колес мчалась в больницу, где все еще находились дежурные врачи-добровольцы. Али, видя этих людей: детей и взрослых, раненых и мертвых, в грязи испачканных и окровавленных, страдающих от боли или боль уже не чувствующих, – видя их, он снова ощущал ту память и боль дня, когда несколько лет назад, выбежав из подвала, подошел к развалинам собственного дома, где копошились какие-то люди, которые действовали так же – бережно и суетливо.

Когда ракетно-бомбовые удары прекращались, люди осторожно выходили на улицу, чтобы посмотреть, чей дом разрушен, кто пострадал. Погибших часто приходилось хоронить затемно на родовом кладбище покойника.

И вот однажды наступило очередное затишье. Грохот бомбежек доносился издалека – бомбили горы и соседние села. Люди начали понемножку выходить, осматриваться и, как обычно в таких случаях, обмениваться своими мнениями, рассуждениями, интересоваться, кто пострадал, кто умер.

Странное дело, большая часть разговоров взрослых в ту пору, как помнил Али, была посвящена слухам. Пожалуй, война – это единственное явление, когда количество и сила слухов неимоверно возрастают и когда мужчины предаются им больше, чем женщины сплетням в мирное время. На войне слухи – в которых всегда сокрыты надежды или опасения – так значимы потому, что с одинаковой силой веришь в дурное и надеешься на хорошее. Именно надежда и страх и по-

рождают слухи и придают им силу воздействия— даже при наличии точной информации, их опровергающей. Особенно это выражается тогда, когда ты уже убедился, что на войне может быть и бывает все что угодно — случается предсказанное слухами, оказывается ложным то, что преподносилось как точная информация.

Так вот, в одну из таких мирных пауз, когда народ понемножку начал выходить и осматриваться, над селением на низкой высоте, взбудораживая людей и оглушая воздух, пару раз пролетел истребитель и исчез, и абсолютное затишье вновь вернулось к воздуху Урус-Мартана. Али тем временем пошел навестить своих родственников, живущих в другом квартале. Посидев у них около одного часа, он вышел и пошел обратно. Когда он дошел до середины пути, появился знакомый шум реактивного двигателя, который очень быстро усиливался. Али понял, что это «тот самый» самолет. За тот час, что он сидел у родственников, этот истребитель дважды, на очень низкой высоте, пролетал над Урус-Мартаном, оглушая все селение. И вот он сейчас собирается в очередной раз проделать этот маневр. Али поднял глаза к небу и через мгновение увидел самолет, который устремился вниз чуть ли не под острым углом. Ему показалось, что он идет прямо на него и вот-вот в него врежется, отчего Али даже слегка пригнулся. Но самолет совсем близко от земли притормозил, как бы зависая в воздухе, потом приподнял носовую часть и вновь взмыл в небо, уходя в «гор-

ку». Али еще никогда не доводилось так близко видеть истребитель и слышать оглушительный шум его реактивного двигателя. Он смог разглядеть все опознавательные знаки на самолете, в том числе и звезду на фюзеляже. Ему даже показалось, что он отчетливо увидел голову пилота. Но как только истребитель начал набирать высоту, с центрального района селения отрядами обороны был выпущен самонаводящийся снаряд американского переносного зенитно-ракетного комплекса «Стингер». Али, выпрямляясь, ясно увидел ярко-красный снаряд, устремленный с центра селения к набирающему высоту самолету. В какой-то миг показалось, что снаряд пролетит мимо, но в последнюю секунду он повернул за уходящим слегка в сторону самолетом и врезался ему в заднюю часть. Произошел хлопок, и истребитель, дымя, наискось полетел обратно вниз, в район горно-лесистого массива. Везде гремели крики ликования «Аллаху Акбар!». Оседлав мотоциклы и машины, военные и некоторые из мирных устремились в район падения самолета, все с различными целями: захватить летчика (говорили, что он катапультировался, но Али этого не заметил), взять военный трофей, снять с самолета драгоценный металл или просто удовлетворить любопытство, посмотрев на сбитый самолет, который стольким людям внушал страх и опасения.

Вскоре бомбежка усилилась. Российские войска готовились захватить Урус-Мартан, а перед наземной операцией они, как правило, основательно обрабатывали населенный

пункт авиацией и артиллерией. Авианалеты же встречались на земле отрядами ополчения выстрелами из всех имеющихся у них орудий: начиная от автоматов и пулеметов Калашникова, кончая пулеметом ДШК и зенитной установкой ЗУ-23 («Зушкой») – спаренная зенитная установка, устанавливаемая, как правило, на борту грузовика; и, реже, переносных зенитно-ракетных комплексов (ПЗРК) – как отечественного производства, «Стрела», так и западного – «Стингер». В случае же применения российского ПЗРК специалисту приходилось перепрограммировать «Стрелу» со «своей» на «чужой», чтобы она сработала по цели.

Мирное население, как местное, так и прибывшее из других районов, готовилось покинуть Урус-Мартан.

Многие, в том числе и дядя Али с семьей, направились в небольшое селение Гойты, что находится в десяти километрах к северо-востоку от Урус-Мартана, которое было объявлено «мирным», или «договорным», как и Урус-Мартан в период Первой войны.

Посреди сотрясаемого взрывными волнами воздуха Али вместе с дядиной семьей покинул одно селение и въехал в другое. Тетя же его, задержавшаяся в Урус-Мартане после их отъезда еще на два дня, тоже, вслед за ними, приехала в это селение и поселилась неподалеку от них.

Население Гойты в те дни увеличилось в несколько раз. На улице уже начало моросить, приближалась зима. Для отопления домов и приготовления пищи использовалась древе-

сина, для добычи которой люди срубали деревья в лесном массиве на окраине села. В каждом доме жили по несколько семей. Кругом, совсем рядом, шли бои. Нередко бомбы и артиллерийские снаряды падали и на само село: оно временами расстреливалось (говорили, что по пьянке или ошибке наводчика) солдатами из военной части, расположенной неподалеку. Также изредка подвергалось авианалетам. Доступ к продовольствию был крайне ограничен, и еда в своем скромном однообразии подавалась в минимальных порциях.

Семья Али поселилась в небольшом доме дальнего родственника, где уже нашла прибежище одна женщина со своими детьми, которой хозяин дома – проживавший за пределами Чечни – также приходился родственником. Им досталась одна холодная комната с раскладными диваном и креслами возле стены напротив. В этой мерзлой пока еще комнате предстояло жить шестерым людям. Но как только они приехали, та женщина с детьми, которую еще можно было назвать молодой, приоткрыла дверцу своей комнаты, чтобы поделиться с ними теплом. Она занимала комнату по другую сторону от кухни, а кухня была устроена посередине и использовалась как нейтральное общеупотребительное помещение. Войдя в дом и пройдя прихожую, человек сразу же попадал на кухню.

– Эта комната пустовала, и мы, экономя тепло, вернее, – улыбнулась она, – дрова, которые мне трудно раздобыть, держали эту дверь запертой. Нам говорили, что сюда еще кто-

то должен приехать, но не сказали, когда именно. Если бы я знала, то заранее обогрела бы вам помещение.

– Ничего страшного, – отвечала ей Айша, жена Идриса, – мы с собой привезли печь и немножко дров. Сейчас супруг все мигом устроит. Одна комната должна быстро разогреться.

Пока Идрис занялся установкой железной буржуйки и обустройством комнаты, Хава, так звали эту приятную женщину, угостила Айшу и детей на кухне горячим чаем и имеющейся у нее скудной едой. После чего повела их к себе. Али же, отказавшись от чая, сразу же принялся помогать дяде в установке печи и обустройстве комнаты.

Хава со своими тремя мальчиками в возрасте четырех, семи и девяти лет приехала сюда две недели назад. Муж у нее ушел на войну.

Спустя два часа вся семья Али была в своей новой и уже довольно теплой комнате.

Днем позже, рано утром, Али проснулся от какого-то осторожного шороха: дядя Идрис одевался.

– Что, сынок, разбудил я тебя? Я пытался вести себя тихо, видимо, не получилось, – сказал он, надевая теплый тулуп.

– А куда ты идешь? – спросил Али, присев на разложенном кресле и протирая глаза руками.

– За дровами.

– А можно мне с тобой?

– Конечно! Только поторопись, мы уже выезжаем. И оденься потеплее.

Али вскочил с места на ноги и начал одеваться. Айша принесла ему выцветший свитер, теплые потрепанные штаны и обшарпанную теплую куртку.

– Давай-давай, надевай! – сказала она, заметив его озадаченный вид. – Не на свадьбу идешь, а за дровами, да еще и посреди войны. Здоровье важнее щегольства.

Она принялась наряжать его в эти лохмотья.

– И еще, – говорила Айша, помогая ему одеваться, – девочек там не будет! Вот когда подрастешь и будешь готовиться к свадьбе, мы подберем тебе самый шикарный костюм! Даже невестку затмишь.

Айша была доброй и заботливой женщиной, а строгость она проявляла лишь в те редкие минуты заботливого отношения, когда, к примеру, велела, как сейчас, тепло одеваться при холоде, пить лекарство при болезни или покушать, когда у Али пропадал аппетит. И она никогда не дала ему почувствовать себя ущемленным и обделенным вниманием перед ее родными детьми.

Одевшись и быстро позавтракав, Али мигом выбежал из дома и присоединился к небольшой группе мужчин, собирающихся отправиться в лес за дровами. Возле пыхтящего трактора стояли его дядя, тетин муж – Муса, одетый в черную болоньевую куртку, валенки и утепленные желтые штаны; один соседний мужчина, владелец трактора, тоже беже-

нец, на котором были надеты два свитера, незастегнутая (видимо, молния была сломана) серая куртка и вязаная черная шапка на голове; справа от него стоял его тринадцатилетний сын, одетый чуть получше Али. На последнее обстоятельство Али обратил особое внимание.

Муса стоял, вытянув двуручную пилу перед собой, как целящийся в ружье, и, стрельнув глазом вдоль линии зубьев, сказал:

– Развод, я смотрю, хороший.

Второй, наряженный двумя свитерами, держал перед собой топор и, щелкая большим пальцем набок от его лезвия, проверял остроту топора. У мальчика через плечо был надет моток веревки.

– Ну, седлай свой трактор, – сказал Муса, обращаясь к мужчине в серой куртке. – Мы пойдем следом за тобой.

– А далеко нам идти? – спросил у тракториста Идрис.

– Да нет, это тут рядом.

Трактор, несколько раз рывкнув, выбросил в атмосферу пару клубков черного дыма и, кряхтя и покачиваясь, медленно тронулся с места. Остальные пешком последовали за ним. Через полчаса пути охотники за дровами достигли окраины селения, и перед глазами Али предстала следующая картина. Огромное количество людей вдоль линии лесной опушки были заняты повалом деревьев. Густой шум пиления, бензопил, удары топоров и хруст деревьев в момент поваливания, в неугомонном сопровождении людских голосов:

«Быстрее!», «Осторожно!», «Отойди!», «Вот так, тяни сильнее!», и дальние звуки взрывных волн вкупе со слабой автоматнo-пулеметной трескотней, доносящиеся кругом отовсюду. Поверженное посреди всего этого хаоса дерево на месте очищалось от тоненьких веток и сучьев, после чего ствол прикреплялся к задней части трактора или лошади и волоком уносился прочь.

Заняв свободный участок, они приступили к делу. Тот мальчик с веревкой по команде своего отца ловко забрался на обозначенное дерево, прикрепил один конец к стволу где-то выше середины и потом так же быстро слез. Идрис взял топор и подошел к дереву. Легким ударом он сделал отметку на стволе чуть выше от земли, затем уже более сильными ударами сделал небольшую прорубку. После чего двое других взрослых приступили к пилению, взявшись за рукоятки двуручной пилы напротив друг друга. По мере углубления, когда пила начинала застревать, пыльщики вынимали ее и Идрис своим топором расширял спиленную область. Сменяя друг друга, они спилили до середины. После этого Али, другой мальчик и один из троих сменных взрослых потягивали за веревку в противоположную сторону, тем самым раскрывая спиленный прорез и облегчая пилящим их работу. Дерево понемножку стало клониться в сторону потягивающих и под конец с треском рухнуло на землю. Очистив ствол от ветвей и сучьев, его привязали позади трактора и потащили в дом Идриса. Таким образом, вся эта процедура бы-

ла проделана еще два раза, пока каждому из участников не срубили и не притащили домой по одному стволу.

После этой процедуры Али с дядей приступили к непосредственной заготовке дров. Притащенный ствол, расположенный на задах, они распиливали в поперечном направлении на равномерные чурбаки и уже потом спиленные части ставили на пень для колки дров, топором раскалывали на поленья и складывали под навесом про запас для себя и той женщины с детьми, Хавы, сроком на две недели. Когда же заготовка иссякала, все повторялось заново, пока ствол не приближался к концу. После чего снова, позади трактора, с веревкой, пилой и топором, все отправлялись к опушке леса.

С тех пор Али и тот тринадцатилетний мальчик, которого звали Адам, подружились, и они стали вместе гулять, ходить по всем углам селения и играть.

Однажды днем Адам спросил Али, бывал ли он когда-нибудь в кинотеатре, на что Али ответил:

– Нет, никогда.

– Здесь недалеко есть один кинотеатр, вход стоит пять рублей. Может, сходим? – предложил ему Адам и тут же добавил: – Если у тебя нет денег, то ничего страшного, я заплачу за нас двоих.

– Да нет, деньги у меня есть. Когда пойдем?

– Вечером, часов в шесть, – был ответ.

– Хорошо.

Когда в обозначенное время они встретились и пошли в

кинотеатр, то «кинотеатром» оказался простой частный дом, в котором одна небольшая, с низким потолком, удушливая и прокуренная комната (судя по всему, после окончания киносеансов занимаемая хозяевами или беженцами) была определена в качестве кинозала. Посадочные места здесь были разные: и табуреты, и стулья с поврежденными спинками, и низкие стульчики, и длинные скамеечки – разноцветные, цельные и поломанные. Многие зрители стояли на ногах – не хватало ни стульев, ни места, куда их поставить. А в качестве экрана служил простой телевизор, к которому была присоединена старая кассетная видеоприставка.

Али и Адам заняли позицию стоя возле двери. Наконец начался фильм, в главной роли с Джеки Чаном. Во время смешных сцен многие хохотали в голос, обсуждали отдельные моменты, критиковали отдельные сцены (особенно когда применялось оружие) за нереалистичность. Али и Адам с трудом досмотрели фильм до конца, а потом пошли домой, решив, что зря потратили 10 рублей и что больше они в этот «кинотеатр» не пойдут.

Однажды, вместе гуляя по рынку, они заметили одну девочку лет одиннадцати-двенадцати, которая шла домой и за которой волочилась группа из трех ребят. Один, самый старший из них – по виду – ровесник Адама и, судя по всему, самый главный, проявлял особое рвение в попытках завести с девочкой знакомство, а двое других пытались поспособствовать его успеху. Девочка не обращала на них никакого вни-

мания и быстрыми шагами шла домой.

Али с Адамом последовали за ними.

Увидев, что девочка упорно игнорирует потуги главного познакомиться, те двое «подчиненных», смеясь, как бы в шутку, стали кидать в нее снежинки. Два раза они попали ей в голову, и снег застревал в ее темных волосах. Но девочка молча и быстро продолжала идти. Это ее поведение особенно тронуло Али и Адама. Если бы она проявила агрессию, может, они и не стали бы за нее заступаться, посчитав, что она и сама в состоянии за себя постоять. Но ее смиренность, скромность и незащищенность вызвали в них радость и жалость одновременно. Ведь заступаться за слабого человека приятнее, чем за сильного. А если этим слабым человеком является красивая девочка, то это приятнее вдвойне.

– Эй! – крикнул Адам, ускоряя свой шаг. – Оставьте ее в покое.

– А ты кто такой? – мгновенно среагировал один из «подчиненных».

– Тебе какое дело? – ответил Али. – Вам говорят оставить девочку в покое.

Тройка замерла на месте, а девочка, продолжая идти, в какой-то момент тоже приостановилась и обернулась назад. В этот момент Адам поймал ее взгляд, и они смущенно отвернулись друг от друга – Адам посмотрел на главного, а девочка продолжила свой путь и исчезла за углом.

– Она что, сестра вам или родственница? – спросил глав-

ный.

– Нет, – ответил Адам, – она просто девочка, которая может быть чьей-то сестрой и родственницей.

– Так мы хотели просто познакомиться. Вы что, никогда не знакомились с девочкой? – сказал главный и, посмотрев на своих «подчиненных», улыбнулся. Те, поддакивая, тоже заулыбались.

– Почему? Знакомились. Но не таким способом. Силой можно добиться покорности, но не расположения, – сказал Али.

– Вначале они все ломаются, – возразил главный.

– Как бы там ни было, – сказал Адам, – оставьте девочку в покое. А если хочешь с кем-нибудь познакомиться, ищи другие методы. Как нам не нравятся абсолютно все девушки, так и им не нравятся все парни.

Один из «подчиненных» попытался возразить, но главный тут же усмирил его знаком руки. Потом обернулся к Адаму и Али и сказал:

– Меня зовут Шамхан, это Ислам, а он Бислан.

Все пожали друг другу руки.

– Если нужна будет помощь, обращайтесь, – сказал Шамхан, как бы выравнивая счет, после чего они разошлись.

Али и Адам в приподнятом состоянии духа, ощущая себя благородными героями, заступившимися за честь юной принцессы, самодовольной поступью направились к своим временным домам.

Али, еще перед началом войны начав учиться чтению Корана, теперь уже свободно читал Священную Книгу. И с тех пор как они перебрались в Гойты, в месяце Рамадан, перечитал его дважды. В Рамадан по вечерам, после разговения, мужчины собирались в соседнем доме, что заменял собой мечеть, для совершения таравиха. На эти вечерние молитвы Идрис брал с собой и Али. В сумерках, смутно рассеиваемых слабым светом тускло горящей свечи, они выстраивались в ровные ряды и молились. Имам, стоящий впереди всей группы, вслух мелодичным голосом читал отрывки из Корана. Его спокойный голос перемешивался с шумом летящих в небе боевых вертолетов, свистящих снарядов, где-то взрывающихся бомб. Несмотря на все эти тревожные звуки за окном, казалось, что в комнате царит тишина, гармонирующая с чтением имама. Беспрестанные звуки уничтожающей войны, дающая надежду и вселяющая покой молитва, тусклый, колеблющийся свет свечи на подоконнике, свежая боль потерь близких и родных, сознание разрушенных домов, сел и городов и неизвестность сценария будущего – все это давало Али и остальным те ощущения, которых нельзя описать ни на одном языке мира. Эту смесь печальных мыслей, тревожных ожиданий, слабой надежды и вместе с этим какого-то смиренного покоя в сердце способен понять лишь тот, кто сам через все это прошел.

Ближе к концу зимы чеченские отряды, оборонявшие Урус-Мартан, решили отступить в горы, чем напрасно гиб-

нуть под интенсивными бомбежками, и селение было занято российскими войсками.

Некоторые люди начали возвращаться в Урус-Мартан, но их машины в пути часто попадали под обстрел, отчего нередко возвращавшиеся погибали или получали ранения. Другие же, посчитав, что машины обстреливаются потому, что федералы думают, что в них разъезжают чеченские боевики, отправлялись домой пешим ходом.

Муж сестры Идриса, Муса, заболел и слег, а их скотину – шесть коров – больше некому было перегнать домой в Урус-Мартан. Идрис, понимая их состояние, вызвался им помочь. Когда же он готовился к отправлению, Али попросил его взять и себя. Идрис напрочь отказался это делать, но Али не унимался.

– Нет, Али! – решительно ответил в конце дядя. – Я не могу тобою рисковать. Я отгоню скотину и, если все пройдет нормально, вернусь, и мы вместе поедем отсюда.

– Дядя, – обратился к нему Али, – если с тобой что-нибудь случится, неизвестно, как я себя поведу. Ну а если я – как они считают, маленький мальчик – пойду с тобой, то есть больше вероятности, что тебя не тронут и мы вместе благополучно дойдем до цели. И поэтому я настаиваю, чтобы ты взял меня с собой.

– Пусть лучше со мной произойдет что-нибудь, чем с нами обоими.

– Но если ты возьмешь меня, ничего не будет ни с тобой,

ни со мной.

– Нет!

– Тогда, возможно, я уйду на войну, – спокойно сказал Али.

Идрис, резко посмотрев племяннику в глаза и заметив в них недетскую решительность, принял озадаченный вид. Али, заметив, в свою очередь, состояние колебания дяди, решил тут же его «добить», чтобы перевесить чашу дядиных мыслей в свою пользу.

– Ну пожалуйста, дядя... Возьми меня с собой.

– О Аллах! Пусть все это закончится поскорее и благополучно... И почему ты так выражено унаследовал от своего отца это упрямство! – Идрис глубоко вздохнул и, немного помолчав, нехотя добавил: – Ладно, одевайся.

Али подпрыгнул от радости и побежал готовиться. Айша попыталась его отговорить, и даже с мужем поговорила, но вопрос уже был решен.

Они вышли в путь рано утром.

Выйдя из селения, они повели это небольшое стадо по трассе, перемещаясь к обочине, когда по ней проезжала редкая гражданская машина или военная техника. На полях по обеим сторонам дороги остались белые островки не растаявшего снега. Погода стояла сырая и пасмурная. Иногда теленок, корова, бычок или все вместе уходили в сторону, к полям, после чего Идрис, быстро подбегая к нарушителю строевого марша, начинал махать палкой, после чего скотина об-

ратно возвращалась к дороге. Али же было велено не дать коровам уйти в другую, правую, сторону, и запрещалось идти за ними, если животные все же перейдут к полям: люди часто подрывались на минах, и Идрис боялся, что Али может постигнуть та же участь. Дойдя до небольшой лесополосы, Али подошел к одному дереву, потянулся и, схватившись за тоненькую ветку, разломал ее, сократил до удобного размера и встал на свое место— теперь у него тоже есть орудие управления скотиной, и она будет лучше его слушаться.

На пути, справа от дороги, встречались использованные российскими солдатами окопы и блиндажи, в которых валялись гильзы, пустые консервные банки с торчащими вверх разрезанными металлическими крышками, и другие следы военно-полевой жизни. Али все это было интересно (интерес же его подогревался еще и надеждой найти боевое оружие или патроны), и он, увлекаемый юным любопытством, иногда уходил к военно-полевым строениям. В таких случаях Идрису приходилось криком звать его обратно и ругать. Но больше Али он ругал себя самого за то, что согласился взять его с собой.

Когда они вступили на территорию Урус-Мартана, первое, что обратило на себя их внимание, были разрушения. Крыши многих домов валялись на улицах, не было ни одного непострадавшего жилья — все дома были разрушены частично или полностью. Везде царила руинная тишина и пустота. По безлюдным гравийным улочкам проезжал военный бро-

нетранспорт, груженный русскими солдатами с мрачным видом лиц и безучастным взглядом. Несколько больших частных домов, что им встречались на пути в селе, были заняты в качестве военных штабов: проемы окон были обложены мешками с песком, подъезды перекрыты ежами, а заборы сверху протянуты колючей проволокой. Изредка на пути им встречались мирные жители, приступившие к восстановлению своих домов. Али смотрел на них, соизмерял их силы и возможности со степенью разрушений их жилищ и думал, удастся ли им когда-нибудь восстановить эти дома; и вообще, недоумевал он, почему они за это берутся. Но потом понимал, что людям больше негде жить, и их кажущиеся бесполезными действия становились понятными.

Наконец они добрались до места. Левая часть П-образной крыши тетиного дома, также разбросанная, валялась на улице, а само крыло было разрушено. Другая же часть дома и кровли находилась в относительной сохранности – она лишь была продырявлена осколками и пулями, местами взрывными волнами были выбиты листы асбестового шифера. Но стропила и обрешеточные рейки пребывали в относительной целостности. Стены же были изрешечены осколками и пулями, но стояли, хоть и имели плачевный вид как снаружи, так и изнутри. Внутри дожди и снег размыли и оторвали от кирпичной кладки стен глиняную затирку.

Идрис и Али прошли к заднему двору. Коровник, к их удивлению, пострадал не сильно, и они сразу же загнали туда

скотину.

– Ну что ж, уважаемые коровы, – иронично сказал Идрис, запирая за ними продырявленную осколками дверь, – ваши условия жизни теперь лучше наших.

– Что будем делать, дядя? – спросил Али, когда они вернулись к разрушенному дому. – Где будем жить?

– Не знаю, сынок, не знаю, – ответил Идрис, задумчиво рассматривая детали разрушения.

Живший по соседству Адлан тоже вернулся и приступил к вялому процессу восстановления дома. Для ударных темпов не было ни средств, ни, как следствие, большого желания. Все делалось на основе безысходности. Когда Идрис и Али подошли к нему, он показал им свои разрушения и пригласил на чай в свою берлогу. Адлан разместился в небольшом подвале своего полуразрушенного дома, где у него уже стояли печь, канистры с питьевой водой, кастрюли, сковорода, небольшой мешок муки; из инструментов же у него имелись молоток, гвоздодер, пила и топор. В печи из тонкого оцинкованного металла горел огонь, потрескивая поленьями, а сверху на ней стояли сковорода, в которой пеклась лепешка, и чайник с водой. На маленьком низком столе в углу были разложены полторы лепешки, жареная черемша в кастрюле, высыпанная на клочок белой бумаги соль, маленький заварочный чайник, ложка и сахар. Хозяин учтиво усадил гостей за стол на низенькие стульчики и разлил всем чаю.

– Хорошо, – сказал Адлан, усаживаясь сам, – что морозы остались позади. Можно будет всю весну и до конца лета и осени заняться ремонтом. В ближайшие дни постараюсь привести к условиям проживания одну крайнюю комнату, а потом привезу семью. Ну а ты, – обратился он к Идрису, – что планируешь делать? Грозный ведь бомбили сильнее, и твой дом, наверное, разрушен похлеще этого. – Он кивнул наверх. – Хотя, конечно, я надеюсь, что он каким-то чудом все же не пострадал. Но туда пока и ехать опасно.

– Не знаю, Адлан. Пока буду сестре и шурина помогать с восстановлением, а там видно будет. Мы с Али пригнали шесть коров и поместили их в коровнике. Сейчас мы пойдем обратно, к этому времени уже стемнеет. Завтра рано утром я приеду один. Не мог бы ты пока за скотиной присмотреть?

– Конечно, Идрис, не вопрос. Хоть коровник у Мусы, слава Богу, цел. Я как приехал пару дней назад, так сразу же прошелся по соседским домам, чтобы посмотреть, у кого какие разрушения. Оказалось, – усмехнулся Адлан, – почти у всех относительно целы курятники, коровники и туалеты. А насчет скотины ты не беспокойся. У меня там немножко и солома должна быть, я их накормлю и напою.

– Спасибо, – сказал Идрис, медленно пожевывая маленький ломтик лепешки с черемшой.

Закончив с трапезой и еще немного пообщавшись на злободневную тему, то есть обменявшись слухами и новостями, Идрис и Али встали, поблагодарили Адлана еще раз за услу-

гу и гостеприимство, вышли и направились обратно в Гойты.

На следующий день, в понедельник, Идрис и снова не оставший от него Али вернулись, на сей раз уже на попутной машине, и начали разбирать завалы. На третий день к ним присоединился и выздоровевший шурин Идриса – Муса. Они ездили каждый день и занимались восстановительными работами. И вот однажды, ближе к концу недели, когда Идрис вместе с Мусой и подсобляющим им Али были заняты работой над домом, возле них остановились проезжающие рядом белые «жигули», и из машины, на заднем сиденье которой, кучковавшись, как птенцы в гнезде, сидели дети, вышла женщина и водитель-мужчина. Все четверо взрослых обменялись приветственными словами, справились друг у друга о делах, знакомых и близких. После чего послышались взаимные слова соболезнования и пожелания – первое по поводу убитых, второе – раненых. Затем водитель подошел ближе к дому и стал переговариваться с Мусой, который в это время стоял на крыше, а Идрис, стоявший возле дороги, остался наедине с женщиной. Это была Зарема – овдовевшая мать четверых детей, в возрасте немногим больше сорока лет, проживавшая на другой улице. Ее дом был полностью разрушен прямым попаданием снаряда. Водитель же был ее братом. В ходе беседы выяснилось, что Зарема уезжает в палаточный городок, разбитый на территории соседнего региона для беженцев из Чечни.

– Мне здесь все равно негде и не на что жить, – сказала

она Идрису, невеселой улыбкой плохо подавляя отчаяние. – Отягощать родственников, которым и самим тяжело, не хочется. Там хоть жилье дают, пусть и палаточное, и кормят хоть чем-то, и дети смогут в школу ходить... Да и не стреляют.

– Да, конечно, если все так, то тебе, несомненно, лучше поехать туда. Когда тут все это уладится, приедете обратно и, даст Бог, заживем... Интересно, а для нас там будет место? – поинтересовался Идрис, который внезапно посчитал такой вариант хорошим решением и для многих своих проблем.

– Я пока не знаю. Но если хочешь, я могу разузнать. Мне завтра нужно будет приехать обратно за некоторыми вещами, и я тебе сообщу.

– Да, сообщи, если получится.

– Обязательно.

В это время ее брат, попрощавшись с Мусой, возвращался к машине. Муса спустился, чтобы попрощаться с уезжающими.

– Пусть Бог с миром доведет вас до цели! – сказал Идрис, прощально пожимая руку водителю.

– Амин, – добавил Муса.

– Спасибо вам! Пусть у нас у всех все будет хорошо! – ответили ему брат с сестрой, затем они сели в машину и уехали.

Зарема, как и обещала, вернулась на другой день и сообщила, что место есть. Она в тот же день уехала обратно, оста-

вив свой адрес. Пару дней спустя Идрис отправил в палаточный городок свою семью вместе с Али, а сам остался помогать шурина в восстановлении дома. Две недели спустя, когда основные работы были завершены и две комнаты были пригодны для жизни, он и сам отправился вслед за семьей.

Айша рано утром, когда еще не рассеялась утренняя заря, с детьми выехала из Гойты на микроавтобусе, перевозившем обездоленных в Ингушетию.

На всей протяженности магистральной дороги, ведущей к выходу из Чечни, там и здесь на обочинах дороги стояли обгоревшие военные и гражданские машины. При виде их Али сразу представлял, как они обстреливались, как в них от пуль, осколков и пламени погибали люди; как гибли те, кто шли на эту войну в надежде вернуться живыми, и те, кто покидал ее в надежде выжить. У самой границы был блокпост «Кавказ», а перед ним — длинная колонна из легковых автомобилей, автобусов, микроавтобусов, бортовых грузовиков и фур, и все они были набиты беженцами и домашним скарбом. Каждая машина и пассажир тщательно досматривались на посту, из-за чего колонна, постоянно удлиняющаяся с одной — хвостовой — стороны вновь прибывшим транспортом беженцев, убывала крайне медленно и незаметно спереди. К вечеру микроавтобус, в котором сидел Али и остальные, наконец, проехал контрольный блокпост и оказался на мирной территории соседнего региона.

Первое, что удивило Али, когда они попали в небольшой

городок Слепцовск, – это отсутствие разрушений. В последний раз цельный город он видел в возрасте пяти лет и поэтому имел смутное представление, как это выглядит. На минуту его лицо озарилось каким-то веселым интересом. Хотя все, что он здесь видел, было старым и довольно мрачным наследием Советского Союза, ему казалось это новым и роскошным. Ничем не примечательные здания с облупившейся желтой штукатуркой казались красивыми новостройками – ведь они были целы. Марки и состояние разъезжавших по дорогам машин тоже не имели значения – радовало и удивляло то, что они ездят в мирном городе. Люди были обычные, но необычным было то, что они шли спокойно, не гонимые бомбами и пулями. В воздухе был лишь шум мирной суеты, и это тоже радовало и казалось необычным. Али смотрел на все с нескрываемым любопытством и восторгом. Он ощутил глубокую истину выражения, что для счастья нужно не так уж и много. Но, думал он, те люди, которых он здесь рассматривает, которым завидует, не смогут понять степени своего счастья. У них были свои проблемы и поводы для несчастья, которые в своей ничтожности меркли по сравнению с состоянием тех, которые, как и Али, приехали сюда, радуясь удаче жить в мире в простой, тесной брезентовой палатке, установленной где-то в открытом поле на восточной окраине этого городка.

В Слепцовске пересев на местный автобус, они поехали дальше. Городок остался позади, взору открылись пустые се-

рые поля. Все снова стало мрачным, беспокойным и тревожным. Тяжесть прошлого, непонимание настоящего и неизвестность будущего – все начало давить и душить. Но Али давно научился скрывать свои эмоции. С того самого дня, когда он потерял своих родителей, он презирал жалость по отношению к себе. И ни разу не дал слабину перед кем бы то ни было, боясь и презирая эту жалость. И даже спустя много времени после того, как дядя Идрис забрал его к себе, Али, весело пожелав всем спокойной ночи, уходил в свою комнату, ложился в кровать и при тьме выключенного света тихо и спокойно давал волю своей внутренней печали, пока не засыпал на увлажненной слезами подушке. От физической боли и мирского страха он никогда не плакал, считая это ниже достоинства мужчины. Но слезы из-за возвышенно-благородного чувства, считал он, лить не позорно. Хоть и их никому не показывал.

Вдали его взору предстало огромное множество ровными квадратами и рядами установленных палаток. Они стояли посреди безжизненных серых полей, пуская в небо дым печей по трубам, выведенным сквозь дымоходные отверстия, расположенные на пологих скатах крыш. Далеко за ними стояли на заброшенных железнодорожных путях вагоны поезда, в которых тоже устроились беженцы; а чуть дальше, за поездом, словно ему вторя, протянулся длинный холм, местами усыпанный белым снегом, притаившимся в небольших расщелинах склона.

Когда они подъехали к «Спутнику» – именно так назывался этот палаточный городок, вышли из автобуса и подошли близко к палаткам, Али начал различать все их детали и особенности, незаметные на расстоянии: и то, что палатки кругом закреплены веревками, натянутыми наискось от палатки к вбитым в землю кольшкам, и то, что окна не стеклянные, а пластмассовые, и то, что вместо дверей у входа две довольно полновесные полоски брезента, и что входных проемов два, и многое другое.

Айша окликнула хозяйку палатки, Зарему, без особого труда найдя ее по указанному ею адресу – номеру блока и палатки. Зарема выглянула и сразу же пригласила переселенцев зайти вовнутрь. Али вместе с остальными вошел в тамбур, там разулся и далее прошел в основное пространство палатки. Зарема приютила Айшу с детьми у себя, пока их не зарегистрировали и им не выделили отдельную палатку. Палатки в городке были двух видов: десятиместная и двадцатиместная. В двадцатиместных, диаметром примерно пять метров в длину и столько же в ширину, жили по две семьи, а в десятиместных – четыре. Зарема устроилась в десятиместной, и поэтому с ней в палатке проживала еще одна семья. Поскольку палатка внутри представляла одно сплошное пространство без каких-либо перегородок, то люди сами устраивали внутреннее ограждение, протягивая по середине того единственного помещения веревку, на которую прикрепляли простыню. Двуслойная палатка внутри ка-

залась чуть просторнее, чем снаружи, – видимо, тому способствовал белый цвет внутреннего намета. Горящая по центру «буржуйка» порадовала Али тем, что она горела на газу. «Значит, – подумал он, – не придется дрова рубить». Пол был дощатым. Двухъярусные железные солдатские койки на пружинах были расставлены так, чтобы как можно экономнее тратить бедное пространство. У входа в левом углу (Зарема с детьми жила в левой части условно разделенной палатки) стоял небольшой столик с продуктами гумпомощи.

На другой день Айше во втором блоке выделили седьмую палатку, куда она с большой радостью, словно ей подарили новый просторный дом, и поселилась вместе с детьми. В палатке, на правой стороне, уже жила семья, состоявшая из четырех детей, мужа и жены. Это были добрые люди, поселившиеся двумя неделями ранее. Они с радостью приняли Айшу с детьми и помогли ей расставить вещи, установить двухъярусные койки; смастерили для нее что-то вроде столика и поделились кое-какими запасами еды. В это время зашла Зарема, держа в руках пакеты с продуктами: узнав, что к ней приехала женщина с детьми, люди из ближайших палаток стали таскать продукты гуманитарной помощи, береженые прозапас: гречку, рис, сгущенку, чай, сахар, тушенку и хлеб.

Али ясно помнил то радостно-взволнованное выражение лица и глаз Айши, которое отражало испытываемые ею в те минуты чувства.

Ничто не может сравниться с той радостью человека, когда ему в минуты отчаянного бессилия и одиночества посторонними людьми без тени корысти и негодования дружно оказывается помощь. Такие моменты убеждают людей в том, что нет ничего ценнее в отношениях, нежели добро и взаимопомощь; подобные минуты дают понимание, что человек живет и движим не одними только материальными выгодами, эгоистичными побуждениями и телесными желаниями; что люди могут проявлять нечто более возвышенное, душевное, искренне чистое. В жизни каждого бывают минуты, когда кто-то нуждается в его помощи и когда он может эту помощь оказать. «Наверное, – думал позже Али, – трудности потому и чередуются в мире с благоденствием, чтобы люди не утратили этого понимания, чтобы не потеряли способности сострадать и помогать друг другу».

Конец зимы и осень были самыми нерадостными и мрачными временами года в палаточном городке. Пасмурное небо, сырой воздух, пронизывающие ветра, холодные дожди и, как следствие, мокрая глинистая земля, что даже ходить было невозможно: обувь во время ходьбы то и дело застревала в глинистой почве и нога постоянно выскользывала из нее, – все это доставляло большие неудобства для палаточных жителей. Основными пунктами, которые необходимо было посещать в такие дни, помимо школы, были: туалет, что располагался спереди в метрах пятнадцати-двадцати от палаток второго блока; пищеблок, куда нужно было ходить

с кастрюлей за очередной порцией безвкусной еды, в основном какой-нибудь баланды, там же выдавался и хлеб; и последнее – вода, которую нужно было таскать в белых юнисефских канистрах.

В основном лагерь в такие времена, окутанный какой-то беспросветной тоской, как бы замирал. На протянутых между палатками бельевых веревках, словно тела приговоренных к казни через повешение, болтались на мрачном фоне серых полей и холмов постиранные одежды и простыни; через трубы печей на крышах рассеянно валил дым; у некоторых палаток от порывов ветра по окнам беспрестанно били не застегнутые светозащитные клапаны. А ветер, заунывный дикий ветер, разгоняясь с самых вершин холмов и несясь вдоль обширных полей, протискивался меж рядов брезентовых палаток, распевая мелодию печали под аккомпанемент слезливо-сентиментальных звуков в печных трубах.

Когда дождь прекращал лить, ветра за день-два осушали почву так, что по ней уже можно было свободно передвигаться без раздражения и неудобств. Но потом дождь снова проливал, и муки ходьбы возвращались заново – вновь приходилось оспаривать с почвой право на обувь. Телевизоры были редко у кого, и людям в такие дни оставалось просто пить чай, наблюдать за окном картину печали и засыпать на своих скрипучих солдатских койках под шум капелек дождя, ударяющихся о брезентовую крышу палатки, и колеблющегося на окне светозащитного клапана.

Вот в эту пору Али и попал сюда, к тому же никого здесь не зная.

Но в апреле-мае картина менялась разительно. Серые поля превращались в сочно-зеленые луга, дальние хмурые холмы позади вагонов застывшего поезда преобразовывались в приятные для глаза цвета. Солнце радостно брызгало светлыми лучами на фоне сине-голубого неба, светящегося островками бело-пушистых облаков; и когда тот или иной облачный «островок» заслонял солнце, вид погоды отнюдь не портился, а, наоборот, принимал какой-то особый оттенок счастливого разнообразия. Воздух наполнялся игривыми криками ребятишек, и все: поход в пищеблок, за водой или еще куда – делалось в каком-то особенно приподнятом настроении.

Напротив лагеря располагалась большая, как карьер, котловина с широким и плоским, как футбольное поле, дном. В этом большом овраге проходили основные занятия и игры палаточной детворы. В начале лета здесь начала функционировать и секция вольной борьбы, куда записался и Али. Вся тренировка проходила на дне впадины: разминка, бег по кругу и ввысь – по крутому склону до самого верха; отработки приемов и схватки также проходили здесь же, на лужайке.

Лето имело приятную особенность – возможность купаться в реке Сунжа, что, извиваясь, протекала недалеко посреди полей и деревьев. Также летом детей часто возили в лагеря отдыха. А зима украшала досуг ребят одним гигантским кат-

ком, который делался в наиболее продольном спуске в котловину и уходил далеко вниз до самого дна.

Таким образом, природа и погода – сырой осенью и послезимней хмуростью – то усиливали печаль вчерашних потерь войны и разлуки с родиной, то – цветущей весной, теплым летом и озорной зимой – облегчали ее. А плохое питание и скудные условия жизни на общем фоне пережитого не воспринимались как-то особенно тяжело. Да и не много нужно ребенку повода для счастья – ведь и сама детская пора украшает жизнь.

К 2001 году практически все населенные пункты Чечни были заняты российскими войсками. Отряды чеченского сопротивления разделились на две части: одни ушли в горы и леса, другие, либо затерявшись среди вернувшихся гражданских, либо вступив в отряды местной российской полиции, продолжали вести партизанскую войну, обеспечивая лесных продуктами, оружием и безопасным передвижением. И с наступлением сумерек многие города и села переходили под их полный контроль: и они часто проводили диверсионно-подрывные операции. Федералы же с заходом солнца замуровывались в своих базах и блокпостах. И редкая колонна, приказом генералов выведенная на улицу в темное время суток, становилась добычей диверсионных отрядов.

Идрис, как и некоторые другие люди, начал, с 2002 года, ездить в Грозный для восстановления их довольно-таки сильно пострадавшего дома. По настоянию Али дядя и его

брал с собой в период летних каникул.

К 2003 году усилились разговоры о том, что палаточный городок хотят убрать, а его жителей – насильно вернуть на родину, в Чечню, потому что, как говорили, война закончилась и беженцам здесь уже нечего делать. Но многим людям некуда было возвращаться, да и обстановка в Чечне была напряженной и опасной. В связи с этим как-то раз в лагерь приехала представительница ООН. Но это была не просто работница международной организации.

В тот день Али сидел и пил чай, и вдруг в палатку ворвался его восьмилетний двоюродный брат Бислан и сказал:

– Там кто-то приехал.

– И кто же? – спокойно спросил Али.

– Не знаю. Говорят, звезда Голливуда.

В «Спутник» время от времени приезжали известные, в основном в Чечне, люди: артисты, политики, спортсмены. Но голливудских звезд здесь еще не было, и поэтому появление здесь таковых вызвало у некоторых, в том числе и у Али, особый интерес.

Оставив свой чай недопитым, Али спешно вышел. У стремительно идущих мимо ребят он узнал, что этой звездой является сама Анжелина Джоли – героиня фильма «Лара Крофт», который он смотрел в прошлом году у знакомых из четвертого блока, у которых имелся телевизор и видеоприставка.

Знаменитую девушку из далекой Америки окружала це-

лая толпа людей: охрана, журналисты, переводчик и кучка ребятишек и взрослых. Взрослые, в основном женщины, не слишком хорошо знакомые с актерской деятельностью гостыи, но, однако, окружающими ее телохранителями и журналистами наведенные на мысль, что человек она влиятельный, пытались донести до нее серьезность своего положения, в то время как дети и подростки просто, с забавным интересом, глазели на мировую звезду. Анжелина, время от времени через переводчика задавая вопросы, непрестанно что-то записывала в блокнот: что ей говорят, что она видит, и это еще более раззадоривало людей: значит, думали они, будут конкретные меры, и все, что они ей говорят, бесследно не пропадет.

Али хотел было подойти и заговорить с известной красивой девушкой... О, ему было что сказать. Он смотрел на знаменитость из далекой страны, которая была одета в светлые брюки и белую футболку с эмблемой и надписью ЮНИСЕФ. Протиснувшись сквозь толпу зевак, он увидел ее совсем рядом, она была доступна и недоступна одновременно. И вот сейчас, в эту минуту, ему казалось реальным с нею заговорить.

Он поведал бы ей свою историю, познакомил бы со всеми проблемами и болью своего народа; он говорил бы хорошо и понятно, и она получила бы все ответы на волнующие ее вопросы. Но он все же понимал, что это невозможно, и не только потому, что все эти люди ему, четырнадцатилетнему

юнцу, не дадут слова, но и потому, что он не знает английского языка. Нет, думал он, говорить надо без переводчика. Рассказать нужно обязательно самому, без посредника, иначе это промежуточное звено все испортит. Мысль и слова, рассуждал он, пропущенные через переводчика, уже не имели бы той глубины смысла и эмоциональной красоты, что он в них вложил бы.

Затем мысли Али вдруг резко переменялись. Он окинул беглым взглядом местность: пыль, жалкие, в дожде и под солнцем выцветшие палатки; а одежда на людях – да это же лохмотья какие-то. Все разодеты как оборванцы. У него у самого обшарпанные брюки заштопаны в двух местах, а на бесцветной футболке слева на груди зияет небольшая дырочка. Потом он резко представил условия жизни этой знаменитости, и мысль о том, с какой высоты она может на них смотреть, ощутимо задела его гордыню. Его обидела разница между ними: она богатая знаменитость, а они – бездомные неимущие, одетые в эту невзрачную одежду и ютящиеся в этих жалких тесных палатках где-то на поляне под открытым небом. «Наверное, – думал он, – она считает себя лучше, умнее и выше нас. Поговори она со мной, ее мнение непременно изменилось бы! Она непременно прониклась бы уважением к нам. Я защитил бы честь своего народа, выгнанного войной из родного края и вынужденного сейчас жить в этих затхлых палатках, и тогда она поняла бы, что нельзя судить людей по внешним признакам, что бедность не показатель

глупости и отсталости, как и богатство не показатель ума. О, – продолжал он думать, – я непременно говорил бы умно и хорошо, я искусно ввел бы ее в курс дела... Эти взрослые говорят не о том, что надо, да и говорят они это плохо: орут, кричат, каждый пытается что-то сказать. Не так это надо делать. Будь я постарше, я показал бы им, как надо себя вести, пусть даже и с переводчиком».

Пока Али пребывал в мечтательных размышлениях, в которых он поражает важную гостью благородством натуры и тонкостью ума и которые казались ему вполне реальными, Анжелина, в окружении толпы, начала удаляться. А Али все стоял, смотрел ей вслед и продолжал мысленно представлять, как он подходит и долго, красиво, спокойно все рассказывает известной кинодиве, вызывая в ней изумительный восторг и приятное восхищение.

Вскоре звезда, в окружении охраны и репортеров, скрылась в одной из машин и уехала – люди разошлись, и палаточная жизнь вернулась к своему обычному ритму. В Али появилось какое-то противоречивое чувство радости и тоски. Было отраднo, что, вспомнив о них, к ним соблаговолила приехать такая важная особа; и печально, что она уезжает, увидев их в таком обездоленном положении, – последнее задевало чувство собственного достоинства Али. Он постоял так немного, а потом направился к своей палатке допивать остывший чай, по дороге мысленно перебирая разные варианты того, как и о чем он ей рассказывал бы. И все, что он

ей говорил в своих мыслях, было складным, умным и изысканным.

К концу месяца Идрис с семьей переехал в Грозный.

После переезда Али пошел в девятый класс в ближайшую школу. Там же учителем родного языка устроилась на работу и Айша. Несмотря на ее просьбы дать ей две ставки, директор была вынуждена Айше оказать, сославшись на то, что желающих много, а ставок мало. «Война толком еще и не закончилась, – сказала ей директор, – рабочих мест мало, а народ все прибывает: люди возвращаются домой, и всем им хочется кушать. Я понимаю, сейчас всем тяжело, но эту тяжесть нам надо как-то разделить поровну». В итоге Айше пришлось довольствоваться одной ставкой.

Вся школа, имевшая когда-то форму трехэтажного квадрата, практически была разрушена. Функционировали лишь два этажа одного крыла. Все другие части были превращены в развалины. Окна были затянуты прозрачной полиэтиленовой пленкой. Двери, парты и стулья сколочены из разноцветных деревянных досок. Классные поцарапанные доски, судя по всему, были вытащены из-под руин. В зимний период в классах устанавливались железные печи-буржуйки на газу, вокруг которых все школьники и собирались, как только звучал звонок ручного колокольчика, возвещавший об окончании урока. Впрочем, условия учебы не сильно изменились со времени Первой войны.

Восстановленный грозненский дом Идриса представлял

собой жилище, которое было под крышей, более никаких условий в нем не было. Затирка на стенах была ободрана, половые стяжки разбиты; отопительные батареи – пробиты осколками; проем входной двери, как и окна, был завешан полиэтиленовой пленкой. Вся оставленная в доме мебель: шкафы, кровати, диваны, столы – все пришло в негодность от огня, осколков, дождей и снега. Все нужно было приобретать заново. Также не было электричества, а воду приходилось таскать из одной точки, находящейся в полукилометровой дальности. Единственным остатком городских условий жизни был газ.

Как взрослый человек после перенесенной операции заново учится ходить и говорить, так же нужно было заново обустроить жизнь тем, которые возвращались в свои разбитые дома, в разбитые города и села. Кое-где налаживался процесс восстановления государственных и общественно значимых объектов, и основным, если не сказать единственным, местом заработка для мужчин была стройка. И вот как-то раз, весной, знакомый Идриса зашел к ним вечерком и за ужином рассказал, что устроился бригадиром на одном объекте, и предложил Идрису, если он хочет, поработать у него в бригаде каменщиком. «Ты ведь, насколько мне помнится, неплохо кладку делаешь», – сказал он, завершая свое предложение. Идрис охотно согласился, тем более выбирать ему особо и не приходилось. Али тут же спросил у гостя, не найдется ли и для него место. «Без проблем», – ответил гость,

радуясь живости мальчика. Но Идрис тут же запротестовал. «Ну, это вы уж как сами решите, – сказал новоявленный бригадир, вставая с места с намерением уйти, и, обращаясь к Али с добродушной улыбкой, добавил: — Как бы то ни было, меня в отказе не вини».

– Нет! – отвечал Идрис на уговоры Али, после того как гость удалился. – Тебе надо в школе учиться.

– Но через неделю у нас начнутся летние трехмесячные каникулы, и тогда у меня будет полно свободного времени. А еще один источник дохода нам точно не помешает.

– Да ты ведь ничего не умеешь, – сказал Идрис, пытаясь казаться строгим.

– Я буду подсоблять тебе или другим мастерам. Буду разнорабочим. Для этого много ума не надо.

– Поговорим об этом потом, сначала заверши хорошо свой учебный год, – сказал Идрис, желая уйти от темы. – Но только знай, даже если я позволю тебе, ты на другой же день пожалеешь, ибо работа будет не легкой.

– Но и не тяжелее той, что мы с тобой здесь делали, – сказал Али.

– С раннего утра до позднего вечера, без времени на затяжной обеденный сон, с надзирающим начальником, которому нужно уложиться в сроки и отчитаться перед своим начальником, – ты, сынок, так еще не работал. Так что не говори, что я тебя не предупреждал.

– Хорошо, – ответил Али, сияя самодовольной улыбкой.

На самом деле Али хорошо знал, на что идет, и перспектива строительных работ его ничуть не радовала. Хоть ему и было только четырнадцать лет, но жизнь давно научила его мыслить по-взрослому. Он видел и понимал, как тяжело приходится семье, как многого не хватает, и чем добрее сквозь эту гнетущую нужду было к нему отношение дяди и Айши, тем более совестно и неловко ему было перед ними. Али давно была противна иждивенческая роль. Но сейчас ему выпала возможность быть полезным – приносить домой деньги, и эту возможность он ни за что не хотел упускать.

По натуре Али был добрым, спокойным и послушным мальчиком, но в вопросах благородного душевного порыва в нем просыпалась поражающая строптивость и непроницаемое упрямство, что Идрис в нем давно приметил. И к его любви к племяннику прибавилось еще и по-взрослому почтительное уважение.

Неделю спустя Али вышел на работу. Рано утром, с восходом солнца, дядя и племянник, уже умывшись, приступали к короткому завтраку, брали свои черные пакетики, в которых покоилась рабочая одежда, приготавливаемая Айшей каждое утро, и выходили в путь. Они шли посреди развалин и некстати там и здесь поросшего сорняка, кустов и каких-то диких деревьев, которым неприлично расти в городе.

Их бригада восстанавливала двухэтажное строение, разрушенное прямым ракетно-бомбовым ударом. Одна половинка, принявшая на себя основную мощностъ взрывного

заряда, была проломана до самого дна цокольного этажа. В бригаде помимо Али и дяди было еще пять человек: два брата значительно старше Али; один тихий, неприметный и чрезмерно скромный мужчина лет пятидесяти, который, как и Идрис, был каменщиком, еще один молодой парень и, наконец, самый шумный, словоохотливый и веселый мужчина, которому недолго оставалось до шестидесятилетнего юбилея. Поскольку кладку делать было негде, сначала все приступили к разбору завалов. Бригаде предстояло вынести обломки кирпича и бетона из цокольного этажа – вернее, из ямы, которая когда-то была этим этажом, потом поставить опалубку, залить стены бетоном, перекрыть плитами и только после приступить к кладке. Высвобождение подвала от строительного мусора заняло две недели.

Под палящим солнцем знойного дня ведрами и носилками вместе с другими Али выносил конгломерат строительного мусора, образовавшийся из песка, цемента, глины, щебня, кирпича, древесины и железа. Ему часто посреди рабочего дня хотелось сесть, лечь, уйти, плюнув на все; в голове то и дело крутились мысли, в которых он искал подходящие, убедительные и не роняющие его достоинства слова, которые бы он сказал дяде, чтобы больше сюда не возвращаться. В течение всего дня Али перебирал разные предлоги, но к вечеру, когда он, весь запыленный, с давно набитыми и освеженными мозолями на ладонях, с заскорузло-грязными от пота и пыли волосами, возвращался домой и дядя его спрашивал,

не тяжело ли ему, не хочет ли он остаться дома, Али с напускным весельем отвечал: «Нет». И мысли о всяком предлоге исчезали вмиг. А на другой день все начиналось заново.

С тех пор как они вернулись в город, довольно часто, по вечерам, когда он ложился спать, из улицы позади дома, которая отделялась от них лишь дикими зарослями бурьяна, через пленкой завешенное окно, доносились взрывы гранатометов и пулеметно-автоматной стрельбы – нападение диверсионных групп на российскую военную технику. Нередко, когда колонна или пара бронемашин федералов атаковывалась совсем рядом, осколки гранат и гранатометных снарядов стальным дождем сыпались на крышу их дома. Али тем временем лежал, уставившись в потолок, который по мере привыкания глаз к темноте еле проглядывался белизной, и не без тревоги вслушивался в звуки, которые были слышны так же отчетливо, как если бы это происходило в соседней смежной комнате без дверей. Он ясно улавливал каждый выстрел, каждый взрыв, каждый крик, каждое слово нападавших и оборонявшихся. Длилось это всегда не дольше пяти-десяти минут. Иногда солдаты продолжали звать на помощь, кричать, стрелять и окрикивать друг друга чуть дольше, в то время как нападавшие давно скрылись. Это угадывалось по характеру стрельбы: когда при резком уменьшении интенсивности огня сохранялась его односторонняя однотипность. Такие ночные сцены повторялись несколько раз в неделю-две. И со временем Али к ним так привык, что эти

взрывы и крики им воспринимались как разнообразие обычных вечерних звуков, и в гуще ожесточенной перестрелки, уставший за день изнурительных работ, он мог беспечно зевнуть, перевернуться на другой бок и спокойно отойти ко сну.

В первое время после каждой такой ночи, проснувшись на другой день, он включал радио (а чуть позже, когда провели электричество, и ими приобретенный старенький советский телевизор), чтобы узнать о результате ночного происшествия. Но об этом, будто вся ночная драма была лишь его сном, ничего не сообщалось, и Али вскоре перестал этим интересоваться. Рано утром, когда они с дядей уходили на работу, подбитая техника увозилась на буксире, а группа саперов, пешие и на технике, медленно, с миноискателями в руках прочесывали улицы. Также систематически во всех районах города и селах российскими войсками проводились «зачистки», во время которых многие молодые парни увозились в неизвестном направлении, после чего они исчезали бесследно.

Али так прожил до осени, после чего дядя Исмаил и забрал его к себе в Москву. На отказы его уже никто не реагировал: все боялись, что на очередных «зачистках» его может постичь та же плачевная участь, что и других.

Али, незаметно уснувший во время этих воспоминаний, проснулся от боли в занемевшей раненой ноге. Бережно ру-

ками опустив ногу на пол и массируя ее, он начал вспоминать, о чем он думал перед тем, как заснуть. Вспомнив, он осмотрелся вокруг. Лучи света, валившие из полуоткрытой двери кухни, тускло освещали комнату. Чистая квартира, прекрасная комната; черной кожей обитые мягкие кресла, журнальный столик со столешницей из толстого темного стекла; черный лакированный письменный стол из благородной породы дерева возле стены, на котором покоятся черный ноутбук и стопка разных книг; здесь же, в стороне, возле другой стены, большая удобная кровать с высоким изголовьем и прикроватными тумбами по обеим сторонам. На полу рядом с креслом, на котором он сидит, стоит бутылка прохладного апельсинового сока. Все это после недавних воспоминаний выглядело особенно уютно и даже роскошно. И тепло, и тишина, и покой. И только маленькая секундная стрелочка настенных кварцевых часов все еще продолжает свое тиканье, но сейчас она уже действовала как-то успокаивающе.

Кровь в жилах ноги вновь заходила, онемение прошло. Али медленно привстал, взял свою трость и, опираясь на нее, подошел к кровати, сел на нее, прислонил трость к стене возле прикроватной тумбы и лег. Некоторое время он лежал, бездумно разглядывая потолок, затем глубоко вздохнул и, медленно сомкнув веки глаз, вскоре уснул.

На следующие две недели он оставил прогулки в парке. Почти все время лежал в кровати или сидел в кресле. По-

многу вел беседы со своей личностью. Книги развивающего характера он почти не читал, довольствуясь лишь беглым изучением учебного материала.

За это время нога почти выздоровела – Али мог довольно свободно ходить без трости. Но приобретенная за время ранения лень неплохо в нем ужилась. Когда его беспокоила рана, он думал: «Возьмусь за эти книги, когда поправлюсь», но когда он поправился, нашлась уже другая отговорка: «Потом, когда будет свободное время и хорошее настроение». Но «свободное время и хорошее настроение» все никак не появлялись, как поскольку все время его уходило на сон, а хорошего настроения, как известно, при лени не бывает. Когда Разум начинал упрекать его за чрезмерную лень, упреки переходили в спор, а спор – в ссору, на которой все и заканчивалось.

И вот в одно прекрасное воскресное утро Разум, сидя, как обычно, на кресле напротив постели Али, сказал:

– А ну-ка, вставай, лентяй! Хорош дрыхнуть! Солнце давно вскарабкалось на крышу, а народ за окном бодро суетится уже несколько часов. Слышишь, поднимайся!

– Лень, – сонно пробормотал Али, не открывая глаза и не шевелясь, – вообще-то, умирят суету дел и мыслей и помогает спокойно предаваться размышлениям.

– Но мешает осуществлению результата этих размышлений. И вообще, лень поражает не только тело, но и мысли.

– Ну, если меня поразила лень мысли, то это уже по твоей

части. Вот сам и разбирайся со своими проблемами. А пока ты будешь выяснять отношения с самим собой, я немножко посплю.— Али повернулся на другой бок, потянул одеяло на себя вверх, скрывая плечи, и глубоко вздохнул, как бы доказывая твердость своих намерений заснуть.

— Чтобы прогнать лень, нужен не Разум, а сила воли, — громко сказала сущность. — Эй, ты слышишь меня?

— Как же ты меня достал! Если нужна сила воли, пригласи ее и попроси себе помочь.

— Не могу. Твоя сила воли не материализуется, а если даже и материализовалась бы, то она, как и я, отражая твою сущность, явилась бы отдельным Разумным существом.

Разум умолк. Воцарилась тишина, сквозь которую просачивалось нарочито громкое дыхание притворяющегося спящим Али.

— Кстати, — Разум встал, соединил руки за спиной и начал расхаживать по комнате взад-вперед, — лень — это одна из разновидностей страсти. Ты же знаешь, каково различие между мною и страстью. А сила воли, что необходимо проявить для избавления от этого недуга, есть качество души... твоей души. И если ты смиряешься с мыслью, что ты лишен столь прекрасного качества, то смирись и с мыслью, что в жизни своей ты не достигнешь ровным счетом ни-че-го! Будешь дрыхнуть всю жизнь, теша себя — под воздействием и в оправдание своей лености — пышными мечтаниями, скудными познаниями и некоторыми способностями своего ума.

И вот тогда, на исходе жизни...

– Черт бы тебя побрал! – прервал его Али, откинул от себя одеяло, вскочил с постели и устремился в ванную умыться.

Разум застыл с широкой улыбкой на лице, вполне довольный результатом своих доводов.

Весь остаток дня он провел за чтением книг. Читал он вдумчиво, вникая в каждое слово. Иногда, обуреваемый какой-то мыслью, порожденной прочитанным, он вскакивал с места и начинал ходить взад-вперед. Временами делал какие-то записи в записной книжке. Иногда же вступал в диалог с Разумом. Иной раз, когда Али уставал и от чтения, и от разговоров со своей сущностью, он совал наушники в уши, откидывался на спинку кресла и закрывал глаза, изредка поднося к губам бокал с апельсиновым соком.

Ближе к вечеру голова у него забила окончательно, да и голод давал о себе знать: за весь день он толком ничего и не покушал, кроме печенья с соком.

Заложив закладки в свои книги, он закрыл их и отложил на край стола. Затем пошел на кухню, чтобы приготовить сделать себе яичницу с помидорами. Пару минут спустя он переложил свое приготовление в тарелку, нарезал хлеб, достал из холодильника сосиски, налил себе чаю и сел, чтобы сочетать завтрак, обед и ужин.

– Вот скажи мне, – обратился он к Разуму, разрезая и кладя в рот очередной кусок своеобразного омлета, – зачем мне эти книги? Почему и для чего я их читаю?

– Хороший вопрос. И я ждал, пока ты мне его задашь. Но сначала мне интересно узнать, что ты сам об этом скажешь?

– Ну, у меня, конечно, есть некоторые соображения на этот счет, но ни одно из них мне не кажется убедительно полным и ясным. Есть жажда чтения, есть попытки что-то понять, познать, но что и зачем? Мне трудно на это ответить. Я, как бы это правильнее сказать, не могу рационально объяснить это иррациональное пристрастие. Вернее, я могу, только это выходит как-то непонятно, незавершенно, если не сказать глупо.

– А что ты скажешь насчет тех записей и отметок, что ты делаешь в своей записной книжечке?

– Да это так... – Али сделал глоток чая. – Простые мысли, соображения по тому или иному вопросу; этикие максимы.

– Да, но зачем?

– Я не могу дать точный ответ и на этот вопрос. Я лишь записываю мысль, которая мне кажется хорошей, отражающей мою точку зрения на определенные явления и, возможно, могущей когда-то и где-то пригодиться.

Разум многозначительно улыбнулся.

– Что? – спросил Али. – Зачем ты улыбаешься?

– Вот для этого-то ты и читаешь.

– В смысле?

– Ты читаешь, чтобы найти слова к ощущениям, – сказал Разум, и продолжил: – Понимаешь, все дело в ощущениях и чувственных переживаниях, которые предшествуют

знаниям и опыту. Когда человек что-то чувствует, имеет какое-то внутреннее, Разуму не поддающееся ощущение, первое, что ему хочется, — это понять характер этого ощущения, Разумом его постичь. Но это невозможно, когда отсутствуют знания. Только знания и слово могут придавать понятную форму внутренним переживаниям, трансформируя их в мысли. Это и побуждает человека читать. Он читает и читает, соизмеряя черпаемые из книг знания и слова со своими чувствами. И вот когда он вычитывает слово или предложение, точно передающее его собственное переживание, то в душе восклицает: «Да! Именно так и есть! Это я и чувствовал! Это я и хотел сказать!» К нему мгновенно приходит мысль, что эти слова вполне могли бы принадлежать и ему, знай он раньше, как это надо было сказать. Таким образом, в книгах он находит путь выражения тому, что где-то глубоко, в бессознательности, в нем пульсировало, kloкотало. То, что ты записываешь, это и есть то, что ты чувствовал, но не мог выразить. В книгах, в мыслях других авторов, ты, во-первых, учишься верно понять и выражать то чувственное переживание, что берedit твою душу отсутствием возможности его понимания и выражения, то есть учишься мастерству владения словом; а во-вторых, избавляешься от сомнений в правильности своих мыслей. То множество идей и мыслей, что наблюдениями и опытом жизни зарождаются у человека в голове, прежде чем их выявить на суд общественности, как правило, нуждаются в очистке от сомнений, что

эти мысли глупы или смешны. Читанием разных произведений и обусловлено это желание. Сравнение выявляет и глупость, и гениальность.

– Да, но что с этого? Зачем мне это?

– Важно то, что это есть. А то, что это есть, само и объясняет – зачем и для чего. Каждому человеку даны склонности сообразно его жизни, или, говоря иначе, каждому дана судьба, определяющая и оттачивающая его склонности. Развивай себя в том, в чем ты смыслишь и в чем можешь достигнуть успеха и совершенства. Когда будешь выбирать вид деятельности в жизни, пусть твой выбор не падет на то, к чему у тебя нет способности и интереса, иначе будешь делать это плохо и с отвратительным настроением. Загляни вглубь себя и спроси: «В чем мое призвание?» Употребляй на дело жизни свои склонности и привычки.

– Моими любимыми занятиями являются чтение и размышление... Но на что это можно употребить? На писательство? Нет, не думаю, что это мое и... и что у меня к этому есть какая-нибудь предрасположенность, или, говоря иначе, талант.

– Помнишь, – сказал Разум, – как однажды один турист из Англии на Красной площади попытался с тобой заговорить?

– Да, он еще долго будет помнить мой английский, – усмехнулся Али.

– Желая выразить свою мысль на английском, ты был вынужден употреблять только те слова, что тебе были знакомы,

в надежде на то, что этот турист, по опыту жизни, поймет правильно твою мысль. В то же время ты понимал, что слова, которые ты используешь, не совсем верно передают смысл того, что ты хотел бы сказать. Но ты не особо переживал, что он посчитает тебя слабоумным или даже глупым, потому что знал, что турист понимает, что ты говоришь с ним на чужом для тебя языке и что неточность выражения мыслей обусловлена незнанием иностранного языка, а не скудностью знаний вообще или глупостью ума. И вот вопрос: мог ли тот англичанин, основываясь на вашей беседе, заключить о тебе, что с ним общался человек весьма неглупый, несмотря на то, что он понимал, что ты хочешь ему сказать? Мог ли он вполне оценить уровень твоих умственных способностей и эрудицию? Думаю, что нет. Почему? Потому что ты был вынужден уродовать свою мысль до уродливого уровня своего знания английского языка. Вот так и люди: они могут иметь богатое внутреннее переживание, но ввиду неумения хорошо владеть инструментом выражения чувств и мыслей – словом – бывают вынуждены казаться людьми весьма ограниченными. Писатели и поэты, много читающие и искусно владеющие словом, изначально подталкиваются к чтению книг не желанием становиться писателями и поэтами, а, повторюсь, желанием выразить, придать правильную смысло-словесную форму тем внутренним переживаниям, что волнуют их сознание и душу изнутри. Итак, писатели приходят к писательству по внутреннему побуждению. Знание и опыт жизни –

или, если хочешь, судьба – дает им материал, из которого они могут конструировать строения сообразно своим душевным переживаниям. Это пытлиное, врожденно-чувственное переживание, предшествующее неимоверному труду и знанию, и приводит под конец к великому результату и успеху своих носителей.

Разум сделал паузу и внимательно посмотрел на Али.

– Ты понимаешь меня? – спросил он его.

– Да, продолжай, – в задумчивости, с застывшим на одной точке взглядом, медленно крутя в руке вилку, тихо ответил Али.

– Чтобы, – продолжал Разум, – стать хорошим, по-настоящему первоклассным писателем или мыслителем, ну или просто хорошо смыслящим в людях и жизни человеком, нужна тонкость восприятия. Восприятие настолько тонкое и в то же время обширное, что его нельзя сразу передать в словах. Нужна любовь к уединению, к размышляющему, интроспективному уединению. Нужен критико-аналитический ум, способный соизмерять и делать выводы. Анализировать нужно не только внешние явления и других людей, но и в первую очередь себя самого. Постоянный самоанализ, самоконтроль и самокритика. Процесс рефлексии должен быть непрерывным. Тишина должна стать любимым фоном мысленных переживаний и творений. Взгляду надобно быть созерцательным. Трудности бытия должны восприниматься дорого оплаченными уроками учителя – жизни. И во-

обще, к трудностям необходимо иметь философское отношение. Потому что творчески развитый, одаренный в чем-то человек, в натуре падкий до различного рода развлечений, глубиной мысли поражая, творит великие дела лишь тогда, когда утрачиваются губительные условия праздности, дурное воздействие которых ограничивает творческую направленность и активность его ума. Иногда лишь удары судьбы могут вернуть к пути правильному заблудших. Другом и врагом всего великого, чего достиг в этом мире человек или человечество, являются трудности, которые, мешая, помогают. Кого-то отрезвляя, а кого-то отбрасывая на обочину важных процессов, они, как строгое, но объективное жюри, пропускают к конечной цели лишь искренних и настойчивых, лишая всяких возможностей недостойных, которые при первых же проблесках успеха начинают купаться в лучах собственных достижений и славы или от первых неудач готовы опустить руки и обернуться вспять. Не будь оно так, всякий успех был бы лишен смысла и радости, ибо был бы до банального простым. Итак, всякое чувство – наслаждение это или в особенности боль – должно обогащать твой Разум и жизненный опыт, из которого делается определенный вывод. Помни: как слабость и глупость ведут к проигрышу, также сила и ум влекут к победе. Быть сильным – это не придавать большого эмоционального значения своим маленьким неудачам и провалам. А быть умным и проницательным – это учитывать эти моменты проигрыша и работать

над тем, чтобы они больше не повторялись. Человек, обладающий всеми этими качествами, на общем фоне людей может выглядеть немножко чужаковатым и странным. А разве может он быть таким, как все? Понятие «нормальность» в обществе имеет относительный характер, и к исключительному оно не применяется. Все величественное среди людей является или являлось исключением. Хочешь быть нормальным— будь как все. Не хочешь, чтобы твои действия выглядели странными, —делай то, что делают все. Не хочешь быть на виду— растворяйся в серой массе. Но знай: страшщийся критики большинства никогда не станет великим в глазах достойных, как не станет таковым и тот, кто всем плюет в лицо. Придерживайся золотой середины, и ты достигнешь успеха... И да, — заключил Разум, — у тебя к этому есть predisposition.

— Ну, — сказал Али, — мнение людей меня точно не волнует.

— Все вы, люди, так говорите. Говорите потому, что хотите в это верить, чтобы эту веру придать себе уверенность, значимость и свободу. Но, — продолжал Разум, — в наименьшей степени на мнение людей обращают внимания только два типа людей: великие праведники и великие грешники, великие гении и великие злодеи, люди с высокими достоинствами и люди с низкими качествами. Они не признают посредственности и сами ей не подвержены. В своей свободе они стоят на возвышенностях разных ценностей и интере-

сов. А масса людей как по отношению к первому, так и второму находится далеко внизу, со своими мелкими заботами и хрупкой уязвимостью. Один игнорирует мнение черни в правильных делах, другой – в делах дурных. Где-то посередине этих двух противоположных личностей расположено большинство. Бери первую крайность, которую в этом случае и можно назвать золотой серединой. Конечно, это будет тяжело, но путь кверху всегда тяжок, зато под конец ты окажешься на вершине. Тяжесть пути второй крайности облегчается низкими как устремлениями, так и качествами идущего по нему. Середина же – это ровный конформистский путь в толпе, по которому движется большинство людей.

– И что мне теперь делать?

–Продолжай и дальше себя находить, – сказал Разум. – Собирай пазлы своих ощущений, воплощай их в мысли и слова; читай, размышляй, пиши и еще раз читай, и ты в конце увидишь, какая прекрасная картина у тебя сложится. Обрывистость твоих разрозненных мыслей со временем приобретет цельность, которой ты и сам поразишься. Главное – стремиться к этому, без лени и глупых поступков. Повторяю, дар глубоких ощущений требует от человека возможности самовыражения, что ему и дарит созерцательный взгляд, размышляющий ум и чтение книг. Когда дар – душа —облачается в тело труда и знания, это и есть прекрасная демонстрация таланта. Следовательно, талант – это дар, воля, знание и действие. Если один из этих компонентов отсутствует,

талант ни в ком и ни в чем себя не обнаружит. Поэтому в мире много было и есть одаренных людей, дар которых, во многом из-за их лени, не находя своего прекрасного практического проявления, погибал и будет гибнуть вместе с ними.

—А что, — сказал Али, — если я не нахожу эту жизнь достойной того, чтобы в ней добиваться каких-либо успехов в чем бы то ни было? Ведь чем больше я читаю и размышляю, чем больше узнаю людей, тем меньше бывает тех дел, направленных на успех в этом мире, в которых я вижу смысл.— Он отложил вилку, откинулся на спинку стула и, чуть собравшись с мыслями, продолжил:— Когда начинаешь смотреть чуть дальше остальных, то замечаешь вещи не слишком тебя обнадеживающие. Поэтому чаще всего несчастным бывает тот, кто лучше разбирается в людях: способность легко угадывать в них лицемерие и истинную сущность слишком быстро лишает его интереса к ним. Иногда мне кажется, что тот, кто не анализирует прошлое и не смотрит вдаль, желая понять судьбу свою и человечества в будущем, плохо разбирается в людях и мало смыслит в жизни — вот такой вот, мне кажется, живет гораздо лучше и легче остальных. Но потом я думаю, что такая жизнь в неведении была бы слишком примитивной и скучной, чтобы ею довольствоваться... Но будь я таким, я же этого не понимал бы, верно?

Вопрос был риторическим, и поэтому, не дождавшись ответа, Али продолжил далее:

— Время неумолимо движется вперед. Человечество ты-

сячелетиями переживает цикл: рождение, взросление, старение и смерть; и старение при этом – не обязательный к прохождению этап. «Сегодня» очень скоро превращается в «завтра», потом «на той неделе», после – в «месяц назад» и «тот день, что был год, десять, двадцать лет тому назад». За время своей жизни я успел увидеть этот мир в мире и войне, в нужде и относительном достатке, в добре и зле. Имел возможность наблюдать людей в разных жизненных условиях. Знания доказывали мне ограниченность и ничтожность всего, в чем их нет; благодетель – низость того, в ком его нет; злу я нередко находил оправдание в действительности, которая его породила; страсть и алчность объясняли себя человеческим естеством; жестокость оправдывалась несправедливостью; справедливостью нарекала себя власть, что поступала несправедливо с тем, кто придерживался иного мнения. – Али остановился, подался чуть вперед, грудью прижимаясь на сложенные на столе руки, и, задумчиво смотря в окно, спокойно сказал:– А ведь, по сути, все это лишь игра, интриги и споры жизни, что разыгрываются человечеством на плоту мира, который быстрым течением уносит в пропасть. Река жизни, своим стремительным течением уносящая плот мира со всеми, кто на нем есть, к пропасти смерти, дробя цельное и умерщвляя живое. Вот и конец всей мирской суете, раздорам и истории жизни.

Али замолк и спустя некоторое время, снова откинувшись назад, добавил:

– Так велик ли смысл посреди всего вышеизложенного, плывя на этом плоту мира, уносимого течением времени к обрыву смерти, пытаться добиться каких-либо успехов? – Сказав это, он испытующе посмотрел Разуму в глаза.

– Ну так напиши об этом, – сказал спокойно Разум. – Тебе есть что сказать, более того, тебе надо сказать, так выскажись. Не видишь смысла в успехе – ничего страшного. Но это не значит, что ты должен ходить загруженным. Разгрузись, а там уже увидишь, как быть дальше.

– Если бы у всех людей их Разум мог их сопровождать, как ты меня, – сказал Али, – то все было бы намного лучше.

– Разум зачастую играет лишь последнюю и посредственную роль в образе жизни человека.

– Хочешь сказать, что твое влияние на людей не столь существенно, как принято считать? – удивленно спросил Али.

– Люди в основном используют меня для достижения своих целей.

– А разве не ты задаешь людям цели?

– Цели ставятся посредством меня, но не мной. Я лишь придаю понятную форму тому иррациональному, что доходит до меня. Формирование характерных особенностей человека, как правило, завершается тогда, когда Разум его еще не успевает укрепить. Я нечто цельное всего конгломерата твоих внутренних оттенков. Но моя цельность затрагивает в основном лишь логическую составляющую тебя. Я понимаю суждения морали, но чувство морали мне чуждо. Я по-

нимаю симптомы чувств, но переживать сам я не могу. Мне понятна логика прагматизма, но материальное меня не волнует. Я также Разумею доводы страсти, хоть я и не могу вкушать усладу наслаждения. Я есть рациональная составляющая всего, что есть в тебе. И одной из самых важных моих функций является роль советчика.

– Это важная роль, – заметил Али.

Разум усмехнулся:

– Это как сказать... Хотя да, роль, может, и важная, но не всегда действенная. Понимаешь, в жизни каждого человека наступают времена, когда он под воздействием разных факторов, таких как великое горе, потрясающая радость успеха, злобное бешенство, теряет здравость рассудка. В таких случаях он, как правило, мало что соображает: эмоциональное зашкаливание глушит в нем голос Разума. Для пребывающего в подобном состоянии совет близкого и толкового человека потому и важен, что советчик в силу его непричастности не подвержен опьяняющему эмоционально-чувственному восприятию и рассудок его сохраняет свою трезвость. Но именно в подобных состояниях, когда человек особенно нуждается в дельном совете, он, как правило, от него и отмахивается. И не важно, кто выступает в роли советчика: я или кто-то из людей. А те, которые и способны хоть как-то уловить мой голос в гуще своих переживаний, лишь говорят: «Разумом понимаю, что это неправильно (или правильно), но я иначе не могу».

– Понятно, – сказал Али. А потом, спустя некоторое время, в каком-то отчаянии продолжил: – Я не знаю... Не знаю, кто я, что я... Я прилично цивилизованный, в меру образованный, достаточно эрудированный дикарь, живущий в этом дивном мире, в обществе рациональных животных, ведомых только своими инстинктами и страстями, в услужение которым они в качестве единственной внутренней отличительной черты поставили свой Разум. Иногда я становлюсь одним из них, а иногда вижу себя обособленным.

– Все негативное, – сказал Разум, – что есть в этом мире, в то же время помогает людям обретать ценности и ставить их высоко. Если бы не войны, бедность, страх и трудности, если бы не лицемерие и предательство отдельных людей, много ли было бы в истории человечества выдающихся мыслителей, ученых, писателей, полководцев и спортсменов? Все то, что человечество не любит и ругает, в то же время дает этому человечеству драгоценных личностей, примеры и труды которых живут в веках, обучая современников и последующие поколения великому и правильному. И все это потому, что эти единицы сумели извлечь пользу из невзгод своих судеб, направили в правильное русло свой опыт и знания. И это стоило им куда больших усилий, нежели те, что они прилагали для преодоления трудностей и лишений. Ведь люди зачастую испытывают трудности от незнания или неспособности от них избавиться. Но вот чтобы в трудностях не потеряться, не опустить руки от бессилия или не поднять их в знак

капитуляции, а, наоборот, использовать во благо себе и другим удары бытия, действовать, созидать и творить под напором жизненных невзгод и разочарований – для этого нужно иметь огромную силу духа, и именно таких и называют закаленными в трудностях и жизнью умудренными людьми. Их в настоящем ими правильно использованное прошлое помогает им в их делах, потому что придает особый почерк, особую ценность их словам и поступкам. За великим словом стоит не умный, или не только умный, человек, а великий. Мудрое высказывание ценится не столько от глубины его смысла, сколько от величия жизненного пути того, кто его изрек. И никакие книги не способны одарить прозрением и мудростью в высшей степени, как достойно и длительно перенесенные лишения и боль души и тела, ибо мудрость неразлучна со страданиями так же, как и со справедливостью. В этих сложных жизненных перипетиях и коллизиях и состоит прелесть человеческого бытия и природы. И не будь человек таким, а, скажем, будь он «сверхчеловеком», а общество – обществом сверхидеальным, живущим без каких-либо страданий и лишений, люди потеряли бы свою прелесть, яркость, живость, контрастность, оригинальность и неповторимость жизни.

В комнате воцарилась тишина. Али, слушая Разум, в какой-то момент закрыл глаза, и когда, вдруг образовавшейся тишиною вырванный из размышлений, он открыл их вновь, в помещении был только он один. В задумчивости просидев

еще некоторое время, он медленно встал, выключил свет и пошел в свою комнату. Подойдя к окну в спальне, Али долго смотрел на подвижные огни машин, по тротуарам передвигающихся редких людей, рекламные щиты и бегущие и горящие неоновые надписи. Ему не хотелось ни читать, ни спать, ни говорить, ни даже думать. Он, находясь под впечатлением всего услышанного и сказанного только что, пребывал в том редком состоянии, когда человек, существуя, не существует, думая – не думает, хочет и не хочет. Состояние, в котором и мысль, и душа, и даже тело пребывают в какой-то забытой невесомости. Состояние внутренней апатии и жуткого безразличия—и этим безразличием порожденного спокойствия и расслабления. Никаких мечтаний, никаких переживаний, никаких желаний и беспокойств; он испытывал нечто между радостью и депрессией. Он находился в том состоянии мрачной гармонии беспечности, что порою ласкает душу человека.

16

Шли дни и недели. Али часто ходил в библиотеку и книжные магазины, возвращался со стопкой книг, прочитывал их, библиотечные нес обратно и вновь возвращался с новыми. Его записная книга почти заполнилась фразами из его сообщений и мыслей. Зима понемножку уходила, таяла. Воздух был уже не морозным, а прохладно-холодным. Весь мир словно ожил, предвкушая цветущую весну. Али вернулся к своим парковым прогулкам. Учеба тоже шла своим чередом.

Та новенькая, Аня, что когда-то привлекла его внимание, давно уже перестала его интересовать. Однажды, когда она во время перемены стояла у окна в коридоре и, разговаривая по телефону, сильно и как-то неприятно захохотала, Али испытал к ней первое чувство внезапно отторгающего разочарования. Вся ее таинственность мигом растворилась. Потом было что-то неприятное в ее внешнем виде, потом в манерах, и в конце она ему показалась такой же заурядной, как все. «Да, — подумал он тогда, — человек состоит из мелочей... они же его и выявляют». Два, а иногда и три раза в неделю он ужинал у дяди. За столом шли обычные расспросы и разговоры: как дела, как учеба. Дядя в светлых тонах разрисовывал ему его перспективу после того, как он если и не на отлично, то хотя бы с хорошими отметками окончит университет. Али слушал внимательно, напустив на себя притворный благодарный интерес. А по сути его это мало волновало.

Однажды вечером в автобус, на котором он возвращался с ужина у дяди, поднялся пожилой мужчина с костылями, без одной ноги, с виду похожий на бомжа. Али встал и уступил ему место. Сколько их он видел, без рук и ног, во время войны в Чечне.

Выйдя на своей остановке и направившись пешком к себе в квартиру, он обдумывал эту картину, и в голове у него засело слово «сострадание». Слово это вызывало в нем нежность, пока он не применил его по отношению к себе. Как только он вспомнил, как его жалели, как ему сострадали по-

сле того, как он осиротел, в тот же миг сострадание вызвало в нем какое-то резкое отвращение.

– Что, – сказал Разум, – ты возненавидел жалость, представив себя слабым?

–Способность проявлять сострадание– это черта благородная, но вместе с тем и презрительная благородным, если оно проявляется по отношению к нему, – спокойно ответил Али.

Разум ничего не ответил. Али внимательно посмотрел на него и, улыбнувшись, сказал:

– Гм, даже не знаю, мне радоваться тому, что я сумел поставить мат своему Разуму, или огорчаться.

– Не обольщайся, дружок. Я разве с тобой спорил?

– Бла-бла-бла.

– Вот идиот.

– Эй! Поосторожней, – сказал Али. – Иначе я ведь могу тебя... могу с тобой... – Он осекся, не находя, что сказать.

– Что? Ну? Продолжай! Что ты можешь сделать со мной? Вышибить себе мозги, что ли? – Разум рассмеялся.

– Да нет, почему такие радикальные меры?

– А что тогда?

– Ну, просто отупею, вот тебе и конец.

– Ну прям очень умный ход! И твоя жизнь сразу же преобразится.

Али в ответ лишь улыбнулся.

Как-то вечером Али, после окончания занятий в университете, зашел в фастфудочную и пил кофе у витрины. За окном шел легкий дождь, капли которого, порывами ветра ударяемые о витрину, неспешно, прямо и зигзагами, сползали вниз по стеклу. Люди, как пешие на тротуарах, так и находящиеся за рулем своих автомобилей на проезжей части, чуть быстрее обычного шли и ехали с работы домой. На дороге иногда образовывалась пробка, и застывшие машины с мерно работающими дворниками начинали сигналить, потом движение снова начиналось, но спустя некоторое время опять образовывались заторы, и все повторялось заново. На тротуарах же картина не менялась. С зонтиками и без, мужчины и женщины, пары и одиночки, молодые и пожилые – все беспрестанно двигались одни в одну сторону, другие – в другую. Али, наблюдая эту картину, призадумался.

Рядом появился Разум, и Али, заметив его периферическим зрением, не отводя своего взгляда от окна, тихо сказал:

– Каждый из них имеет свою судьбу и историю жизни, но когда смотришь на них в целом, то воспринимаешь их как толпу, живущую однообразной жизнью. Я иногда думаю, способен ли хоть кто-нибудь из них меня понять; потом думаю, нужно ли мне это; потом отвечаю себе, что от ответа на этот вопрос зависит то, могу я считаться одиноким в этом мире или нет.

– Как уже было сказано, мысли людей зависят от образа жизни. Твои мысли – от твоей жизни, их мысли – от их жиз-

ни. Однако человек способен знать то, чего он не испытал, но не понять. Люди не хотят признаваться в ограниченности своих познавательных возможностей. И только познав нечто новое, они понимают, что ранее ничего, в сущности, в этом не смыслили. Но, опять же, эту ограниченность они относят только к одному конкретному явлению и живут дальше, по-прежнему не веря в свою ограниченность, пока снова не познают нечто новое, в очередной раз убеждаясь, что ранее они заблуждались. И так до самой смерти.

– Черт возьми, о чем это ты? Я лишь спросил, одинок я среди них или нет?

– Возможно. Как возможно и то, что каждый из них одинок среди других.

– А возможно ли то, что они не задаются теми вопросами, что я?

– И это возможно. Но возможно и то, что они задаются другими вопросами, которыми не задаешься ты.

– Есть ли схожесть между нашими вопросами?

– Их вопросы, как я уже сказал, обусловлены их жизнью, твои – твоей. Скажи мне, что ты пережил и как ты живешь, и я скажу тебе, кто ты и о чем думаешь.

Али молча продолжал смотреть в окно. То он фокусировал свой взгляд на ползучих дождевых каплях, швыряемых ветрами о витрину, то на людях за окном. Разум тоже умолк.

– Когда-то, – прервал Али недолгое молчание, – я завидовал той жизни, которой они живут. Но теперь, когда я позна-

комился с ней изнутри, я понимаю, что и завидовать-то здесь особо нечему. Внешнее благополучие, оказывается, не является признаком внутреннего благоденствия. Все здесь предстает мелким, бессмысленным и ничтожным. Их смех, радость, проблемы, работа, мечты, мысли – все кажется незначительным и бедным. Есть такое убеждение, что большинство из них не испытали ни настоящих лишений, ни искреннего счастья. Их жизнь насыщена карликовыми проблемами и мимолетными радостями. Это образ мирной жизни. А вот что касается войны, то ужасы ее видны: ты видишь, как стреляют, как взрываются бомбы, рушатся дома, течет кровь и гибнут люди. Шум, гам, хаос, истерика, разрушения, смерть, раны и голод – демонстрация гармонии уродливой жестокости. А что здесь? Мир? Да, здесь не стреляют, не взрывают, дома не рушатся, от пуль, осколков, голода и холода люди массово не гибнут. Но здесь вовсе не мир, здесь просто другая война, в которой в зависти, алчности и меркантильном хаосе жизни гибнут сердца и чувства. У Бернарда Шоу есть такая пьеса...

– «Дом, где разбиваются сердца», – закончил его мысль Разум.

– Да, именно. Вот в этом Доме эти люди и живут. Духовно-душевное вымирание на счастливом фоне ярких декораций мирной жизни – вот что здесь происходит. Считается, что война ожесточает сердца. Наверное, оно так и есть. Но лишь на войне, что являет собой образец великой беды, лю-

ди проявляют высшую степень сострадания, взаимопонимания и взаимоподдержки, потому что нет опьяненных достатком и успехом: все отрезвлены естеством войны, все одинаково нуждаются, все одинаково друг друга понимают. И поэтому мне даже трудно сказать, где больше проявляется жестокость, черствость, хладнокровие: в благоденствующих в мирной суеде городах или среди пламени войны. Нередко и враги, стоя по разные стороны баррикад и стремясь каждый убить другого, находясь в одинаковых условиях уничтожения, друг друга лучше понимают, чем иные в мирной жизни. И именно тем и хороши войны – если к войнам вообще можно применить слово «хорошо», – что дают понимание ничтожности вещей и важности добрых отношений между людьми. Это понимание, увы, дается не всем, но те, что это поняли, хватают его крепко и на всю жизнь.

– Когда ты начинаешь хорошо смыслить в людях и жизни, – сказал Разум, – твои интересы не могут быть заключены в тех же вещах, что и у большинства. Но когда ты хорошо понимаешь себя в жизни среди людей, то тебя радует каждая мелочь.

– Но разве тот, кто зыбью морской покачивается в лодке, за жизнь свою стихиями водной не потрясенный, может испытать радости того, кому ранее довелось пережить бешеный шторм? Разве может человек знать, что такое подлинная радость безмятежности, не испытав великого горя душевных потрясений? Разве способен тот, кто не вкушал горького, по-

знать вкус сладкого?

– Но, с другой стороны, тот, кто, не испытав этого шторма, желает для контраста ощущений его испытать, является полным идиотом.

– Я понимаю, – сказал Али. – И поэтому я никому этого не говорил, не говорю и вряд ли буду говорить: не поймут. Но, – улыбнувшись, он посмотрел на Разум, – своему Разуму-то я могу это сказать.

– Твой Разум это и так знал.

– Ах да, забыл.

– И все-таки, эти люди дарят тебе радость своей противоположностью.

– Разве удовольствие, доставляемое людьми человеку, не заключается в том, что другие его понимают, разделяют его взгляды и переживания? – спросил Али.

– Ты, говоря об исключительном, слишком сужаешь смысл обширного. Некоторое взаимопонимание необходимо между близкими друзьями, которых, как правило, не бывает более одного или двух. Но нельзя требовать подобного от всех людей. Человек за всю жизнь – и то если повезет – может найти лишь нескольких людей, понятных его Разуму и близким сердцу. Все остальные либо понятны Разуму, но не милы сердцу, либо наоборот, либо же не понятны и не милы вообще; или же, что бывает чаще всего, просто не интересны. Но тем не менее то большинство окружающих тебя людей, тебе не милых и не интересных, все же они для тебя

крайне важны. Они задают тебе характер мысли и настроения, они определяют, кто ты такой. Познавая их и сравнивая себя с ними, ты познаешь себя. Убери их всех – и многие твои мысли и переживания превратятся в мертвую тишину. Уйдут цели жизни, мечты и радость. В итоге в бессвязно-томных думах ты завершишь свою жизнь, до самого конца – не религиозным аскетизмом, а за неимением смысла и желания – довольствуясь тем малым, что необходимо для существования. И если воздержание по религиозным соображениям радует набожного сознанием своей борьбы против страстей и надеждой райского воздаяния, то, живя в мире без людей в тех же ограниченных условиях, что и тот набожный, ты не испытывал бы его радостей, ибо нет борьбы, потому что нет искушения, потому что нет людей. Иными словами, если бы все люди, кроме тебе дорогих, милых и понятных, исчезли бы в один миг, то тебе было бы куда тревожнее, чем сейчас.

– Значит, я должен выбежать и закричать: «Люди, спасибо вам, что вы есть! Вы дарите мне смысл бытия и радость жизни!» Так, что ли? – иронично спросил Али.

– Почему бы и нет? Но это будет слишком неРазумным поступком.

– Почему? Потому что они меня не поймут? Видишь, они даже благодарности не могут понять.

– Они же не могут следить за ходом твоих мыслей до того момента, как ты это воскликнул бы.

– Да, знаю, – сказал Али и добавил: – Но в одном у них

есть несомненное преимущество: у многих из них есть четкое представление того, кем они хотят быть. А я, позавтракав, даже не знаю, чего мне хочется на обед. – Затем он допил остаток кофе и вышел.

Как только Али оказался за дверью закуской и направился вдоль тротуара, холодный ветер с капельками дождя обдал его лицо, развевая, как флаг, полы его кожаной куртки. Он быстро схватил их на лету, свел вместе и застегнул, подняв молнию чуть выше груди, затем накинул на голову черный капюшон, приделанный к куртке. Сущность появилась рядом.

Они шли и говорили, пока не вошли в парк. Шум города резко притих и по мере их углубления в парковую зону звучал все тише и тише где-то там, вдали. Дождь прекратился, но с веток, усеянных почками, продолжали падать капли. Обоняние Али уловило приятный аромат разбавленных в воздухе запахов мокрой травы, веток деревьев и влажной земли, приправленной парковой безмятежностью.

Прикрыв глаза, медленно и глубоко втянув в себя все ароматы, витавшие в воздухе, и так же медленно выдыхая их через рот, Али открыл глаза и сказал:

– Это прекрасно! Всего лишь простые мокрые деревья посреди города, но и они вдохновляют и напоминают о местах более прекрасных и живописных – о родных горах и лесах. И это все так величественно, что нельзя передать ничем. Это вызывает чувства, эмоции и какие-то нереальные воспоминания.

нения, граничащие с иллюзиями. Разве одного этого ощущения недостаточно, чтобы знать, что человек существо богатое, но ограниченное: он может испытать больше, чем понять? Вот я говорю и сам ничего не понимаю. Что ты об этом скажешь?

– Мало что я могу добавить. Ты прозреваешь, и это радует. Пределы незнания выявляются пропорционально познанному, то есть чем больше человек начинает понимать о малости своих знаний, тем больше он познает что-то новое. Все понятное и простое в начале концами уходит в тайное, или же все понятное и простое в конце имеет тайное, сокрытое от людских знаний начало. Вот, к примеру, ты хочешь что-то написать, изложить письменно свои мысли. Очень часто ты пишешь машинально, не задумываясь о том, с какого слова следует тронуться с места. Есть бесчисленное количество слов, с которых ты мог бы начать свой текст. Но ты выбираешь именно ЭТО слово, почему? Ведь именно от первого слова зависит характер письма, потому что ты будешь отталкиваться от него. Многие люди, если их спросить, почему же они начали свое письмо именно с этого слова, скажут: «Не знаю» или «Это было первое, что пришло мне в голову». Так почему именно это, а не другое слово пришло им в голову? Слово само к ним пришло? Хорошо, допустим, кто-то собирается написать важное письмо. Тогда он потратит немножко времени на то, чтобы обдумать свой текст и как, с какого слова лучше его начать; и вот он подумал минут пять,

десять, тридцать или весь день – не важно, и начал с какого-то слова. Он что, примерял свои мысли со всеми возможными словами? Но это же как в шахматах: варианты ходов бесчисленны. Ах да, сначала у него были мысли, порожденные желанием донести что-то важное. Так может, дело не в словах, а в том, что заставило людей изобрести эти слова – в нужде выразить желание и чувство? Но что же тогда порождает желание и чувство? Это уже выходит за пределы простого и понятного, но без учета этого нельзя сказать, почему же он выбрал именно это слово. Мы видим лишь внешние признаки и следствия явлений, но не можем прозреть их истоки. Хорошо пишет тот, кто много читает и пишет, – здесь есть причина и следствие, что можно назвать правилом. Но это только понятная сторона, и если человек по той сокрытой стороне к писательству не предрасположен, то он станет исключением. Много читать и писать могут многие, но не все же становятся писателями, даже если они все этого хотят одинаково. Хорошо воспитанным бывает тот, кто получил достойное воспитание, но не все же, кто получил прекрасное воспитание, вырастают благовоспитанными. Можно сказать, человек делает, потому что есть желание, вызванное осознанием им своих способностей. Но нельзя же сказать, что у человека есть способности, потому что у него есть желание и он трудится. В детские годы становления личности с ним происходят тысячи вещей, из которых вьется его сознание, привычки и мировоззрение. Если сделать это бесчисленное

количество незаметных воздействий на него правильным, то есть если дать правильное воспитание в семье и обществе, оберегая тонкую его психику и формирующееся сознание от негативных воздействий, то он, как дерево, за которым умело и постоянно ухаживали, может вырасти здоровым и давать хорошие плоды. Но почва, климат и погодные условия тоже имеют свое значение, и находятся они за пределами человеческих возможностей. Базовая сущность души человека и его личностный потенциал – это нечто особое, бесконтрольно врожденное.

– Это сложно, – тихо сказал Али.

– Конечно! – молвил Разум, и исчез.

18

В конце недели, вечером, устав от чтения и отложив книгу в сторонку, Али откинулся на спинку стула и вдруг вспомнил, что сегодня суббота. Вновь присев ровно, он придвинул к себе включенный ноутбук, навел курсор мыши на ярлык социальный сети «Одноклассники» и произвел двойной щелчок указательным пальцем по левой кнопке мыши. Затем вбил пароль и логин в соответствующие поля.

Страница эта была заведена им пару лет назад из-за своего когнитивного интереса к людям. На просторах Интернета Али вел общение с людьми из разных социальных слоев и возрастов, под каждого подстраивая отдельный тип общения и наблюдая за реакциями своих виртуальных собеседников: кто, как и на что отвечает, кто что из себя представляет и

так далее. Он интересовался уровнем и характером мышления разношерстной публики, что сидела в виртуальном пространстве. Но со временем Али убедился, что по-настоящему интересных, толковых и стоящих своего познания людей здесь не так уж и много, и, посчитав социальную сеть пагубным явлением в силу того, что она забирает много времени, сознательно ограничил свое в ней пребывание. Вначале он решил посещать этот сайт лишь два раза в неделю. Но затем и вовсе решил туда заглядывать только по субботам. Других соцсетей у него и не было.

Войдя на свою страницу, Али увидел три новых сообщения. Все они были от Ирины – разведенной русской женщины сорока лет от роду с внешностью на «минус десять лет», которая за те двенадцать лет, что она жила в Москве, успела открыть свое дело и довольно неплохо в нем преуспеть. С ней Али общался уже полгода. За это время они ни разу не встретились по обоюдному согласию, и общение их имело жизненный характер. Они были разными по взглядам на жизнь, многим интересам, характерам, культуре и истории жизни. Но все же это были родственные души, и поэтому общение было интересное для обоих.

Ирина считала Али человеком непогодам мудрым, интересным и удивительным, и после той атмосферы эгоизма и алчности, что царила в среде бизнеса, где она ютилась, общение с ним было для нее некоторой душевно-нравственной и даже интеллектуальной отдушиной, этакой исповедью за

суету жизни посреди черствых людей.

Когда она, вместе со своим сыном, впервые приехала в Москву, по доброте свой души и доверчивой натуре много раз была предана и обманута. Этот опыт в какой-то момент закалил ее характер, затвердил сердце и вселил в нее недоверчивость, строгость и подозрительность в отношениях с людьми. И лишь в общении с Али она смогла вернуть себе утраченное тепло и доверчивость, поняв, что все же у всего есть исключения.

Ирина писала:

«Привет! Я только что зашла к себе, слезла с этих чертовых тувель, приняла душ и сижу, прислонившись спиной к изголовью кровати, вытянув ноги и положив ноутбук на колени. Сегодня четверг, а значит, через два дня ты должен сюда зайти. Слушай, может ты все же пересмотришь свой график и будешь здесь появляться хотя бы два дня в неделю? Иногда одиночество просто гложет и становится невыносимым. С подругами вчера ходила на караоке... Не то. Два дня назад в клуб ходили. Третьего дня были в кинотеатре, до этого был ресторан. Все не то. Не знаю, то ли я старею, то ли это результат твоего «дурного» влияния. И вот еще что: может, еще пересмотрим и нашу договоренность насчет того, чтобы не встречаться. Да, я помню наш уговор, что после встречи восприятие уже будет иным и мы больше не сможем продолжать общение в таком качестве, что мы разные не только по натуре, но и возрасту (да, помню, про возраст –

мои слова), что у каждого своя судьба и тому подобное бла-бла-бла. Но ведь от часовой встречи, проведенной за дружеским общением с потягиванием черного кофе за витриной ресторана или какой-нибудь забегаловки, ничего, в сущности, не испортится. Только не пойми превратно, я вовсе не навязываюсь. Короче, я не знаю. Буду с нетерпением ждать субботнего вечера. Добрых тебе снов!»

Второе ее сообщение было тремя днями позже, в воскресенье:

«Я вчера весь вечер ждала, пока ты зайдешь. Ты так и не появился. Сначала было разозлилась, затем обиделась, а потом подумала, не случилось ли с тобой чего-нибудь плохого, и все предыдущие чувства сменились тревогой и беспокойством. И мне впервые стало по-настоящему жаль, что у меня нет ни твоего номера телефона, ни адреса проживания. И все же я надеюсь на лучшее».

Еще через два дня было третье сообщение:

«Ну где же ты?!»

К этому времени заморгала лампочка Ирины, уведомляющая о ее появлении на сайте, и вскоре от нее пришло укоризненное сообщение: «Я переживаю, а этот, зайдя на сайт, даже не соизволил мне ответить».

Али ответил:

«Я только что зашел. У меня все в норме».

«Рада тебя видеть. Где пропал-то? С тобой точно все хорошо?»

«Да, все нормально. Просто приболел немножко. Сейчас я уже в порядке. Что нового?»

Их общение длилось около двух часов. О новом явлении в своей жизни Али, понятное дело, ничего не сказал.

19

Весна окончательно прогнала зиму и вступила в свои законные права. Она настроила солнце, температуру воздуха, вид растений, периодизацию и нормы дождевых осадков так, чтобы звуки и запахи природы витали в воздухе в приятной симфонии, дарующей наслаждение взору, слуху, обонянию и душевным ощущениям.

Воскресным днем, выйдя на свежий воздух, Али, как обычно, направился в парк, чтобы в его умиротворяющей атмосфере зарядиться энергией креативности.

Народу здесь было много. Гуляющие, делающие предвечерние пробежки, катающиеся на велосипедах – мамы с детьми, молодые пары, пенсионеры, вышедшие проветрить свои обветшалые кожи и кости и чтобы цветущая молодая весна оживила в них память былой молодости, которая, в отличие от весны, не повторяется, завершив определенный цикл сезонов. Али находился в зоне аттракционов. Он покатался на нескольких каруселях и направился к тиру. Заказав и оплатив десять выстрелов, он взял в руки винтовку и стал прицеливаться. Примерно в это же время к тиру подошла парочка – парень с девушкой, и они тоже взяли в руки

винтовки и начали целиться...

Между двумя войнами Али часто стрелял из боевого оружия: автомата Калашникова калибров 5,45 и 7,62, пистолетов Макарова, ТТ и Стечкина. Палил на свадьбах в воздух, в соответствии с чеченскими традициями, и стрелял по мишеням в разных местах и условиях. Реже такая возможность выпадал в городе, чаще – в селе. В период летних школьных каникул он каждый год ездил в Урус-Мартани, где нередко ходил с родственниками на очередной летний выпас скота. В селах обычно скот пасут либо наемные рабочие – пастухи, либо сами сельчане: владельцы выпасных коров по установленной очереди гонят их на пастбища. Али часто доводилось ходить с родственниками на такие выпасы в качестве помощника. Ему это нравилось. Али вообще нравилась деревенская жизнь: здесь все было каким-то натуральным. Почти в каждом дворе было молоко, выдоенное от собственных коров, которое затем с помощью сепаратора (за которым, как правило, сидела пожилая женщина и крутила ручку) очищалось. Так, из свежего молока добывали натуральные сметану, сыр, сыворотку, творог. Омлет и глазунья здесь бывали особенно желтыми и вкусными, как бывает только из яиц, снесенных домашними курами. А люди – всегда простые как в одежде, так и в отношениях. Еще ему нравилось сельское утреннее пробуждение ото сна, когда слух сразу ловил и звуки петушиного кукареканья, и мычание коров, и бляение овец, и голоса маленьких детишек, которые, проснувшись

пораньше, начинали энергично во что-то играть, – и все это происходило на невидимом фоне специфического деревенского запаха.

И вот однажды летом девятилетний Али поехал в село и отправился со старшим троюродным братом Изнауrom к предгорным пастбищам пасти скот. Изнаур взял с собой автомат Калашникова для охоты и, если не на что будет охотиться, забавы– стрельбы по мишеням. Ближе к обеду они погнали коров на водопой, после чего, пока скот утолял жажду, решили посостязаться в меткости стрельбы. Поставив металлическую банку из-под сгущенки в качестве мишени, Изнаур выстрелил первым с расстояния пятнадцати шагов. Пуля прошла по касательной, и банка отлетела в сторону. Настал черед Али. Он подошел к банке, взял ее и пошел дальше еще на шагов пять-шесть, поставил банку на край берега ручья и вернулся на исходное положение. Изнаур улыбнулся и сказал: «Ты бы, малыш, хоть с десяти шагов попал». Али, ничего не отвечая, присел, правой коленкой упираясь в землю и приподняв левую, внимательно и сосредоточенно прицелился, и – бах! – баночка взмыла в воздух и, делая на лету заднее сальто, упала в ручей оросительного канала и поплыла по течению вдоль русла. «Снайпер!» — хвалебно воскликнул Изнаур и потрепал брата по голове.

Был еще случай. Это было уже в городе, в последнюю мирную зиму до начала Второй войны. Один дальний родственник вместе со своим другом, оба в полной боевой экипиров-

ке, как-то приехали к ним в гости, и Али попросил его разрешить пострелять из автомата. «А ты умеешь стрелять?» – шутливо, но вполне серьезно спросил его родственник. «Не хуже тебя», – улыбаясь, ответил дядя Идрис. «Ну что ж, пойдем, посмотрим», – весело сказал гость, и они направились к развалинам одного дома по соседству.

Они нашли пустую пластмассовую бутылку из-под минералки и поставили ее на белый снег. Первым выстрелил родственник – бутылка повалилась и покатилась: пуля прошла сквозь нее по левой стороне. Поставив бутылку на место, второй выстрел сделал друг родственника – на этот раз пуля прошла бутылку справа. Вновь ставя бутылку на место, родственник слегка вдавил ее в снег, чтобы она стояла крепче. Расстояние, с которого все стреляли, было примерно шагов двенадцать-пятнадцать, и Али на сей раз не стал увеличивать дистанцию, потому что у него руки замерзли и он не был в себе особо уверен. Прицелившись, Али задержал дыхание и выдержал некоторую паузу, а потом раздался выстрел. Бутылка не сдвинулась с места. «Это для тебя слишком большое расстояние, надо было подойти чуть поближе», – сказал родственник. Али, ничего не говоря, вернул ему автомат и подошел к мишени. «Наверное, – сказал он, разглядывая бутылку, – мне стоило эту дистанцию чуть увеличить». Когда остальные подошли, то увидели, что пуля Али прожгла бутылку прямо посередине, проделав отверстие между отверстиями двух предыдущих выстрелов. Бутылка не повалилась

лишь потому, что была вдавлена в небольшой слой затвердевшего снега. Оба гостя с радостью заметили, что Али их приятно опозорил.

– Выбирайте какую хотите, – сказал работник тира.

– Что? – как бы в растерянности спросил Али, вырываясь из воспоминаний, куда он окунулся на мгновение.

– Вы сбили все мишени и выиграли приз. Выбирайте любую из этих мягких игрушек.

В это время парень с девушкой, у которых было лишь несколько точных попаданий, опускали винтовки на стойку и собирались уходить. Али повернулся к девушке и спросил ее, указывая на игрушки, какая ей больше нравится. Та повернулась и спросила, к ней ли он обращается, и, получив положительный ответ, смущенно улыбнулась. Затем, не уточняя о причине такого к себе вопроса, она, с все еще сияющей на лице улыбкой, указала на белого плюшевого медвежонка. Работник тира передал Али мишку, на которого указала девушка, и Али протянул его девушке. Она и ее спутник поблагодарили его и весело пошли дальше. Али тоже покинул это место.

Спустя некоторое время прогулок он подустал и решил где-нибудь присесть. Но все места были заняты. И вот когда он проходил мимо одной скамейки, парочка, что на ней сидела, встала и пошла вдоль дорожки. Али тут же сел на скамейку, вытянул ноги и, слегка массируя больное место на ноге, запрокинул голову назад и закрыл глаза. Все было про-

сто замечательно, и даже в этом легком болевом ощущении в ноге было что-то особенное и даже приятное. Да, это была весна.

Вдруг в эту самую минуту потаенного блаженства он услышал слева от себя милый женский голос, извиняющийся и спрашивающий, можно ли ей здесь присесть. Али открыл глаза, сел чуть ровнее и только после разглядел владелицу голоса. Перед ним стояла девушка с миловидным белым лицом, в которое искусно были вкраплены прекрасные голубые глаза, и обрамлялось это милое личико темно-русыми волосами; одета она была в светлый пуловер, ярко-синие джинсовые брюки и белые кеды. За спиной у нее был рюкзак.

– Да, конечно, – резко ответил Али.

– Спасибо, – сказала незнакомка и, садясь, сняла с плеча одну лямку рюкзака, и уже усевшись, высвободила и второе плечо. Рюкзак она положила себе на колени, расстегнула его молнию и достала оттуда тонкую папку и цветные карандаши. Потом положила рюкзак между собой и Али так, что раскрытой «пастью» он был повернут к ней. Далее из папки она достала небольшой лист белой бумаги, который затем на эту самую папку, заменяющую ей планшет, и положила. Затем она начала что-то на нем рисовать. По той свободе и непринужденности, с какой она это делала, можно было угадать, что дело это является для нее обычным и естественным.

Али же сидел с некоторой напряженностью как в движениях, так и в мыслях, не решаясь повернуться к ней и не

имея недавнего спокойствия, чтобы снова откинуться, закрыть глаза и предаться умиротворяющей обстановке весеннего парка.

– Поэтому-то я и против того, – заговорил Разум, появившись между ними, – чтобы ты отвлекался на девушек, прежде чем завершишь свою работу. Посмотри на себя, ты не можешь ни расслабиться душевно, ни сосредоточиться мысленно.

Али внимательно посмотрел на Разум, но вышло так, будто он смотрит на девушку. Та периферическим зрением уловила его пристальный взгляд, но, не подавая виду, продолжала что-то рисовать, иногда окидывая взглядом деревья и тротуар перед собой.

– Да не смотри ты так на нее, болван! – сказал Разум. – Она такой же человек, как и ты, и так же может волноваться... что, впрочем, уже и случилось.

Али смущенно отвернулся и мысленно спросил: «Интересно, а что она там рисует?»

– Она... – Разум наклонилась к девушке, внимательно посмотрел, выпрямился и сказал: – ...рисует то, где вы сейчас сидите: деревья, дорожки, людей. Сказать честно, у нее талант.

Али поднял глаза к небу.

– А небо она уже разрисовала? – снова мысленно обратился он к своей сущности.

– Нет. И, судя по всему, не собирается этого делать.

– А это и не важно, – ответил он мысленно, потом запрокинул голову и, по-прежнему вглядываясь в небо, спокойно вслух сказал:

– Красота сокрыта в мелочах, не правда ли?

– Вы это мне? – с недоумевающим выражением лица девушка повернулась к нему.

– Да, вам. Вы со мной не согласны? – Али все еще смотрел в небо.

– Ну да, в общем-то согласна. Только я не совсем понимаю, зачем вы мне это...

– У вас небо белое, – мягко оборвал ее Али, – в то время как оно сейчас лазурно-голубое и столь же прекрасное, как ваши глаза.

– А... – Девушка запнулась, засмушалась, потом посмотрела на свой листок, подняла голову и взглянула в небо: – Да, точно. Но как это вы... – Она растерялась и, улыбаясь, закончила: – У вас хорошее зрение, и... вы хорошо подмечаете детали. Вы художник?

– Благодарю! – Али только сейчас повернул к ней голову и посмотрел ей в глаза взглядом, говорящим, что он вовсе не такой надменный и самовлюбленный тип, как ей могло бы только что показаться, и ответил: – Нет, я просто внимательный человек.

– О, мне этого как раз и не хватает. Мой учитель, Николай Васильевич, постоянно делает мне замечания по этому поводу.

– А где вы учитесь?

– В питерской Академии художеств. Я и сама оттуда, то есть из Питера. Мне дали недельный отпуск, чтобы я запечатлела наиболее примечательные, на мой взгляд, места в Москве.

– И этот парк вы находите таковым?

– Да нет, что вы. Сейчас я просто рисовала для себя. А вы чем занимаетесь?

– Я? По большей части я занимаюсь... ерундой. – Он улыбнулся, а девушка рассмеялась. – А так я студент, учусь на экономиста.

– Понятно.

Наступила неловкая пауза, когда он не знал, о чем спросить, и вообще, не считает ли она, что он ей мешает; а она, зная, о чем его спросить и имея такое желание, тоже молчала, потому что ее мучили те же сомнения.

– До чего ж вы все одинаковы, – сказал Разум и добавил: – Ну все, хватит, на этой прекрасной ноте закругляйся и ступай прочь отсюда.

– Можно спросить? – обратился Али к девушке, игнорируя совет Разума.

– Да, конечно, – оживилась она.

– Вы же наверняка изучаете там историю искусства, культуры Европы и мира?

– Да, мы это проходим.

– Я хотел бы спросить, – Али сделал задумчивый вид. –

Другому вопрос показался бы странным, но вам, как человеку искусства, думаю, так не покажется.

– Интересно, – улыбнулась она, выпрямилась и состроила мину, говорящую: «Ну же, спрашивай поскорее!»

Али заметил ее повышенный интерес и тут же поспешил ей объяснить, побоявшись, что ее ожидание выше качества его вопроса, что спросить он хотел о вполне обычной вещи.

– Да нет, ничего особенного. Просто мне вдруг стало интересно, будь у вас такая возможность, в какой исторической эпохе вы пожелали бы жить или оказаться?

– О! – воскликнула она и, как-то задумчиво поведя глазами, сказала: – Это интересный вопрос! Но я об этом раньше почему-то не задумывалась.

– Неужели, рассматривая картины мастеров прошедших веков, вы не представляли себе жизнь тех времен? Не представляли себя в одеждах тех обществ? В гуще тех событий и интриг, что сегодня стали легендами и изучаются историей всем человечеством, – а вы в этом участвовали бы или созерцали живую, имея манеры и повадки тех времен. Разве это не интересно? Разве не интересно представить, какую общественную роль вы играли бы, кем бы стали сегодня ваши потомки, какое у вас было бы мировоззрение, как бы вы понимали жизнь, живи вы в прошлых веках? Ведь каждая эпоха имеет...

Девушка сидела, слушая его внимательно, слегка наклонив голову, и в глазах ее тут же обозначилась страстная за-

думчивость, словно она в эту же минуту отправилась к прошлому, изученному на занятиях по истории искусства, увиденному на полотнах в разных музеях, вычитанному в учебниках и просмотренному в исторических фильмах. Она с легкой руки слов Али и своего воображения оказывалась то в Средневековье, то в эпохе Ренессанса, Просвещения, барокко и романтизма, примеряя наряды тех культурных стилей, шагая в их строениях, рисуя и наблюдая, как рисуют другие. Дойдя до модернизма конца девятнадцатого – начала двадцатого века, Али пошел обратно. Мысль, порожденная ее фантазией и знаниями и словами Али, подхватила ее сознание и окунала девушку в разные стили культур, погружая все глубже и глубже в прошлое, пока она не достигла Древней Греции и Египта. То она бывала на балу в пышных нарядах в Версальском дворце, то стояла среди толпы крестьян в лохмотьях, наблюдая за казнью инквизиции, то видела, как Микеланджело создает Сикстинскую капеллу, то представляла, как она вместо Моны Лизы позирует Леонардо да Винчи. Вихрем словами Али подогреваемого воображения она мчалась сквозь исторические строения, жизнь и события Парижа, Лондона, Флоренции, Венеции, Рима, Афины и Египта. Али искусно, подчеркивая все мельчайшие детали архитектуры, нарядов, изобразительного искусства и даже нравов минувших веков и тысячелетий, швырял ее сознание из города в город, из одного общества в другое, из века в век. И ровно в тот момент, когда она оказалась в долине Гизы на

вершине пирамиды Хеопса с устремленным вдаль к Сфинксу взглядом, Али остановился. Ее мысленный образ на вершине одного из семи чудес света растворился в воздухе, и Разум юной художницы вернул разыгравшиеся фантазией мысли к ее телу, в реальность. Она слегка, еле заметно, вздрогнула, как бы очнувшись ото сна, и удивленно посмотрела на Али.

– Это... это было лучшее, что я когда-либо слушала и испытывала, – с задумчивым восхищением сказала она спокойно. – Прекрасный монолог!

– Нет, – покачал Али головой.

Она вопросительно посмотрела на него, и Али пояснил:

– Это был не монолог, а диалог.

– В смысле?

– Это была беседа: я говорил словами, а вы – чувствами и мыслями.

– Как бы там ни было, мне это понравилось. У вас поразительные познания в области истории искусства и культуры. Даже не верится, что вы учитесь на экономиста.

– К счастью, знания можно получить не только в университете.

– Да, это точно. Но в наше время редко встретишь человека, который учится на экономиста, но так хорошо разбирается в искусстве.

– Поосторожнее, а то я могу и зазнаться, – улыбнулся Али.

– Не думаю, – улыбнулась она в ответ.

– Почему же?

– Потому что, я уверена, вы и так знаете себе цену.

– Не знания способствуют самовозвышению человека.

Возноситься ему помогает восхищение других.

– Даже если он уверен, что другие в знаниях ему уступают?

– Конечно! Само восхищение – уже повод.

– Так хорошо разбираясь в человеческой природе, думаю, вы сможете подавить в себе дурное проявление.

– О, поверьте мне, это знание абсолютно не помогает.

Оба рассмеялись, после чего вновь наступила пауза, прерывая которую Али вдруг и совсем некстати проговорил:

– Ну что ж, мне пора...

Но как только он начал эту фразу, которая в законченном виде должна была выглядеть следующим образом: «Ну что ж, мне пора идти», девушка, тоже решив прервать молчание, в то же самое время хотела спросить: «Кстати, как вас зовут?» – но успела лишь сказать: «Кстати...»

Перебив друг друга, оба сначала замолчали, а потом, как обычно в такой ситуации и бывает, каждый предложил другому закончить первым свою мысль. Но поскольку она уже успела понять, что он хотел сказать, то, несмотря на уговоры Али договорить начатое первой, девушка напрочь отказалась и настояла на том, чтобы Али все же досказал первым.

– Да я всего лишь хотел сказать, что мне надо идти. Приятно было пообщаться, – сказал он, вставая.

–О...– Она на миг растерялась, но пыталась не подавать виду. – Взаимно. Мне тоже было очень приятно.– Как бы она ни пыталась, у нее не получалось скрыть своего грустного удивления его столь внезапным решением уйти.

– Спасибо.– Неловкость момента перешла и к Али, он немножко замялся. – Ну что ж, удачи!

– И вам того же.

Али развернулся и начал удаляться. Но в этот момент он услышал позади ее голос и оглянулся.

– Вам следует подумать над тем, чтобы поменять свою профессию, – сказала она, как-то неестественно улыбаясь.

– Да, я непременно над этим подумаю, – ответил Али, изобразив что-то вроде улыбки, а затем отвернулся и продолжил идти.

Пройдя примерно двадцать шагов, он обернулся и увидел, как она, нацепив на одно плечо свой рюкзак, уже встала и шла в противоположном направлении. Он больше не стал оборачиваться и направился к выходу из парка.

Он так и не заметил, как она обернулась дважды.

– И что это было? Почему ты ее оставил? – с нескрываемым недовольством спросил Разум минуту спустя.

–Ты ведь сам попросил меня уйти. Чем это ты недоволен?

– Но ты не ушел, когда я попросил.

– Ну да, задержался немножко. А в чем разница?

– Ты заговорил с ней, блеснул своими знаниями и, поняв, что она тобою заинтересовалась, бросил.

– Но зачем тогда я не продлил это удовольствие, продолжив общаться с ней? – уязвленно спросил Али.

– Что, – спросил Разум, – не нравится, когда тебе указывают на твои недостатки? Ты же хотел познать людей и себя, так уж познавай до конца. Ведь никто не говорил, что самопознание – вещь приятная и что, познавая себя, человек познает нечто хорошее. Людское самолюбие не приемлет критики, даже если это самокритика. Почему не продолжил общаться? Все просто. Ее восхищение твоей персоной пробудило в тебе тщеславие. Дальше твои действия подчинялись лишь интересам этого самого тщеславия. Оно возбудило в тебе самодовольство и погрузило в манящую бездну упоительного самовосхищения. Ни удовольствие материальной выгоды, ни физическая услада не сравнятся с той степенью наслаждения, что доставляет человеку сознание своего превосходства над другими, сознание обожания и восхищения, что он внушает своей личностью окружающим.

– И все же, зачем тогда я не продлил это удовольствие, продолжив общение с ней? – спросил Али.

– Вопрос хороший! – ответил РАЗУМ. – Но и ответ прост. И ты его знаешь.

– И каков же он? – нетерпеливо поинтересовался Али.

– Если бы ты продолжил и дальше общаться и встречаться с ней, то твои чары со временем ослабли бы. Ты где-то глубоко внутри себя понимал, что если продолжить отношения,

то она будет замечать в тебе тривиальные проявления. Дайте фанату пожить немного со своим кумиром, возможность видеть, как он спит, ест, сморкается, стрижет ногти; видеть его в печали, радости и гневе, со знанием причин, породивших эти чувства, — и он тут же воскликнет: «Да это такой же простой человек, как я и все остальные», и его бывшее обожание если и не пропадет совсем, то хотя бы ослабнет. Ты ведь помнишь, как ты потерял интерес к той новенькой из своей группы, когда мелочи открыли тебе ее непривлекательную сущность. Тщеславие же требует постоянного высокого обожания. Вот поэтому ты встал и пошел, пошел именно в тот момент, когда увидел в девушке высшую степень восхищения. Ты понял, что запал ей в душу, что вызвал в ней неподдельный интерес к себе, но в этом и скрывается вся суть вопроса. Ты понимаешь, что она весь остаток дня будет о тебе думать, и на второй день тоже, а может, и на третий. Она будет вспоминать о тебе внезапно и в разных ситуациях: в разгаре лекции в своей Академии художеств; в кругу друзей, когда кто-то будет о чем-то отвлеченно говорить; в пути куда-нибудь опять вспыхнет в ее сознании мысль о «том загадочном парне из парка», после чего она будет со сладостным мучением предаваться этой мысли. Не важно, будет она в гуще тихого одиночества или среди шумной толпы — впечатлениями и чувствами освеженной памятью она будет думать о тебе, и каждый раз ты будешь представлять пред ней идеальным человеком, с которым кому-то посчастливится раз-

делить судьбу и жизнь. Да, это будет длиться недолго, силою времени память о тебе параллельно с восхищением тобою будет гаснуть, и ты это понимает. Но это уже не важно, главное – твое тщеславием удовлетворено, эго обласкано, самооценка – возвышена. Пройдет время, и тщеславие найдет другой объект, который будет тобою восхищаться; а после – следующий, потом третий и так далее.

– Да брось! – в раздраженно сказал Али. – Все намного прозаичнее: меня, в отличие от нее, не забавляет искусство. Да, я что-то вычитал на сей счет, но ведь человек не все любит, что знает. Она из моего рассказа подумала, что у нас с ней общие интересы. Продолжи мы общение, она поняла бы – уже ко мне привыкнув, а может, и влюбившись, – что заблуждалась насчет меня, и тогда ей стало бы куда больнее. Выходит, я руководствовался принципами морали, а не тщеславия.

– Это неправда, – сказал Разум. – Все люди скрывают свои действия, совершенные из неблаговидных побуждений, под покровом изящных, благородных слов. Таким образом им легче обманывать и себя, и других. И знай, что умный, бахвалящийся своими знаниями, выглядит настолько жалким и смешным, что над ним с презренным чувством смеется даже глупый. Если знания и сообразительность являются показателем интеллектуального превосходства одного над другим, то тщеславие и кичливость, порождаемые, как правило, тем или иным превосходством, являются характерной осо-

бенностью, демонстрирующей бедность и уродство душевных качеств человека.

20

Усиленное чтение книг, разговоры со своей личностью и размышления во время парковых прогулок помогли Али лучше выразить ощущения в мыслях, а мысли – в словах. О чем бы он ни подумал, он мог развивать свою мысль в этом направлении, доводя ее до логического завершения. Он многое понял в людях, в жизни и, самое главное, в себе.

И вот в один прекрасный вечер, когда ему показалось, что он готов, он наконец открыл вордовский документ на своем ноутбуке и... и ничего. Он не знал, с чего начать. Ранее Али думал, помногу размышлял, о чем он будет писать. У него были тонны мыслей, которые, как ему казалось, он мог бы излагать в томах книг; была у него и записная книжка, полная тезисно и пространно изложенных его мыслей: что-то имело форму афоризма, что-то было максимой, что-то походило на небольшое философское рассуждение. Но на практике для книги этого оказалось недостаточно. Нужен был сюжет, персонажи, задумка. Нужна была нить, на которую можно было бы нанизывать бусинки разрозненных мыслей, чтобы в соединении это выглядело так же цельно и красиво, как ожерелье. И, главное, нужно было определиться с главной идеей книги: чему она будет посвящена. «Как писать? О чем писать?» – спрашивал он себя, смотря на одинокое мерцание курсора, что мигал на белом чистом фоне открытого доку-

мента. Он встал и подошел к онку.

– Пиши то, что живет у тебя внутри, то, что чувствуешь, то чем хочешь поделиться, – слышались слова невидимой сущности.

Али оглянулся – он был один. Подойдя к столу, он сел на прежнее место. Перед ним все еще маячили чистый вордовский документ и курсор. В застывшей тишине подавшись чуть вперед, Али медленно коснулся кончиками пальцев клавишей ноутбука. В этот момент он испытал какое-то новое, потому и странное чувство. Оно было загадочным, непонятным, но приятным, и пальцы, как бы своею волею, в отрыве от его сознания, робко начали придавливаться к клавишам. Ощущения и желание превращались в мысли, мысли преобразовывались в буквы, из букв вились слова, а из слов получались предложения. Мысль становилась все яснее и яснее, а пальцы работали все быстрее и быстрее. Вся жизнь ожила в один миг, все, что он пережил и хотел сказать, нахлынуло единым валом. Переживания и чувства были настолько густыми и насыщенными, что с большим трудом облекались им в слова и предложения. Он испытывал огромные нагрузки от усилий, беспрестанно делаемых им, чтобы втолкнуть чувства в примерочную интеллекта с целью облечь их в форму подходящих слов и выражений. Разум очень часто не успевал обрабатывать потоки откуда-то поступающей информации, из-за чего некоторые слова, им не обработанные, просачивались сквозь него «сырыми» и отражались

интуитивно. Али словно охватила буря. Волна за волной беспорядочные ощущения и мысли накатывали на него, и он с помощью весел – Разума греб все сильнее и сильнее, отражая суету беспрестанным щелканьем пальцев о клавиши, чтобы в них – в ощущениях, мыслях и эмоциях – не потонуть и не захлебнуться. Плотину жизненных переживаний прорвало, и все, что копилось годами всей жизни, бурными потоками вырывалось на свободу. Это было залповое прозрение, когда множество ощущений, мыслей разом устремились к единому выходу. Потеряв чувство пространства и времени, не ведая, что он велит печатать своим пальцам и велит ли вообще им что-либо делать, не осознавая полностью, что он пишет и почему, Али, словно обезумевший, в неистовстве продолжал стучать по кнопочкам. Это были вдохновенные минуты иррационального творчества.

Он знал, что потом обдумает все это, знал, что нельзя останавливаться (да он и не мог), знал, что хоть он и не понимает, что именно пишет, все же, он чувствовал, у него это выходит хорошо. Так хорошо, как не могло бы быть, если бы это делалось осознанно, через Разум. Али печатал, боясь сделать паузу и этим прервать потоки вдохновения. Лишь спустя часы самозабвенной работы он смог оторваться на то, чтобы налить себе кофе и этим отогнать сон, который находил на него по мере его внутреннего высвобождения, что ослабляло естественную дозу адреналина. Изредка делая глотки бодрящего напитка, он продолжал работать. Он печатал, пока оби-

лие вдохновенных мыслей не иссякнет, пока дело не перейдет в компетенцию Разума, после чего начнется осмысление и правки. Но потоки все шли и шли. Чашки кофе то опорожнялись, то наполнялись.

Он просидел до утра. До восхода солнца. Солнце мерно шло к зениту, а он все еще продолжал работать. И лишь к обеду Али упал со стула на пол и тут же, не в силах подняться, заснул.

Он сваливался в какую-то пропасть, потом бежал по предгорным равнинам, потом скакал на коне по альпийским лугам, которые после сменились лесной дорогой. Затем замелькали лица родителей. Мать поправляет на нем воротник, улыбается и ласково что-то говорит. Потом какой-то шум – да, это война. Вертолеты, бомбы, взрывы. Все кругом в руинах. Запыленное платье в горошек. Затем появились серые палатки на фоне таких же серых и безжизненных хребтов и длинного поезда. Потому вдруг все стало светлым и зеленым. Травой обросли холмы и поля, слышен смех. Потом пошли слова, много слов. Книги и слова. И вдруг все стало темным и затихло. И вот что-то стучит, все громче и громче...

Али вздрогнул и открыл глаза. Вокруг все было темно, и лишь тусклые лучи лунного света, что просачивались чрез оконный проем, слабо освещали комнату. Он проснулся глубокой ночью. После некоторых усилий вспомнив, где он и как оказался на полу, Али промолвил: «Воспоминания в

снах». Это заняло лишь пару секунд, и стук, так страшно звучавший во сне и от сна его пробудивший, все еще продолжал звучать наяву. Он встал, подошел к входной двери и посмотрел в глазок: какой-то мужчина кулаком стучал в дверь соседа. Дверь наконец отворилась, и пьяный гость (он слегка пошатывался и бормотал что-то невнятным голосом) вошел вовнутрь, после чего дверь вновь захлопнулась. Али вернулся и сел в кресло. Он не знал, который час, да, по правде говоря, его это и не волновало. Его компьютер «спал», и о его жизни сообщала лишь маленькая мигающая лампочка. Восстановив ясно всю картину вечера, Али, однако, не мог вспомнить ничего из того, что он написал, и писал ли вообще. То ли он писал то, что ему снилось, то ли снилось ему то, что он писал, то ли писал он одно, а снилось другое. Короче, сон все испортил. Он решил встать, подойти к компьютеру, включить экран и все разузнать. И вот он оперся руками о подлокотники, начал приподниматься, почти оторвался задом от кресла и... «Да пошло оно к черту», – подумал он и шлепнулся обратно в кресло. Руками в темноте поводя справа и слева от себя, нащупал бутылку сока. «Как хорошо, что я не поставил его в холодильник, иначе мне пришлось бы за ним тащиться на кухню», – подумал он, открыл пробку и хлебнул, потом еще раз. А затем запрокинул бутылку и пил большими глотками, пока не опустошил ее. Пустая бутылка выпала из рук и глухо ударилась о ковер. Али провел тыльной стороной руки по губам и откинулся на спинку кресла

– он чувствовал себя потрясающе расслабленно. Губы его невольно растянулись в довольной улыбке, и он даже хохотнул пару раз. Он был обессилен, но ему было хорошо. ОН ВЫСКАЗАЛСЯ. Да, точно! Теперь он уже не сомневался, писал он или все это было лишь сном. После снов так хорошо он себя никогда еще не чувствовал. Никогда! Почему он так тянул с этим? Ах эти сомнения. Человек всегда недооценивает свои возможности. Но разве не в этом вся прелесть? Конечно, в этом! Сомнения, боль, радость, труд, надежда и даже разочарование – в преодолении всего этого и сокрыто счастье успеха. Да, все за-ко-но-мер-но. Так все и должно быть. В этом и заключена логика жизни. Настоящей жизни. Потом он подумал: «А где же Разум?.. Хотя, пусть пока лучше помалкивает»

21

Уходящая весна была теплой и яркой, и Али чуть ли не каждый день ходил в парк. Иногда он брал с собой ноутбук, чтобы тут же можно было сесть и записать мысли, пришедшие ему на ум в ходе уединенных прогулок, созерцания окружающих предметов и явлений, бесед со своими друзьями или Разумом.

– И почему я не схожу с ума от всего этого? – сказал он однажды, сидя вечером за дальним столиком под летним навесом в парковом кафе и попивая ананасовый сок.

– Потому что ты всегда таким был, – прозвучало из невидимых уст его материализовавшейся сущности. Потом, по-

явившись на стуле против Али, Разум продолжил: – И тебе это нравилось. Ты всегда любил с собой спорить, с собой бороться, приводить аргументы своим мыслям и контраргументы против них же. Ты с раннего детства интровертировался, и общение с собой тебя больше увлекало, чем с другими. Тебе казалось, что тебя никому не понять так хорошо, как тебе самому себя, а человеку интересен лишь тот собеседник, который его понимает. Вот ты и взял себе в собеседники себя самого. Так что мое появление не слишком потрясло твое сознание и душу.

– Да, но ведь это у всех так. Ты же сам об этом говорил.

– Да, у всех, но не так сильно.

Наступила тишина. А потом Разум сказал:

– Послушай, Али, твоя склонность к рефлексии тебе во многом помогла, но и полезное может погубить, если в нем не соблюдать меры.

– О чем это ты?

– Твой эскапизм не сможет принести тебе счастья. Ты слишком часто и глубоко уходишь из реальности в свой мысленно-книжный мир. Особенность во всем искать ядро сущности и смысла не увеличивает счастье, а, наоборот, приводит к унынию. Когда ты, поняв кое-что в предмете жизни, продолжаешь искать конечный смысл понятого, ты начинаешь считать пустым и глупым многое, что тебя окружает. Это как чувство вкуса. Вот, к примеру, ты утоляешь жажду простой пресной водой и наслаждаешься ее вкусом. Но стоит

тебе задуматься об этом вкусе, постараться Разумом его постичь, вникнуть в его логику, как сразу же вкус, как бы растворяясь, пропадает. Даже от физического воздействия ощущаемое чувство не поддается Разумению. Пусть твое желание познания не уходит в крайность. Именно поэтому многие, кто много читает и знает, становятся нигилистами или просто людьми, отрешенно живущими в мире. Во многих действиях людей они начинают видеть бессмыслицу и глупость, и им становится скучно среди них. Вначале это бывает приятно, это делает тебя особенным, но это не сделает тебя счастливым. Живи и для жизни.

– Для жизни? – Али усмехнулся. – Не знаю. Я вообще ничего не знаю. Я даже не знаю, зачем пишу эту книгу.

– Для себя, Али, для себя, – ответил Разум. — Это поможет тебе разобраться в себе самом, ответить на свои же вопросы. И когда закончишь, не забудь жить. А пока делай то, что делаешь, понимание придет позже. Порой лишь итог определяет значение и ценность действий.

22

В одну из последних ночей июня Али сидел за компьютером в своей комнате, откинувшись на спинку стула с запрокинутой головой, взглядом бесцельно упираясь в невидимую точку на белом потолке, освещаемую бликами монитора компьютера. Он только что завершил работу над книгой, и перед последней буквой последнего слова одиноко мигала

палочка курсора. В комнате царила тишина, в голове Али царила тишина, во всем мире царила тишина. И даже ноутбук как-то особенно тихо работал, словно не решался нарушить это безмолвие. Али ни о чем не думал, ничего не чувствовал (или ему казалось, что он ничего не чувствует); им не владели никакие эмоции. Он пребывал в кратковременном забытьи. В какой-то миг он понял, как ему приятно это состояние; и тут же в глубине души у него появилось опасение, что сейчас что-то нарушит эту самозабвенную безмятежность, что что-то сейчас зашумит, что придет некая мысль или появится какое-то воспоминание, за которыми потянутся эмоции, переживания – и расстроят этот бессознательный покой. Но он также боялся страха, что что-то его потревожит и отвлечет, ибо этот страх тоже отвлекает. Тогда он спустился еще глубже себя самого и постарался силой мысли притупить влияние страха, предотвращая его появление. Но чем больше он старался, тем сильнее страх себя обнаруживал. Тогда он попытался игнорировать страх, но процесс уже был запущен – сознание нарушило покой бессознательного. Мысли и воспоминания начали всплывать, вместе с собой поднимая его на поверхность реальности. Покой был нарушен. Али вскочил с места и стал ходить взад-вперед. И вдруг он понял, что и реальность не плоха. Он был смиренно рад и счастлив. Рад хотя бы потому, что он закончил то, что начал, закончил то, что хоть и было приятно делать, но все же отнимало много сил. К тому, радость усиливало и то, что пару

дней назад он успешно закрыл сессию.

Почти неделя бессонных ночей и томительных дней работы понадобилась ему, чтобы довести свою работу до состояния завершенности. Вечером, на исходе недели, навскидку еще раз пробежавшись по своему труду и убедившись, что все готово, он решил разослать рукопись в разные издательства. Но сделать он это почему-то решил только после того, как съездит на родину. Он давно не был в Чечне, и ему вдруг показалось важным сначала побывать там, где прошли наиболее важные события его жизни, которые способствовали его формированию и которые им описаны в книге.

23

Во время очередного ужина у Исмаила, Али, протягивая дяде зачетную книжку, сообщил об успешной сдаче сессии. Дядя развернул книжку и, увидев хорошие отметки, был крайне рад за племянника. После этого Али поведал ему о своем желании поехать домой в Чечню. Исмаил дал согласие и спросил, когда он поедет, «завтра» был ответ.

– О, так скоро, – удивился Исмаил.

– Да, я уже соскучился по Идрису и всем остальным, – пояснил Али.

—Понятно, понятно, – сказал Исмаил. – С Идрисом я вчера разговаривал по телефону, он спрашивал, когда ты приедешь. Я сказал, что скоро... Обрадовался. Там тоже по те-

бе соскучились. У меня пока дела, не могу оторваться. Но к осени все же постараюсь поехать домой. Дела делами, а чтобы родину и родных забывать – они того не стоят. Жизнь коротка, и все мирские дела, работа, деньги – все уйдет со смертью.

Исмаил на минуту о чем-то призадумался, ему стало тоскливо – видимо, вспомнились погибшие на войне брат, знакомые и близкие, и это навеяло ему мысль о бренности собственной жизни. Но потом он вдруг понял, что не один, что этими словами может навлечь тоску на племянника, оживить его боль, и с какой-то притворной, оттого еще более печальной бодростью встрепенулся и громко сказал:

– Так-с, значит, домой летишь! Это хорошо.– Он встал, пошел в другую комнату, задержался там где-то с полминуты, а затем вернулся, держа в одной руке белый конверт, а в другой – небольшую пачку денег. – Вот, – протянул он Али конверт, – это передашь Идрису. А это, – сказал он, протягивая ему деньги, – тебе на карман до конца каникул.

Упирается было бесполезно, и Али оставалось только взять и поблагодарить. Как всегда весело поужинав в кругу дядиной семьи, он поздно вечером вернулся на свою меблированную квартиру.

На следующий день колеса шасси самолета Москва—Грозный, в котором он занял свое место у иллюминатора, оторвались от взлетно-посадочной полосы московского аэропорта и через два с лишним часа с визгом скользнули по

взлетно-посадочной полосе грозненского аэропорта.

24

– Добро пожаловать домой! – с такими словами встретил его дядя Идрис в зале аэропорта.

– Добрый день, дядя!

– Он и в самом деле добрый, ведь я встречаю в нем своего дорогого племянника. – Они направились к выходу. – Как долетел?

– Хорошо. Как поживают Айша и ребята?

– Да хорошо они поживают. Жена твоего дяди, – сказал он, имея в виду свою жену, – готовит к твоему приезду жижиг-галнаш. В Москве такое не покушаешь, а если Сацита тебе и готовила их, то, поверь мне, это не то, потому что национальное блюдо нигде не бывает таким вкусным, как на исторической родине.

Дойдя до стоянки автомашин, Али открыл заднюю дверцу дядиной «тойоты», бросил свой рюкзак на сиденье второго ряда, захлопнул дверь и сел на переднее место рядом с Идрисом, после чего они выехали с парковки.

– Как здесь дела? Есть что нового? – спросил Али.

– Да как обычно. Живем со своими повседневными небольшими хлопотами. И слава богу, что они небольшие и что мы с ними справляемся. – Идрис улыбнулся. – Все хорошо! Сам-то как себя чувствуешь? Не надоела московская жизнь?

– На данный момент я себя чувствую превосходно! Не на-

доела ли мне московская жизнь? Даже не знаю, дядя. Но я точно знаю одно: я очень скучал по родному краю.

Когда они подъезжали к дому, обеденный стол устилался яствами и Айша заканчивала последние приготовления. Как только Али с дядей вошли, в доме поднялся веселый приветственный переполох: шум, улыбки, смех вместе с расспросами о том, о сем. И через миг все уже сидели за столом.

Али с семи до четырнадцати лет жил в этой семье, и поэтому они ему были как члены его родной семьи, а не просто как родственные люди. Здесь все одинаково его любили, как и он одинаково любил их всех. Братья наперебой спешили ему рассказывать всякие истории. Али, видя радушие и радость семьи по поводу его приезда, пытался выказывать радость еще большую, чем он испытывал, чтобы их не обидеть. Он часто смеялся и много говорил и шутил. Видя, как они ему рады, он и сам радовался.

Вечером Али отворил дверь в комнату дяди, где Идрис, откинувшись на спинку большого кресла, задремал. Перед ним стоял включенный телевизор, по которому передавали вечерний выпуск новостей. Репортажи были уже совсем не те, что Али с дядей смотрели в годы военных действий. В ту пору Идрис точно не заснул бы во время новостной передачи.

– Заходи, Али, заходи, – произнес Идрис, открыв глаза и усаживаясь ровнее на кресле, разбуженный щелчком дверной ручки.

– Надеюсь, я тебя не потревожил?

– Да нет, нисколько. Это что у тебя в руке?

– Исмаил просил тебе это передать. Только сейчас, разбирая вещи, о нем вспомнил. – Али протянул белый бумажный конверт и сел рядом.

– Да я же ему сказал, что мне ничего не нужно, – с каким-то добрым недовольством протяжно выговорил Идрис, раскрыв конверт и увидев, что в нем деньги. Затем он посмотрел на Али и спросил: – Тебе нужны деньги?

– Нет-нет, – покачал он быстро головой, – он мне тоже дал.

– Ну, хорошо. – Идрис кинул конверт на столик.

– Дядя...

– Слушаю.

– Ты помнишь тех пожилых людей, Олхазура и Зару, к которым я накануне войны ездил вместе с Анзором?

Исмаил стал напряженно вспоминать.

– Да, – сказал он наконец, – кажется, помню. А что?

– Интересно, они живы еще?

– Ну, этого я не знаю. А зачем тебе это?

– Да так, интересно.

– Нет, я про них ничего не знаю, – сказав это, он помолчал, а потом вдруг спросил: —Какие у тебя планы на завтра?

– Да особо никаких. В село поеду – родственников навещу.

– Это правильно, – сказал дядя. – Короче, вот, возьми. –

Он взял со стола ключи от автомобиля и протянул их Али.

Али, взяв ключи, спросил, зачем они ему.

– Поезжай в село на машине. Если хочешь, можешь поехать и в горы к тем пожилым людям и разузнать, как у них дела и живы ли они вообще. Но на дороге будь осторожен, и особенно в горах. Два дня она в твоём распоряжении. А теперь ступай.

Али, радостно поблагодарив дядю, вышел в приподнятом настроении.

Желтым отливом восходящего солнца сиял восточный горизонт, а воздух был необыкновенно свежим и тихим, когда Али выехал на черной «тойоте» из дома. Улицы были пустынные, многие еще спали или, недавно проснувшись, чистили зубы, склонившись над раковинами в своих ваннах, сонными глазами поглядывая в свои отражения в зеркалах над умывальниками. Али опустил переднее боковое стекло, и порывы прохладно-свежего воздуха брызнули ему в лицо. Он решил сначала поехать в горы к тем старцам, а потом уже, ближе к вечеру, съездить в село. Он слишком соскучился по тем добрым пожилым супругам и прекрасным горным пейзажам, где он скакал на их чистокровном вороном мерине. После полутора часов пути равнина закончилась и началась подъемная дорога. Вдали открывались прекраснейшие виды на горы, освещенные лучами солнца, уже прилично оторвавшимся от горизонта. Небо было ясное, и солнце могло освещать эту красоту так же свободно, как большие прожектора освещают футбольное поле или театральную сцену. И Али чувствовал себя зрителем, сидящим

на первом ряду. Серпантином шла дорога, местами спускаясь вниз, потом поднимаясь еще круче; то она уходила вверх по спирали, то волнисто прямо и вниз; иногда резко заворачивала влево, а иногда – вправо. Он уже был высоко в горах. То слева от дороги, то справа появлялись огромные пропасти в широко-глубокие ущелья, внизу которых текли быстрые реки, а на склонах гор и на краях утесов гордо возвышались многовековые сигнально-сторожевые башни, в прошлых веках использовавшиеся предками чеченцев в борьбе против иноземных захватчиков. По мере подъема воздух начинал становиться холодно-свежим. «Да, – подумал Али, – вот в этих краях и надобно жить!»

Подъехав к тому самому горному селению, он остановил машину у одного дома, возле невысокой ограды которого на деревянной скамейке сидел пожилой мужчина. Заглушив мотор, он вылез из машины, подошел к старцу и, поздоровавшись, спросил, не знает ли он, где проживает старик Олхазур. Старец сначала призадумался, а потом сказал, что у них в селении нет никакого пожилого человека по имени Олхазур.

– Меня здесь давно не было, и я не знаю... – начал было Али.

– У него еще была жена по имени Зара? – оборвал его старик.

– Да-да, вы знаете, где они проживают?

– О-о, – протянул старик, – их уже давно нет.

– Как это нет?– встревожился Али.

–А вот так. Померли они. Еще в начале войны в его огород, рядом с конюшней, угодил снаряд, осколки которого, пробив деревянные стенки конюшни, ранили двух его лошадей. Когда Олхазур, услышав взрыв, выбежал к ним, они уже издыхали. Вызвали ветеринара, но лошадей спасти не удалось. Я был там. Старик особенно тяжело перенес потерю Буяна – так звали его любимую лошадь. Вскоре старина заболел и слег, а спустя пару недель скончался, бедняга.

От этих слов Али внезапно стало плохо. Радостное настроение светлого дня и радужных надежд мгновенно омрачилось, словно из-за гор надвинулись черные тучи и затянули светло-голубое небо. Он, когда ехал сюда, допускал, что лошадей уже нет в живых, да и смерть Олхазура не вызвала бы в нем большого удивления. Но то, что они умерли вот так вот, как-то вместе, – в этом был особый предмет печали.

– А Зара? – спросил он тихо и уже без настроения.

– Бедная старуха лишь полгода прожила после его смерти. Добрые были люди, да помилует их Аллах.

– Амин, – грустно сказал Али. – Да, добрые были... Спасибо вам.

Али направился к машине, но вдруг, остановившись и повернувшись, он спросил:

–А вы не подскажете, как мне проехать к их дому и живет ли там сейчас кто-нибудь вообще?

–Да, конечно. Поезжай прямо, на втором перекрестке

сверни направо— и до конца. Их дом стоит последним. Вскоре после смерти старика состояние Зары ухудшилось, и ее дочь переехала к ней, чтобы за ней ухаживать. Когда же Зара покинула этот мир, Марьям, так зовут ее дочь, кое-что раздала, что-то взяла себе, заперла дом и с семьей уехала— как говорят, в Европу. С тех пор там больше никто не появлялся.

Али, поблагодарив старика, продолжил свой прерванный путь к машине, сел и поехал. В указанном стариком месте стоял знакомый дом, в детстве казавшийся таким радостным, а сейчас, когда он уже подросток, из-за той детской радости, которую ему дарили вид этого дома, его обитатели и лошади, наводивший на него глубокую тоску: все его обитатели уже мертвы, а дом заброшен, тих и мрачен. Али подошел к калитке, толкнул ее и вошел в передний дворик. Проходясь по двору, обходя дом с разных сторон, он разглядывал его и удивлялся тому, как этот дом, подходящий на хижину, который не очень-то и изменился внешне с тех пор, как он здесь бывал в детстве, мог в ту пору казаться таким прекрасным. «Это все детство», — подумал он. А затем, мысленно выдержав паузу, добавил: «И те прекрасные люди, что здесь обитали».

Во дворе паслись несколько коз, проникших сюда, по всей видимости, через брешь в ограде. Эти бессовестные травоядные, незаконно вторгшиеся на чужую территорию и беспардонно хозяйничающие на ней, как ни странно, позволяли этому двору сохранять некую опрятность, заменяя собою

газонокосилку, – двор не зарос безобразным сорняком, а лужайка, как и годы тому назад, когда Али был здесь в первый и последний раз, оставалась такой же приятно-прекрасной лужайкой. К заднему двору посередине этой самой лужайки вела знакомая узкая дорожка, уложенная темно-серым сланцевым плитняком. По этой дорожке Али прошел в задний двор и сразу же направился к знакомому строению, сколоченному из потемневших досок и оцинкованного шифера на крыше, имевшему жалкий вид сарая. Это была та самая конюшня из двух денников, где старик некогда держал двух своих лошадей. Али со скрипом отворил дощатую дверь, висевшую на ржавых петлях, и вошел вовнутрь запыленной конюшни. Пауки, пользуясь абсолютной свободой, дали волю своим фантазиям в постройке своих липких жилищ. Жуки и другие всевозможные древесные паразиты, судя по разъеденной везде древесине, тоже не бездействовали. А норы в углах свидетельствовали о бурной деятельности мышей и крыс. Через отверстия в задней дощатой стенке, сделанные, судя по всему, теми самыми осколками, что убили лошадей и, можно сказать, Олхазура и даже Зару, просачивались солнечные лучи, в свете которых витала древесная пыль. Чуть постояв, Али покинул это царство мелких животных и насекомых и вышел к переднему двору. Подняв лежащую на небольшой лужайке табуретку, он поставил ее и сел с боку от дома. Таким образом, взглянув направо, он мог видеть дом и, набравшись воспоминаний, повернуться налево,

где открывался величественный вид на горы,— и предаваться набранным воспоминаниям в созерцании прекрасного вида.

Посидев так еще с полчаса, Али встал и вышел. Ему не хотелось садиться в машину и ехать обратно, но и здесь больше нечего было делать. Оставив машину, он медленно пошел дальше в горы по той дороге, по которой он вместе со стариком и Анзором когда-то выезжал на Буяне. Пройдя по тропинке около километра, Али взял вправо и начал подниматься в горку предальпийских лугов. Дойдя до небольшого леса, он подобрал с земли палку и пошел дальше, опираясь на нее. Достигнув гребня холма, он огляделся вокруг. Высокогорное селение, из которого он недавно вышел, теперь виднелось далеко внизу. На альпийских зеленых склонах здесь и там мелькали кучки малоподвижных белых точек — это паслись овцы, а чуть ниже виднелись и коровы. Заснеженные вершины скалистых гор казались совсем близко. «Ни суеты, ни шума, ни грязи — ничего рукотворного. И потому это прекрасно», — думал Али. И тут же услышал справа от себя голос Разума:

– Да, это великолепно и величественно.

Али улыбнулся и сказал:

– А я уж было подумал, что ты совсем исчез.

– Не хотел тебе мешать.

– Спасибо.

Али прошел чуть вперед и внизу справа заметил деревянную лачугу, одиноко стоящую на небольшом выровненном

посреди склона холма участке, окруженную сочно-зеленой травой.

– Интересно, там кто-нибудь живет? – спросил он у рядом стоящего Разума.

– Там, должно быть, обитает пастух, пасущий одно из этих стад, – сказал Разум, указывая на пасущихся на дальних холмах коров и овец.

– Ну что ж, пойдем, посмотрим. – Али начал медленно спускаться вниз.

Али подошел к деревянному строению. Перед дверью в хижину был небольшой навес, кругом огражденный плетеным забором высотой в метр, под которым на протянутых веревках повисало соленое овечье сало. Пройти под навес к входной двери можно было через калитку высотой в плетню. Али потянул калитку на себя, и та, волочась по земле одним концом, отодвинулась. Справа от лачужной двери была стопка ровно сложенных дров, а возле них – большой круглый казан для варки мяса. Слева же от двери стояла прислоненная к стене лачуги широкая доска, на которой вниз головой свисала шкура волка с головой. Кожа у него на морде почти выветрилась, и из-за оголенных клыков казалось, что волк злобно скалится. Также здесь стояли кувшин и низкий деревянный стульчик – по всей видимости, для ритуального омовения. Али открыл дверь хижины и вошел внутрь. В дальнем углу стояли деревянные нары, покрытые ковром и овечьей шкурой. Слева находилась железная печь, напро-

тив которой стоял деревянный стол, обставленный такими же деревянными стульями-табуретами.

Снаружи послышались мужской голос и лайные собак. Али вышел и увидел вдали приближающегося мужчину, на вид чуть более тридцати лет. На голове у него была серая панамка, а пояс был подвязан рукавами фланелевой рубашки, полы которой, при каждом его шаге, подпрыгивали по бокам и сзади. По лямкам спереди угадывалось, что за спиной у него рюкзак; а в руке он держал высокую, как посох, палку, на которую опирался при ходьбе. По обе стороны от него шли две большие лайки.

– Ассаламу алейкум, – поприветствовал его первым Али, когда тот подошел близко. – Это ты здесь живешь? (У чеченцев не принято обращаться к другим на «вы»)

–Ваалейкум ассалам, да, временами проживаю, – добродушно ответил незнакомец, уже совсем близко подходя к хижине.

Закрепляя жестами словесное приветствие, они пожали друг другу руки.

– Я тут прогуливался, – начал Али, удовлетворяя предполагаемый интерес хозяина и спасая его от неловкости вопроса: «Кто ты и что здесь делаешь?», – оставил машину в селении Гено и, прогуливаясь, забрел сюда.– Они стояли возле плетеного забора, и Али, оглянувшись, сказал: – Прекрасное место.

Но по виду хозяина казалось, что тот и не думал у него

что-либо спрашивать. Войдя в ограду перед хижинкой, он опустил рюкзак на землю, достал оттуда бутылку с небольшим остатком воды, потом вынул какой-то сверток бумаги, в котором, судя по всему, находился его паек, и, входя в хижину, сказал:

– Да, место прекрасное. – Он вышел из хижины и стал разводить костер. Али подошел к нему поближе. – Ты голоден? – спросил он у Али.

– Да, есть немножко.

– Сейчас мы пообедаем. Доводилось когда-нибудь обедать в горах?

– В таких условиях, кажется, нет.

– Вот, сейчас узнаешь, каково это. Кстати, как звать-то?

– Али.

– А я Халид.

Али был приятно удивлен этой простотой к себе обращения. Чужой ему человек, которого он видел впервые, обращался к нему как к члену своей семьи или близкому знакомому. Али знал о старых обычаях гостеприимства своего народа: не спрашивать у гостя, кто он и зачем пришел, то есть не донимать его расспросами, а, если гость пожаловал с миром, оказывать ему приемы прекрасного гостеприимства, пока тот сам не заговорит о себе. А в случае особенно дорогого гостя было принято заколоть барана или быка. Да, он знал об этом, но, как правило, обычаи и традиции народов более крепко сохраняются в горах и других отдаленных от

городов местностях. На равнине такое гостеприимство оказывается лишь знакомым или, в крайнем случае, тем, кто напросился в гости.

Да и отвык Али за время проживания в Москве от такого отношения.

– Сегодня утром только заколол ягненка, – сказал хозяин, щуря глаза от дыма разводимого костра. – Часть мяса отправил семье, а часть оставил здесь. Так что, – сказал он, улыбаясь, – я избавлен от того, чтобы в честь тебя заколоть барана.

– Да нет, ради меня не стоит. Я все равно уже ухожу.

– Не надо скромничать. Покушаешь и уйдешь. Я, конечно, понимаю, вы в своих городах (по виду Али пастух понял, что он городской) всегда куда-то спешите. Но душа требует покоя, а вы ее мучаете.

– Это верно, – согласился Али.

– Ты мясо в каком виде предпочитаешь: в жареном или вареном?

– То есть можно сделать шашлык? – спросил Али с улыбкой, прекрасно понимая, что вопрос шашлыка не подразумевает.

– Запросто!

– Да нет, спасибо, я пошутил. Мне без разницы.

– Зато я не шутил. Не волнуйся, это не накладно. Я его тут часто готовлю.

– А мясо разве маринованное?

– Нет, но это дело пяти минут. Но с костром пока немнож-

ко повременим.

Али вновь подошел к шкуре волка и, сочувственно разглядывая его (чеченцы всегда ассоциировали себя с волками, и не только из-за общности места обитания, но и за схожесть характера и любви к вольной жизни, и поэтому к волкам у чеченцев особенное, трепетно-уважительное отношение), спросил у пастуха:

– Это ты его убил?

– Да, – ответил тот и, подойдя поближе, стал рядом с Али напротив шкуры и сказал: – Но не ради забавы. Один раз он загрыз трех моих овец. Но из-за этого я не стал его убивать, хоть и имел такую возможность. Но когда он, ворвавшись в мое стадо, стал беспорядочно грызть овец, пришлось его застрелить. Один мой знакомый давно хотел шкуру волка, вот я и приготовил ее для него. Правда, тот не очень спешит ее забрать. – Пастух совсем приблизился к волчьей морде и, посмотрев внимательно на нее, сказал: – Эх, волк, волк... Зачем тебе было убивать забавы ради моих овец? Наши предки ведь веками вместе жили в этих горах и ладили между собой. Голоден был? Так взял бы одну и кушал бы, но зачем просто убивать?.. Беспредельщик чертов! Вот и покойся теперь на доске оголенной мордой вниз. – Затем пастух зашел в хижину, чтобы заготовить мясо для шашлыка. И жалость Али к волку после таких пояснений чуть поубавилась.

Когда Али, подумав о близости вечера и долгом горном пути на равнину, попытался уйти, Халид спросил, нет ли у

него в селении Гено, где он оставил свою машину, знакомых или близких, получив же отрицательный ответ, пастух сказал: «Пока ты доберешься до своей машины, уже стемнеет. Переночуй здесь, а завтра днем поедешь, если захочешь».

В итоге Али решил остаться на ночь. Связи тут не было, и он, по совету Халида, поднявшись на один из холмов, где ловилась связь, позвонил дяде и сказал, что остается у одного жителя горного селения.

Вскоре все верхушки западных склонов были залиты нежно-красными лучами предзакатного солнца. На все еще довольно светлом небе робко засияла парочка звезд. Две сытые лайки, свернувшись калачиком, легли возле плетеной ограды. Иногда от какого-то неслышного звука или невидимого движения вдали они, приподнимая с лап свои головы, напрягались и сосредоточенно на что-то глядели в дали, но потом, ничего стоящего внимания не увидев и не услышав, тут же успокаивались и опускали головы обратно, расслабляя уши и потупляя взгляд.

На красном угле, обставленном камнями, покоились прутья-шампуры с нанизанными на них кусками маринованного бараньего мяса. По большей части говорил Халид, все время следя за мясом: то освежал гаснувший уголь, обдувая его куском картона, то тушил внезапно вспыхнувшее пламя, обливая его с уксусом разбавленной водой, залитой в пластмассовую бутылку, на крышке которой были проделаны отверстия для удобства необходимо-фиксированного полива-

ния; и довольно часто медленно, держа за ручки, поворачивал шампуры для равномерной прожарки мяса. Безумно манящий аромат разносился по холмам и ущельям, красный уголь по мере сгущения сумерек светился все ярче и ярче, равно как и звезды на обширном небосводе. Халид наконец взял один шампур, осторожно поднес его ко рту и, откусив немного от мяса, сказал: «Кажется, готово». Затем он протянул Али другой шампур, и они осторожно начали кушать, закусывая руками разломанным хлебом и запивая родниковой водой, которую Халид приносил из чистого источника неподалеку. В такой приятной обстановке, ведя непринужденную беседу, они и узнали друг о друге многое.

Халид проживает недалеко отсюда, в одном из горных селений. Вот уже три года как он пасет здесь овец и коров, своих и чужих (чужих, Разумеется, за деньги), каждый год, с ранней весны до поздней осени – пока эти склоны не завалит снегом. Он был участником обеих российско-чеченских войн. В Первую войну воевал рядовым ополченцем, а во Вторую – командовал небольшим отрядом. Во время выхода из Грозного зимой 2000 года подорвался на mine, в результате чего сильно поранил ногу. Ногу не оторвало лишь благодаря специальным противоминным ботинкам, которые ему подарил раненный при обороне Грозного товарищ из другого отряда, позже скончавшийся от полученных ран. После ранения Халид кое-как, с помощью своих бойцов, дошел до Алхан-Калы и там слег. Но потом вместе с другими ранены-

ми, когда это селение было захвачено российскими войсками, попал в плен. В тюрьме он провел шесть лет и, когда вышел, был исхудалым, больным и немощным человеком.

– Мало для чего я был годен, – говорил он, – но делать что-то надо было. Возобновить борьбу я уже не мог чисто физически. Да и дела уже у сопротивления были не те: было много смуты – чеченцы воевали против чеченцев. Многие из тех, которых я знал, ко времени моего выхода на волю уже были мертвы. Другие же, так же как я побывавшие в плену и высвободившиеся или раненные в боях, разъехались кто в Турцию, кто в Европу, кто еще куда. Многие из них и меня к себе звали, но мне не хотелось покидать родину. Тем более у меня была возможность не уезжать, которой не было у многих.

– И какая же? – спросил Али.

– Дело в том, что один из членов моего отряда, Саид, который возглавил джамаат после моего пленения и продолжал борьбу, год спустя тоже угодил в плен. Это был парень храбрый и безбашенный. Так вот, когда он был в плену, ему сделали предложение, от которого мало кто решился бы отказаться, и дело тут, поверь, не в страхе смерти или жажде почестей и денег. Просто у него была семья. Вот так он и стал начальником особого отряда при новой власти, во главе которого охотился на тех, которые еще вчера были ему товарищами и братьями. В один прекрасный день, вскоре после того, когда я вышел из тюрьмы, он пришел ко мне и ска-

зал, что, пока он жив, меня никто не будет дергать из-за моего прошлого и что я могу спокойно жить и отдыхать, если только, сказал он, я не вздумаю взяться за старое. Я ему ничего не ответил, и он развернулся и ушел. После этого я его больше не видел. Вот так я и решил здесь остаться и начал заниматься тем, чем сейчас занимаюсь. Таскать ничего не надо, горный воздух, здоровая пища, никто не нервирует. С животными я давно нашел общий язык. С ними намного легче, чем со многими людьми, – улыбнулся он. – Теперь я вполне здоров. Правда, нога и некоторые старые раны на теле малость беспокоят, когда погода меняется, а в горах она меняется довольно часто и быстро. Но это небольшая плата за все остальные удобства моей теперешней жизни.

– А что стало с этим Саидом? Он все еще работает?

Халид откусил кусочек от мяса на шампуре и, прожевывая его во рту, сказал:

–Нет, год назад он был убит.

–Кем?

– Ахмедом – другим моим бывшим подчиненным из того же отряда, который, в свою очередь, возглавил отряд после Саида. Ахмед был парнем очень принципиальным и отчаянным. И даже под угрозой убийства всего своего рода он не переметнулся бы. Кстати, у меня в отряде они были лучшими друзьями. Когда один из них получал ранение, второй ухаживал за ним, как за родным братом. Бывало даже, когда у одного отбивались руки, из ложки друг друга кормили.

–А зачем он тогда его убил?

– За то время, что я был в тюрьме, Саид со своей группой успел убить много людей из нашего отряда. Другие погибли в разных боях. Со своими людьми он нанес группе Ахмеда большой урон, а в одной стычке с ним в горах был ранен и сам Ахмед.

–Но зачем Саид так рьяно охотился на своих бывших собратьев, если он работал на русских от безысходности? Зачем он проявлял такую активность?

– От отчаяния и безысходности как раз и проявлял, другой мой. Вначале он, понятное дело, не был таким. Бывало даже, отпускал пойманных обратно в горы. Но в этом деле человек меняется постепенно. Перешедший от безысходности к противнику вначале душой и мыслями бывает со своими. Но ведь не все свои знают о его мыслях, ибо люди не научились их друг у друга читать. Вот так и случается, что во время стычек свои стреляют по тебе – ты ведь предатель, – а ты, ведомый инстинктом самосохранения, стреляешь в них. Таким образом и начинается привыкание к новой работе. А в таком деле привыкать помогает еще и отчаянное сознание, что назад пути уже нет, что уже нечего терять, что если не ты, то тебя. На это вербовщики и делают ставку. Старая, как мир, тактика – разделять и властвовать– всегда действует безотказно. И русские вполне удачно применяют ее на протяжении вот уже четырех веков нашего противостояния. Да что там русские, все ею пользуются и будут пользоваться. Таким

образом, под конец из всего моего отряда в живых остался лишь один Ахмед. И тогда он набрал себе несколько ребят и своей единственной целью сделал уничтожение Саида. Операцию он готовил тщательно. Изучал маршрут, время и способы передвижения своего некогда лучшего друга, а теперь – заклятого врага. И вот в один из удобных дней он поставил на пути его следования выездной пост, переодев своих ребят в полицейскую форму. Сам Ахмед спрятался за деревом на обочине дороги в лесу, чтобы Саид не узнал его. Те остановили машину Саида, проезжающую мимо их поста, якобы для проверки документов. И как только Саид с высоты своего положения послал их к черту, полагая, что это менты, те в упор и расстреляли машину. Саид, по приказу Ахмеда, был взят живым. Правда, ранение он все же получил. Все остальные, кто находились в машине, были убиты на месте.

– И потом Ахмед сам его убил, – спросил Али.

– Нет, – ответил Халид, запивая водой проглоченное мясо, – он его обезглавил. Как потом выяснилось, сделал он это тесаком, который я ему подарил в Грозном за одну его успешную вылазку по освобождению из окружения русских Саида... да-да, того самого Саида и нескольких других ребят.

– А Ахмед все еще в горах?

– Нет, погиб где-то полгода назад. С теми ребятами, с которыми он устроил засаду Саиду, был блокирован в жилом доме. На предложение сдаться они ответили огнем. В итоге,

к утру следующего дня, все были убиты.

Несмотря на всю драматичность рассказа Халида, Али этому не сильно удивился. Таких историй за годы войны в Чечне он слышал сотни. Но история эта его тронула тем, что он представил, каково это было переживать самому Халиду. Как бы Халид ни пытался демонстрировать хладнокровие, было видно, что этому некогда вожаку стаи своих волков было больно осознавать, как его волки перегрызли друг друга.

Прошло уже минут десять, как солнце, еще недавно скрывшееся за горами, совсем утонуло за горизонтом, собирая с небосвода остатки своего света. Али и пастух, постелив на лужайке рядом с костром одеяло, встал и лицом к югу и совершили закатную молитву. Здесь молитва была какой-то особенной, вдохновенной и даже, казалось, более искренней. Суетные ощущения не беспокоили душу, а мысли – голову. Умиротворяющая атмосфера своею упоительностью ласкала сознание и чувства Али.

Он безмерно сильно полюбил этот миг, потому что этот миг заключал в себе неописуемо прекрасное переживание. И рядом находящийся Халид, вид и повадки которого вместе со всеми сложными перипетиями его жизни как бы украшали – своей чистотой и благородством – чистоту и благородство окружающего вида и в воздухе витающего покоя безмолвного великолепия. Мириады прекрасно-грустных переживаний, бессознательно им сейчас испытываемых, словно горный ручей, которому не видно одного источника, но ко-

торый формируется из множества мелких неприметных водных изливаний, вытекающих из-под бесчисленного множества камней и щелей,— подобно этому ручью его чувства без одного ярко выраженного источника, но всею своею совокупностью выжали слезинку из глубин его глаз. Робко, неуверенно появившись, слеза, словно ребенок, делающий свои первые шаги, шатаясь по сторонам и задерживаясь, потекла по его щеке. И это было прекрасно. Весь мир, все города и страны, все людские вздоры и устремления сейчас выглядели ничтожно жалкими. Сейчас, в эту самую минуту, казалось ему, он переживал самую полную и счастливую жизнь. А все остальное лишь миражи обмана, своей внешней привлекательностью манящие людей к разочарованию и душевным тревогам. Его поразило и тронуло то, насколько все же разнообразен этот мир и люди и насколько одни не замечают других. Взаимопониманию люди предпочитают друг над другом насмехаться, простоте отношений — чванство, доброте — зло, любви — ненависть. Но в ситуациях, когда надо проявить твердость духа и силу характера, становятся слабыми, податливыми и жалкими. Али не задавался вопросом, почему же это так, ибо он не был настолько наивен, потому что мысли эти (или же чувства) в нем появлялись еще в детстве. Вот тогда, будучи еще ребенком, он задавался этими вопросами с присущей ребенку чистой наивностью. Сейчас же от этих мыслей остались лишь чувства. Он просто с какой-то печалью переживал окружающую его

реальность, без каких-либо вопросов.

Закончив молиться, они снова сели возле костра, подложили в него немного дров. Костер приятно согревал от легкого горного ночного холода, и от его пламени их тени колебались на лужайке. Они просидели так еще несколько часов.

– Ну что ж, – глубоко вздохнув, сказал Халид, – пора спать – по крайней мере мне, – добавил он, слегка улыбнувшись. – А то подустал сегодня малость, да и завтра рано вставать. – Потом чуть помолчав, он сказал: – Если честно, даже и не знаю, почему я все это тебе рассказал.

– Да-да, конечно, отдыхай, – быстро проговорил Али, почувствовав неудобство, что из-за него ему пришлось бодрствовать так долго и вспомнить о грустном, что бередило его сердце, как бы Халид ни пытался казаться безучастным. Али-то знал, что прошлое никогда не отпускает полностью. И в том, что Халид рассказал свою историю, сам не находя тому объяснения, незнакомцу, было ясное тому подтверждение.

– А ты не идешь спать?

– Я, наверное, еще немного посижу. Неизвестно, когда еще доведется посидеть в таком месте.

– Хорошо. С твоего позволения я пойду.

– Да, конечно.

– Я тебе там постелю возле окна. Ляжешь, когда захочешь.

Ладно, пойду я.

– Спокойно ночи!

–И тебе спокойной ночи!

Али остался сидеть один возле костра, смотря в глубокие дали холмов и ущелий, освещенных лунным светом. Рядом появился Разум.

– Почему ты считаешь, что человек не достоин этой красоты, – сказал Разум, прочитав мысли Али.

– Потому что он слишком ничтожен, – ответил Али, не отвлекая свой вдаль устремленный взгляд.

– В этом и заключается его уникальность. Ведь неидеальное поведение человека является следствием данной ему безмерной свободы. Отними у людей право выбора и свободу действий, и тогда они, возможно, будут идеальными, но не уникальными.

– Согласен, – произнес Али. – И вообще, мне кажется, человек должен себя познавать всю жизнь, сколько бы он ни прожил. От степени самопознания зависит и то, насколько хорошо он разбирается в людях. Человек нередко негодуяще поражается поступками других, в то же время не замечая, как сам поступал, или что поступит примерно так же при соответствующих условиях. Теперь я уже мало чему удивляюсь из того, что делают люди. Разумом все – даже самые гнусные и глупые людские дела – стало ясно, остается лишь душевное их непонимание, то есть внутреннее отторжение. И все же познание не имеет границ.– Сказав это, Али вдруг умолк и задумчиво стал взирать на костер.

Али с Разумом продолжали сидеть и разговаривать, пока

не проступили проблески утренней зари на восточном горизонте. Из лачуги донесся звон будильника пастуха.

– Ты что, так и сидел здесь всю ночь?– удивленно спросил его Халид, стоя у порога хижины.

– Да, – ответил Али, – ночь пролетела слишком быстро.

– Парень, видимо, тебе тоже надо взять овец и переселиться сюда, – улыбнувшись, сказал Халид. А потом добавил: – Иди поспи немножко, а то днем будешь плохо себя чувствовать.

Али, к которому внезапно прильнула усталость и жажда сна, последовал совету Халида. Направляясь к хижине, он вдруг обернулся и спросил:

– А ты больше не будешь спать, что ли?

– Нет, с восходом солнца я пойду со своим стадом на пастбище вон за тем холмом, – он мотнул головой куда-то в сторону. – Вернусь я только вечером.

– Значит, мы не увидимся, – сказал Али. – Я чуть посплю и пойду. Спасибо за гостеприимство, мне очень здесь понравилось.

– Да не за что. Приезжай в любое время, братишка!

– Обязательно приеду!

Они пожали друг другу руки, после чего Али зашел в хижину и лег спать.

Когда он проснулся, солнце стояло уже довольно высоко. В хижине был он один. Поднявшись с деревянной кровати, Али увидел на столе вареное мясо, зубчики очищенного

чеснока, рукой разломанную домашнюю лепешку и чистую кружку. Выйдя за дверь, рядом с тлеющим углем он заметил кастрюлю, закрытую крышкой, – это был мясной бульон, оставленный Халидом рядом с костром, чтобы он не остывал. Зачерпнув кружкой из кастрюли бульон, Али зашел обратно в хижину и сытно покушал, будто это был не завтрак, а обед. Затем он взял свою палку и в прекрасном расположении духа зашагал к своей машине, оставленной им в селении возле того пустого дома.

Али пробыл в Чечне более двух недель, и уже пришла пора обратно возвращаться в Москву. На этот раз он не особо спешил, и поэтому ему вдруг захотелось ехать поездом. Когда он пошел покупать билеты, то выяснилось, что все купейные места распроданы. В итоге он взял билет на плацкарт.

Казалось, это было словно вчера, когда он вошел в этот дом и его все так радостно встречали. И вот он снова в прихожей дядиного дома, только на сей раз в качестве уезжающего. Со всеми попрощавшись, Али вышел и сел в машину. На железнодорожный вокзал его отвез дядя.

Московский поезд уже прибыл и стоял на первой платформе. Люди в спешке начали подниматься со своими сумками, протягивая на проверку проводницам, стоящим у входа возле каждого вагона, свои билеты и паспорта.

– Мне, конечно, хотелось бы, – сказал дядя Идрис, – чтобы ты после учебы все же приехал домой. Но если там тебе будет лучше и ты пожелаешь остаться в Москве, то хотя бы

постарайся приезжать почаще.

– Пока я еще ничего не решил. Но как бы там ни было, не приезжать домой я не смогу.

Идрис довольно кивнул, радостно улыбнулся и, как бы дружески обняв племянника, пару раз хлопнул его рукой по спине.

– Давай, иди уже, – сказал он, разрывая объятие. – А то сейчас твой поезд уедет.

Взяв свою сумку, Али направился к вагону поезда. Показав, как и все, свой паспорт и билет проводнице, он поднялся в вагон и прошел к своему месту. Здесь, как обычно в плацкартных вагонах, царила начальная сумятица. Все толпились в проходах и плацкартных открытых купе, часто друг на друга наталкивались, беспрестанно извинялись и, голоса и пытая, пытались как-то поудобнее разложить свои сумки.

Тем временем Али занял боковое нижнее место возле окна, указанное на его билете, и положил под сиденье свою сумку. Место это выглядело как обеденный столик для двух персон: напротив Али было еще одно сиденье, а посередине – стол, который перед сном складывался, и все они вместе (стол и два сиденья) таким образом трансформировались в подобие узкой одноместной кровати. В открытом купе справа от Али размещались пассажиры в следующем порядке: пожилая тучная женщина, которая очень тяжело дышала, сидела на левой нижней полке. Полка над ней была свободна. На такой же нижней полке напротив нее сидел мальчик лет

двенадцати-тринадцати, который, однако, успел занять верхнюю полку над собой своей сумкой. Рядом с ним, возле окна, сидела девушка (как позже выяснится, сестра этого мальчика), примерно одного с Али возраста. На ней были свободная юбка в пол и бежевая туника. Они, улыбаясь, смотрели в окно и махали руками провожающим их родственникам.

– А она красивая, – сказал Разум.

– Ну да, милая, – согласился Али, и отвернулся от девушки.

Поезд тронулся, и шум в вагоне начал стихать.

– Ну да, милая, – передразнил Разум Али, а потом сказал: – Отвернуться-то ты отвернулся, но думать о ней все же продолжаешь.

– Не лезь в мою голову.

– Я и есть твоя голова.

– Да чего ты от меня хочешь? – спросил его Али. – Когда я говорю с девушками, тебе не нравится. Когда не говорю, тоже не нравится. Оставь меня вообще в покое.

– Всему есть свое время.

Али сунул в одно ухо наушник. Но Разум не переставал донимать его разговорами о девушке. Тогда Али поднялся и направился к другому вагону.

К моменту отбытия поезда в вагонах бывают свободные места, заполняемые по ходу движения на разных станциях. Али как раз и пошел искать такое свободное место – и нашел его в третьем купейном отделе следующего вагона второго

класса. Он сел возле окна и стал смотреть на отдаляющиеся предметы.

– Скоро кто-нибудь сюда зайдет, и тебе придется чесать обратно на свое место, – сказал Разум.

– Когда зайдет, тогда и пойду. А пока не мешай мне и не порть мое хорошее настроение.

– Иди обратно и сядь на свое место.

– Зачем?

– Ну, познакомишься с ней поближе, и если она будет то, что надо...

– То можно будет на ней жениться?

– Почему бы и нет?

– Не хочу я ничего.

– Не упрямничай, – сказал Разум. – Просто всему есть свое время. Не всегда находка – результат поиска. Чаще всего люди приобретают нечто особенно ценное посредством решительных действий, предпринятых ими по отношению к подарку судьбы. Человек, упустивший случайную возможность, может и за всю жизнь поисков подобное более не обрести. Шанс – это предложение судьбы, которое ты либо принимаешь, либо отвергаешь. Но, как правило, это разовое предложение.

– И с чего ты взял, что она – мой драгоценный шанс?

– Я этого не говорил. У шансов не бывает на лбу написано: «Я твой шанс, бери меня». Да у них и лба не бывает. Поговори с ней, и тогда все станет ясно.

– Хорошо, я подумаю, – сказал Али. – А теперь оставь меня одного.

Сущность исчезла.

Али сидел, слегка покачиваясь от неровного хода поезда, и задумчивым взглядом одиноко смотрел в окно. Колеса поезда, проезжая по рельсовым стыкам, монотонно издавали старый, уже кажущийся неотъемлемым атрибутом движущегося поезда, звук: та-тах-та-тах, та-тах-та-тах. Мысли Али, одна цепляясь за другую, словно вагоны этого поезда, выстроились в целый эшелон. Но каждая последующая мысль, в отличие от вагонов, не была похожа на предыдущую: девушка – одиночество – женитьба – тоска – Москва – горы – Грозный – война – мир – прошлое – будущее... Он и не заметил, как, положив голову на сложенные перед собой на столе руки, уснул.

Резкий звук открывающейся купейной двери слегка разбудил его, но не настолько, чтобы он мог поднять голову.

– Это кто? – сказал женский голос.

– А я откуда знаю. Спящий молодой человек. И спит он, судя по всему, на нашем месте, – ответил мужской голос.

– Разбудить его, что ли?

– Ну, придется. Я устал и хочу спать. Извините, молодой человек.

– Не пьян ли? – спросила женщина.

– Не знаю. Молодой человек, – чуть громче повторил мужчина.

Али проснулся окончательно и поднял голову. За окном была кромешная тьма. На минуту он не мог понять, что к чему.

– Извините, что потревожили вас, но это наше место, – сказал мужчина.

– Ах да, извините.– Али вспомнил, как он здесь очутился, встал и пошел в свой вагон.

Свет в его вагоне был погашен, и многие уже спали. Один парень в дальнем купе тихо, полусшепотом, разговаривал по телефону с кем-то: по манере общения было видно, что на другом конце линии находится девушка. Чей-то ребенок, резко начав громкий плач, так же внезапно умолк, когда его мать, разбуженная им, стала его успокаивать. Али прошел и сел на свое место. Машинально он взглянул в купе справа от себя – там все спали. Его постельное белье в запечатанном пакете было принесено и положено на стол. Все еще сонному, ему было не охота обустроивать свое спальное место. Он сел, облокотившись на стол, и стал смотреть в пустую тьму за окном, изредка рассеиваемую светом станционных фонарей. Через некоторое время его бесцельно-пустая сосредоточенность была нарушена каким-то неприятным звуком, который все больше и больше отвлекал на себя его внимание. Оторвав наконец свой взгляд от окна, он на секунду наострил уши, чтобы понять характер и источник этого звука. Задача была решена за доли секунды: им был храп той самой тучной старухи, что расположилась на нижней левой полке

в купе справа от него. «Ну, — подумал Али, — теперь можно и постель не стелить. Все равно спать уже не получится». И в это самое время что-то шевельнулось в той купейной темноте. Это была *она*. Затем вдруг небольшой свет осветил ее лицо: она включила компьютер.

– Передумала спать? – улыбаясь, спросил ее Али.

– А? – сказала девушка, прищурила глаза и, чуть опустив крышку компьютера, чтобы свет монитора ее не ослеплял, внимательно посмотрела в его сторону, будто только сейчас узнала, что там кто-то есть. – Да я и не спала, – голос сообщал ответную улыбку на ее устах.

– Понимаю... Вы вместе?

Девушка, поняв, кого он имеет в виду, ответила:

– Нет, я впервые ее вижу. Я с братом, он спит наверху.

– Ясно, – ответил Али. А потом сказал: – Когда пожилые люди храпят, то кажется, будто они дышат всей тягостью прожитой жизни.

– Да. Мы с ней еще днем успели немножко переговорить. У нее и в самом деле была тяжелая жизнь. Она потеряла много близких людей на прошедших войнах.

– Эти две войны многих забрали, не считаясь с возрастом и полом своих жертв.

– Это точно, – как-то задумчиво сказала девушка. А потом, после небольшой паузы, продолжила: – К моменту смерти отца мне было двенадцать, а ему тридцать четыре. Он был здоров и бодр. Я иногда представляла себе, как я стану

расти, а он – стареть, и как я буду потом за ним ухаживать, веселить его так же, как он меня.

Али хотел сказать: «Я тебя понимаю», но чтобы это выражение не выглядело фальшивой данью этикета, ему пришлось бы сообщить ей и о своих потерях. А ему не хотелось уходить в столь печальные глубины прошлого и вспоминать все заново. Он всего лишь выразил слова сочувствия, после чего воцарилось молчание.

– А в Москву в гости едешь? – спросил он наконец.

– Можно и так сказать. У меня там тетя живет со своим мужем и маленькими детьми. Но сейчас я еду, чтобы поухаживать за ней в больнице. Ей скоро должны операцию сделать. Ну а ты?

– Я там учусь. На каникулах приезжал домой. А так у меня там тоже живет родственник – дядя, – заключил он.

– Ясно, – ответила девушка, застыв в ожидании вопроса.

– А ты учишься или работаешь? – спросил Али.

– И то и другое. Я оканчиваю университет, факультет журналистики. И с третьего курса работаю в местной газете, посвященной школьной жизни Чечни.

– Интересно! – сказал Али. – Значит, ты пишешь статьи?

– Да.

– И о чем же?

– В основном о детях с необычными судьбами, талантами. Реже об учителях и всякого рода школьных мероприятиях. С работы я взяла отпуск на две недели. Но за это время мне

надо написать пару статей и отправить в редакцию по электронке. Материал я уже собрала.

—А о чем надо написать, если не секрет?

—Да нет, какой уж там секрет, если это будет читать вся Республика, — улыбнулась она. — Ну вот, к примеру, одна история о мальчике-сироте Магомед. В конце девяносто девятого года, когда его семья вместе с ним выезжала из Грозного, их машина попала под артобстрел. В итоге он, годовалый ребенок, потерял своих родителей и одну ногу. Сейчас Магомед учится в четвертом классе, играет в футбольной команде за свою школу. И что самое интересное, он нападающий. Следя за его игрой, и не скажешь, что на мальчике протез.

— Молодец!

—Да, очень волевой парень.

— Значит, о нем тебе еще предстоит написать?

— Скорее завершить то, что уже начала писать. У меня есть кое-какие наброски, этакие эскизы о фактах его жизни. Теперь же надо облечь в плоть этот остов фактов, расписать эскизы и претворить их в живопись. Вот и сейчас как раз хотела поработать над этой статьей, но даже не знаю. В таких случаях не хочется ограничиваться описанием каких-то внешних черт. Ну, как бы это сказать... Не хочется ограничиваться описанием внешних фактов: в детстве потерял родителей, лишился ноги, хорошо играет в футбол, учится на отлично и так далее,— изъясняться так математически сухо, понимаешь? Хочется сообщить читателю душевное состоя-

ние Магомед, какую внутреннюю борьбу ему нужно вести, какого морально-психологического труда ему стоило и стоит иметь эти внешние успехи. Мне кажется, у меня это плохо получается.

– Ну, – сказал Али, – идею ты выразила хорошо. А можно взглянуть на эту работу?

– Да, конечно. – Девушка протянула ему ноутбук.

Али взял компьютер и мигом пробежался по биографическим фактам Магомед.

– А у тебя здесь есть статьи, которые ты ранее писала?

– О да, конечно. Их много. Но не думаю, что они тебе будут интересны.

– Я весьма любознателен, – улыбнулся Али.

– Ну, в таком случае... Сверни окно. Вон там папка в верхнем углу «Статьи».

– Да, вижу. – Али навел стрелочку на указанную папку и сделал двойной щелчок левой кнопкой мыши, и перед ним предстало огромное количество файлов с разными названиями. – Не хило писала.

– Это только часть моей работы.

– Давай, – сказал Али, – договоримся так: ты сейчас попытаешься заснуть, – храп старухи стал тише, – а я знакомлюсь с твоими работами и наутро скажу, что я об этом думаю?

– Ты серьезно собираешься все это читать?

– А почему бы и нет? К тому же я уже успел выспаться. Так что я бодр и никуда не спешу.

– Ну ладно. Только вот что: зарядки там хватит часов на пять, не более. Ты, наверное, знаешь, насколько в поездах отвратительные розетки, то есть насколько они бесполезны.

– Думаю, пяти часов мне будет достаточно. Я же тебя не много лишая, если воспользуюсь твоим компом до само разрядки?

– Ничуть!

– Тогда спокойной ночи.

– А тебе приятного чтения.

Девушка легла спать и вскоре, по всей видимости, заснула. Али развернул свернутый файл со статьей о мальчике с протезом и внимательно прочитал ее еще раз. Сквозь сухо изложенные факты он, со всею присущею ему чуткостью и богатством воображения, увидел огромное количество чувств, боли и смыслов, всплывающих в его сознании в виде образов, слов и предложений. Десятки и сотни фраз парили в его голове, и то, что он читал, было самым маленьким в этом царстве смыслов. Один маленький факт в статье рождал в голове Али большие проникновенные предложения. Печальная ярмарка трогательных чувств и образов на минуту взбодрила его, собственными переживаниями обогатив кровь адреналином. Но потом так же быстро и обессилила. Он на минуту оторвал свой взгляд от светлого монитора, опустил крышку ноутбука и уставился в крошечную тьму за окном. Ему надо было упорядочить то, что он сейчас прочувствовал, и спокойно это изложить. Да, он хотел закончить эту статью.

Появились Разум и сказал:

– Помочь, братишка?

– Мне хотелось бы как-то самому. А если ты поможешь, то это уже будет не совсем честно.

– То есть ты хочешь произвести впечатление? – сказал Разум улыбаясь.

– Опять решил меня доставать?

– Нет-нет, ни в коем случае. Продолжай. Я ухожу.

Али снова поднял крышку ноутбука и, немного посидев без движения, медленно начал печатать. Слова, исполненные нежных чувств, радости и оптимизма, как-то сами обозначались на белом фоне. Час спустя, закончив работу над статьей, он решил ее прочитать заново, и сам удивился тому, насколько хорошо у него это получилось.

Затем он начал открывать другие ее работы и читать. Али это делал не только из интереса к ее статьям, но еще и для того, чтобы посредством их узнать ее получше: какие слова она использовала, как выражала свои мысли и так далее. «Ведь мысли, – думал он, – это чувства. Знаешь, какие у человека чувства, знаешь и то, каков сам человек». Он не обращал внимания на стилистику, на общий смысл, на ее мастерство изящной словесности. Конечно, это тоже машинально замечалось, и, хоть он многое и переиначил бы, писала она неплохо. Но его волновал лишь дух изложения, ведь он стремился познать не то, насколько хорошо человек пишет, а другое – насколько хорош сам человек, именно как человек, а не

журналист или писатель. И он был ею восхищен.

После прочтения всех ее работ ему в голову пришла одна мысль, которую поддержал Разум. Он создал на рабочем столе новый файл, открыл его и начал претворять в жизнь свою вдруг его посетившую идею. Он писал:

«Прошло более четырех часов с тех пор, как я принял у тебя твой ноутбук. За это время, покачиваемый этим старым поездом, неровно движущимся по ветхим рельсам, я успел ознакомиться со всеми твоими работами. И вот пришла пора сдержать свое обещание и сказать, что я об этом думаю. Да, помню, я сказал, что поведаю тебе об этом завтра. Но, знаешь, боюсь, завтра у меня это выйдет не так, как я на самом деле хочу это сказать. Во-первых, я решил ковать, пока горячо: завтра могут остыть те ощущения (а вместе с ними и мысли), которые породило во мне чтение твоих статей. А во-вторых, трудно бывает выразить в устной форме всю полноту мысли человеку, которого ты только что узнал, и поэтому, я считаю, наилучшим способом это можно сделать только на письме. Здесь я никуда не спешу, могу обдумывать каждое слово и, таким образом, спасти себя от неловко подобранных слов и выражений, о которых обычно потом жалеют.

Теперь касательно твоих работ. Знаешь, скажу честно, мое внимание во время всего чтения всегда было акцентировано не столько на словах, сколько на авторе, то есть на тебе, и посредством твоих слов я пытался познать тебя. «Заговори, чтобы я тебя увидел»,—сказал Сократ. Я читал твою речь

несколько часов и за это время, как мне кажется, неплохо тебя «увидел». Мне понравилась содержательная часть твоей работы, понравилась манера изложения, но больше всего мне понравилось чувство, испытываемое тобою в момент написания своих работ, но не выраженное в словах, – именно это невысказанное чувство и сообщало о тебе больше написанных слов. И не правда, что тебе не удастся описать внутреннее переживание своих героев. Просто твои внутренние переживания, возможно, намного глубже слов, которые могут эти переживания передать. Словами не исчерпываются чувства, не измеряется их глубина и сила. Человек, поверь мне, намного глубже и загадочнее, чем мы думаем, и в изучении себе подобных человечество никогда не достигнет предела.

Наверное, мне сейчас, отдавая дань банальному приему приличия, стоило бы написать – предугадывая и успокаивая твои мысли – слова типа: «Ты только ничего такого не подумай. Я ни на что не надеюсь» и так далее. Ну, как это обычно делают «культурные» люди, чтобы не показаться навязчивыми. Но разве те, которые так говорят, не желают таким образом понравиться тем, к кому обращены эти слова? И получается, что этот лицемерный такт применяется для самовосхваления. Но я этого не порицаю, ведь простая вежливость тоже не что иное, как самокомплимент.

Итак, возможно, я на что-то и надеюсь, но на что именно, я пока не знаю. Иногда нам хочется, чтобы все в нашей

жизни было именно так, как мы того желаем. Но когда наши сбывшиеся мечты приводят нас к печали, а непредвиденные случайности судьбы – к радости и счастью, тогда-то мы и понимаем, что не так-то и плохо, что не все в этом мире в наших руках, и что не все то, чего мы хотим, сбывается. Жизнь состоит из тысяч невидимых путей, каждый из которых может увести тебя в свою непредвиденную даль. И я не знаю, сойдутся ли наши пути в будущем, но если сойдутся, то я этому буду только рад. И, надеюсь, не только я один.

Ты уж строго не суди, что я наговорил тут всякой всячины. Понимаю, случайному спутнику глупо писать все, что я выше написал. И наверное, со стороны это выглядит немного нелепо. Просто в последнее время в моей жизни накопилось слишком много странностей.

P. S. И все же мне не удалось избавиться от «неловко подобранных слов» ввиду нестандартности и непривычности ситуации. Но я, по крайней мере, был искренен, а искренним никогда не будет тот, кто боится казаться странным».

Затем Али ниже сделал еще одну приписку, в котором написал свой номер телефона, а под номером – надпись: «Если вдруг захочешь что-то сказать, спросить или оспорить сказанное мною выше». После чего закрыл документ, сохранил его под названием «Письмо от случайного попутчика» и поместил в папку с ее статьями на рабочем столе.

Потом, выключив компьютер (который и так был близок к тому, чтобы вырубиться сам от разрядки батарейки), он

опустил крышку, протянул ноутбук в темный прямоугольник купе, нащупал им стол, на который бережно его и положил. Далее он разложил свою кровать и лег спать. Пожилая женщина растянула паузу тихого дыхания между двумя храпами, и от этого тишина звучала чуть дольше; да и вообще темнота в вагоне теперь была какая-то совсем тихая. И Али под воздействием легких усыпляющих покачиваний вагона поезда и монотонного отбивания колес по рельсовым стыкам—та-тах-та-тах, та-тах-та-тах—вскоре заснул.

На другой день он проснулся ближе к обеду. Она сидела напротив старушки за столом. Они пили чай и о чем-то говорили. Али присел и, зевнув и протерев сонные глаза кончиками пальцев, поздоровался с ними.

– Молодой человек, вы спали будто неделю бодрствовали, – шутливо сказала ночью храпевшая старуха.

Али сначала подумал про себя: «Может, я лег бы пораньше и пораньше бы проснулся, если бы вы так сильно не храпели» – и улыбнулся этой мысли. Но потом он вдруг вспомнил, зачем он лег так поздно, и первая мысль потеряла значение. Но затем он понял, что ведь и она не спала из-за ее храпа, и тогда ему даже захотелось поблагодарить старушку за ее ночной храп. «Как же часто мы получаем пользу от того, что нам вначале не нравится», – подумал он следом. Все эти мысли заняли лишь одно мгновение.

– В поезде хорошо спится, – ответил он любезно.

– Наверное, это моя вина, – сказала девушка, улыбаясь. –

Мне не стоило заряжать ноутбук перед выходом.— Она повернулась к старухе, которая не понимала, к чему это она, и пояснила: — Он вчера взял мой ноутбук и, видимо, всю ночь в нем что-то читал.

— Да, — сказал Али, — и это «что-то» стоило того, чтобы ради этого не спать очень долго.

— Так, — добродушно вставила старуха, — хватит вам болтать. Иди умойся, а затем присоединяйся к нам.

— Я принесу тебе чаю, — сказала девушка и встала из-за стола.

Али пошел умываться. А потом, вернувшись, достал свою еду, приготовленную ему — вопреки его желанию — в дорогу Айшей, и присоединился к ним за обеденным столом. Они говорили, шутили, рассказывали разные истории. Али изучал ее теперь по невербальным особенностям. Ее улыбка, движения, манеры, жесты. Он наблюдал за ней, и она, в свою очередь, ничем не разочаровала его во мнении, которое у него сложилось о ней минувшей ночью, когда «читал» ее. В ней было все: воспитанность, культура, доброта, ум и умение себя правильно подавать.

Остаток дня и следующая ночь промчались незаметно быстро. На другой день утром поезд прибыл в Москву. Али и она с братом стояли на платформе, придерживая в руках свои сумки.

— Я раньше думал, — сказал Али, — что два дня пути в этом поезде — это весьма мучительная поездка. Оказывается,

здесь тоже, как и в жизни вообще, все зависит от попутчика.

– Наверное, – улыбнулась она, – ты имеешь в виду ее, – и указала на ту храпевшую старуху, которая в это время, попросившись с ними, отходила с встречавшими ее людьми.

Они оба рассмеялись.

– Кстати, меня зовут Али.

– Милана.

– Очень приятно

–Взаимно... О, за нами идут.– Вдали показался мужчина. – Это тетин муж. Нам пора. – Она попятилась назад, но еще не отвернулась.

– Прощай.

–Прощай.– Теперь она развернулась и пошла навстречу встречающему.

Али тоже направился к выходу.

– Бедная девушка, – сказал Разум. – Она, кажется, надеялась, что ты попросишь у нее номер телефона. Мне даже ее жалко стало.

– Но ты ведь все знаешь.

–Да, знаю, что ты оставил номер в том письме. Но она-то этого пока не знает.

–Ну, значит, ее ждет сюрприз, – улыбнулся Али.

– Чертов самонадеянный эгоист, – улыбнулся Разум.

– Это твоя заслуга, – улыбнулся в ответ Али.

С вокзала он напрямик направился к дяде на работу, посидел с ним, рассказал о домашних вестях и о своих впечат-

лениях от поездки. В итоге к себе на квартиру Али попал только поздно вечером. Войдя в свою комнату, он плюхнулся в свое излюбленное черное кожаное кресло и небрежно развалился в нем. Затем, спустя некоторое время, собрался, выпрямился, потянулся к пакету с продуктами, что он купил в ближайшем магазине, когда шел сюда, и достал холодный апельсиновый сок. Устало открутив крышку, хлебнул немножко, а потом поставил бутылку на стол перед собой.

– Будто вчера я отсюда выходил... – сказал он как-то устало и тоскливо, снова беспечно развалившись в кресле и свесив голову набок. – А прошло чуть более двух недель. Много чего увидел, испытал. Летал самолетом и поездом ехал сутками... А ощущение, будто вчера закрыл вон ту дверь снаружи. – Он с усталой небрежностью указал рукой в сторону входной двери. – И теперь мне нетрудно себя представить жалким немощным стариком, который спустя десятки лет, так же сидя в этом кресле, на время негодуя, говорит: «Будто вчера я вернулся из той поездки, сидел на этом кресле и удивлялся, как быстро пролетели те две недели». Хм, – усмехнулся он. – Да, жизнь и в самом деле лишь игра и забава... Знаешь, – обратился он к своей сущности, что находилась тут же, – а мне вовсе не улыбается доживать свои последние дни в сопровождении старческой деменции... И какую бы историческую трагедию моего народа ни отражало известное выражение, что «чеченцы не стареют», в нем все

же есть и некоторая прелесть, – затем он замолчал, о чем-то думая, а потом сонно выдал: – Интересно, почему люди замечают, как взрослеют и стареют другие, думая при этом, что сами они остаются прежними, такими, какими они были до того, как другие выросли и состарились?

– Зачем предаваться столь мрачным мыслям? – спросил Разум.

– А что, если я им не буду предаваться, это перестанет быть истиной, что ли?

–Нет, просто живи настоящим и будущим.

–Настоящее становится прошлым, пока мы тут сидим и болтаем. А будущее – настоящим. Вечно лишь прошлое.

–Ну так не трать ту маленькую часть настоящего и будущего на бесполезное вечное, что является отходом твоей жизни.

– Прошлое – это отходы моей жизни? – Али тяжело ухмыльнулся. – Ну да, может быть... Хотя... ты не прав. Представляя себя стариком, я смотрел в будущее.

–Да, но лишь затем, чтобы из этого будущего посмотреть на свое прошлое.

–Эх, Разум, – вздохнул Али. – Оставь меня... я слишком устал, чтобы вести с тобой философские споры. – Али устало закрыл глаза.

– Ты многого понял, Али. И теперь лишь пора учиться жить.

– А разве надо учиться жить? – спросил Али, уже почти

засыпая. – Мне казалось, что с жизнью надо бороться. Бороться с жизнью, чтобы жить.

– Надо бороться с трудностями жизни, но не с самой жизнью.

– Но трудности ведь бывают постоянно, – его язык заплетался в полусне.

– Трудности не исчерпываются отдельными успехами, они – провалы и удачи, трудности и легкости – цикличны, как день и ночь, как осень и весна. И чтобы не потеряться во всем этом, всегда следуй правильному – это не всегда будет легко, но всегда будет приводить к успеху, даже сквозь начальные лишения и потери. И не стоит довольствоваться внутренним совершенством. Зачастую внутреннее благополучие зависит от благополучия внешнего.

Али находился в состоянии полудремы. Он слышал слова своей сущности, но под воздействием усталости и сна не обращал на них особого внимания.

–Али, – обратилась к нему сущность, – Али!

–Че-го, – отозвался он из еще не слишком глубокого сна.

– Поднимайся. Ложись в свою постель. Поднимайся же! Давай-давай! Вот так...

Али встал, не открывая глаза, шатаясь, проделал несколько шагов к кровати, рухнул на нее и полным дыханием уверенно погрузился в глубины сна.

У тебя все будет хорошо, – сказал Разум. – У тебя все будет хорошо, – повторил он, и исчез. Навсегда.

Ночь отступала под уверенным напором солнечного света. Москва потихоньку начала свою суету. Потоки машин на дорогах росли быстро и как-то незаметно. Мегполис пробуждался к дурным и хорошим делам. Когда Али проснулся, жизнь в Москве уже бушевала вовсю. Сначала, в первое мгновение своего пробуждения, он открыл глаза и тут же закрыл их обратно. Но сознание уже бодрствовало. Он, лежа с закрытыми глазами, думал, не нужно ли ему куда-нибудь пойти? Ответ был отрицательный: ему никуда не нужно было идти. Потом он подумал, не нужно ли ему сделать что-нибудь? И в этот раз ответ был отрицательный: он вспомнил, что у него каникулы и что работу над книгой он закончил давно. Затем он подумал о тишине, то есть о молчании своей сущности. Он, все еще не открывая глаза, начал искать этому объяснение. «Наверное, — думал он, — Разум просто решил дать мне». Но затем он начал вспоминать картины прошлой ночи. Слова Разума были похожи на... на прощальные слова! Мелькнуло у него в голове.

Али вскочил с постели на ноги и, заглядывая в кухню и ванную, стал звать свою сущность, но ему откликнулась лишь тишина. Он обошел несколько раз свою небольшую квартиру, заглядывал даже под кровать и в шкафы, но нигде никого не было. На него валом накатила волна печали и внутренней

опустошенности. Чувство, что его в очередной раз покинул самый близкий ему человек, окутало его душу непомерной таской. Он привык к нему, и ему казалось, что Разум всегда останется с ним. Али только сейчас вспомнил слова Разума, сказанные им в первую ночь его появления, что он будет с ним лишь на определенное время, а затем исчезнет. Он внезапно остановился, поняв, что бесполезно звать, искать и надеяться. Его больше не будет.

Он медленно подошел к окну. Там, внизу, протекала жизнь. Он вспомнил о событиях, которые произошли в его жизни с тех пор, как они появились: он написал книгу, разобрался в себе, понял мир и людей, встретил девушку, которая ему нравится. Да, его миссия закончилась, и он исчез. Едва смирившись с этой мыслью, он тут же отказывался это принимать, но потом снова утверждался в том, что его больше нет. «Я не ушел, я здесь, с тобой, в тебе», – мелькнуло в его голове. Но это уже была та мысль, которая бывает у всех: беззвучная, невидимая, естественная мысль. Али стоял, и на грустном лице его мелькали невеселые улыбки. Затем он сказал:

– Мне будет очень тебя не хватать. Очень!

В этот момент от сообщения загудел телефон, лежащий на прикроватной тумбочке. Он подошел к тумбе и открыл сообщение. Оно было от Миланы:

«Доброе утро, лукавый Али! Писатель, представляющийся экономистом! Я лишь недавно включила свой ноутбук и

прочитала все, что ты написал. Это было просто потрясающе! А статья! Я аж сама прослезилась! Спасибо тебе!»

Быстро умывшись и одевшись, он выбежал на широкий проспект и встал посреди тротуара, по которому двигались толпы людей. Он стоял, как бы одним большим взглядом охватывая эти движущиеся частицы отдельных миров. Впервые Али увидел общую гармонию всего, что можно видеть и слышать. Теплые лучи солнца, пронизывающие воздух цветущего лета, проливались на движущийся город, как бы наполняя и окрашивая его жизнь. Солнце, словно ребенок, который, рано проснувшись, начинает шалить в комнате, играло своими лучами со всем, что встречалось у него на пути: лучи его игриво отсвечивались в окнах многоэтажных домов, в крышах и лобовых стеклах проезжающих машин; сквозили в волосах людей, свежестью желтя их сонные лица. А люди шли, в глубине души, неосознанно радуясь этому утру, от привычности не замечая его истинной красоты. Али поднял голову и взглянул на чистое, безоблачное, свежее небо, разрезаемое кажушимся большой птицей пассажирским самолетом, все еще набирающим высоту. Он на мгновение подумал о его пассажирах: «Горстка частиц из такой же толпы, что я вижу перед собой... Куда же, интересно, они улетают?.. Хотя это не важно». В эту минуту не было видно никаких противоречий. Царящая вокруг жизнь уже не раздражала и не казалась какой-то загадкой, напротив – она отражала возможности, бесчисленные пути совер-

шенства и радости. Он ясно увидел тысячи мелочей, каждая из которых могла быть достаточным поводом для отдельного счастья. Затем Али улыбнулся улыбкой прозрения и, слившись с бесчисленной массой людских потоков, медленно зашагал вдоль тротуара. Он шел в упоительном убеждении, что невзгоды судьбы и муки мысли уже пройдены, и что мир открылся ему своей прекрасной и ясной стороной. Но это было слишком поспешное суждение.

На его телефон поступил звонок с неизвестного номера. Приняв вызов, он услышал:

– Вы Али?

– Да, – ответил он.

– Примерно час назад ваш дядя Исмаил был убит. Вы можете подъехать...

Этот звонок был от следователя. Номер он взял у Сациты, которая не была в состоянии что-либо говорить.

26

Сгоревший черный внедорожник Исмаила был по периметру оцеплен прямо на проезжей части, где он и был подорван с помощью дистанционного устройства. Внутри находились два обугленных тела. Вторым, по предварительной версии, которая позже подтвердилась, был Артур, отец Тимура. Тимур находился тут же. Он яростно кричал на полицейских, которые не пускали его дальше оцепления. На ме-

сте работала оперативно-следственная группа. Тимурю объясняли, что в его же интересах не мешать следствию, потому что иначе не будет известно, кто все это сделал. Али подошел к нему и успокоил его.

Дальше часы, бесконечно долго и мучительно, тяжело протянулись. Сгоревшие тела были доставлены в морг для проведения судебно – медицинской экспертизы. Следователь расспрашивал Али о возможных врагах Исмаила; непрерывно плакали Сацита и Амина, недетская печаль и растерянность обозначилась на лицах сыновей.

В это время Али предпочел бы просто не существовать.

Вечером того же дня он сидел в квартире покойного Исмаила, чтобы не оставить Сациту с детьми одних. Была тишина, если не считать все еще не умолкающий плач Амина в другой комнате, возле которой сидели Мать и братья, которые уже выплакались. Али сидел, уставившись в пространство, и в бессильном гневе, что сбивал печаль его утраты, задавался вопросами: кому и зачем нужно было их убивать? Кто это сделал? Где и как найти убийцу?

С момента убийства Исмаила прошло уже пять дней. И вот сейчас Али сидел на тротуаре в лохмотьях, прислонившись спиной к стене пятиэтажного дома, под видом бездомного попрошайки. На голове у него была потрепанная кеп-

ка, низко сдвинутая на лоб, а перед ним лежала коробка с небольшой мелочью внутри. Он сидел в слабоосвещенном переулке на окраине небольшого городка, под названием Калуга, что находится на расстоянии менее двухсот километров к юго-западу от Москвы. Прислонив голову к стене, он зорко следил за магазином спиртных напитков, напротив которого должен был остановиться автомобиль, в котором находились заказчик и исполнитель убийства его дяди. Магазин этот был в пятнадцати шагах от него. Его правая рука сжимала рукоятку автомата Калашникова с глушителем и без приклада, что лежал в спортивной сумке под грязной одеждой. Его он приобрел через знакомого бродяги за четыре тысячи долларов. Деньги он взял из дядиного сейфа, попросив Сациту его открыть. Она не стала у него спрашивать, зачем они ему, а он не стал объяснять. О завещанных ему деньгах он пока ничего не знал. Умара привлечь он тоже не хотел. Рядом с магазином тускло горел фонарь, слабо освещая небольшой участок улицы.

Али сидел в тени рекламного щита.

И вот вдалеке наконец показался нужный ему «мерседес». Он вынул из сумки автомат и, прижимая его к своим ногам, встал во весь рост. Автомобиль попал в круг света и замедлил ход, чтобы остановиться. Али глянул на номера – было важно не ошибиться. Точно, это он. Как только «мерседес» остановился, Али пошел ему навстречу, наставив сначала дулу на водительское место, чтобы автомобиль не умчался, а

потом и на место переднего пассажира, чтобы обезвредить телохранителя, и стрелял короткими очередями. Но ровно в этот самый момент из-за угла дома через улицу появился еще один человек в маске, и тоже, из двух пистолетов, открыл огонь по машине. Этот неизвестный в маске был тут же подстрелен ответным огнем, который велся из задней части автомобиля. Али, уже подходя совсем близко, пустил очередь на второй ряд сидений, откуда раздались выстрелы. Все вдруг стихло. Ему было интересно узнать, кем является этот человек в маске, но, кем бы он ни был, он ему точно был не опасен, и поэтому Али решил сначала убедиться, что в машине все мертвы. Через разбитые стекла передних дверей он ясно увидел два окровавленных тела водителя и телохранителя. Телохранителя он узнал сразу – им был Итальянец. Они оба, вне всякого сомнения, были мертвы. Потом он осторожно открыл заднюю дверь, и замер от ужаса и удивления. В салоне, весь в крове, на него в спокойном недоумении смотрел Умар, который, тяжело дыша, сказал:

– А ты неплохо стреляешь, братишка.

Шок, растерянность, осознание, что он застрелил своего друга и, самое ужасное, что этот друг мог быть причастен к тем убийствам – все это не позволяло Али прийти в себя и поверить и принять случившееся.

Умар, тем временем, продолжил: – А теперь, прежде чем я умру, объясни мне, что здесь происходит, а то я не хочу умереть, как твой враг.

– Он убил Исмаила и Артура, отца Тимура, – сказал Али, находясь между огромным гневом и не менее огромным сожалением, не зная точно, какому чувству ему следует предаться.

–Извини, я не знал, – сказал Умар с трудом. – Честно. Если бы ты мне сказал, я бы сам его... Хотя, ты не мог мне сказать. Он меня отправил подальше, на целую неделю, и забрал у меня телефон... И теперь я понимаю, зачем. – Тут он посмотрел на лежащего между сидениями и дрожащего от страха мужчину, который, приподняв голову, пытался что-то объяснить. На вид ему было около шестидесяти лет. – Это точно он? – спросил Умар.

Лицо Али вдруг исказилось от душевной боли. Молча кивнув в ответ, он тут же в ярости направил автомат на Белого – именно под этим именем был известен заказчик убийства его дяди, который сейчас забился между передними и задними сидениями – и хотел нажать на курок, но Умар остановил его в последний момент, сказав:

– Нет! Позволь мне, пожалуйста.

Али, со стекающими по лицу слезами, опустил от злости дрожащий в руках автомат. И Умар послал в голову только что им спасенному шефу три оставшиеся у него в магазине пули.

Тихо, глотая слезы, Али припал к умирающему от его же пуль другу и обнял его.

– Извини! Извини меня! – восклицал он, крепче прижи-

мая к груди Умара. – Тебя же не было в этой машине. Тебя в ней не должно было быть.

Али два дня следил за Белым. И ни разу не заметил с ним Умара. Это потому, что Умар, по весьма странному поручению своего шефа, почти всю последнюю неделю сидел на даче в Тульской области и следил за одним соседским домом. Перед этим Белый попросил у него телефон, сказав, что это необходимо в целях их собственной безопасности, и дал Умару телефон без выхода в интернет, по которому он мог связаться с ним в любое время. Белый, зная о его дружбе с Али, специально, оградив от внешнего мира, отправил Умара подальше, пока Исмаил не будет отстранен. Умар лишь днем ранее прибыл в Калугу, и сейчас, при въезде в этот город Белого, присоединился к ним. К тому же Али и не знал, что Умар нанялся работать телохранителем именно к этому человеку.

– Я тебя отвезу в больницу, – быстро проговорил Али.

– Нет, – сказал Умар.

– Тогда Витя! Точно, он тебя спасет. Мы успеем!

Как только Али, сказав это, дернулся, чтобы сесть за руль, Умар схватил его за руку и сказал: – Послушай мен, Али, теперь никакой Витя не поможет. Теперь уже никто не поможет.

– Ну хотя бы в больницу...

– Нет! – запротестовал Умар. – Не спорь со мной. Все кончено. – Умар постарался взглянуть в другую сторону и спро-

сил:

– Кто это там с тобой? Я его, кажется, пристрелил... Кто это был?

Али только сейчас вспомнил о неизвестном ему втором нападавшем. «Не знаю» – ответил он как-то растерянно, боясь подтверждения своих самых худших опасений. Этими же опасениями был встревожен и Умар. Али с трудом встал и направился к раненому.

Как только Али и неизвестный в маске почти одновременно открыли огонь по машине, Умар прислонил Белого низко между сидениями и выстрелил в того, кто был в маске. После Умар сразу же направил пистолет на Али, который, стреляя в водителя и переднего пассажира, уже вошел в круг света. В последнюю секунду перед выстрелом, угадав в нападающем черты друга, Умар замешкался, и в следующем мгновении Али дал по нему очередь, отправив четыре пули в его тело.

Когда Али подошел к лежащему в маске, тот слегка корчился от боли и тяжело дышал. Выбив ногой пистолет из руки раненого, Али стянул с него маску. В этот момент ему показалось, что он сейчас потеряет сознание. Это был Тимур.

28

Когда, в вечер убийства Исмаила, Али сидел в гостиной, вслушиваясь в заунывный плач Амины из другой комнаты, у него в кармане зазвенел телефон. Когда, приняв вызов, он

приложил трубку к уху, мужской голос на другом конце сказал: «Хотите знать, кто это сделал?». – «Хочу» – ответил Али просто. «Выйдете через полчаса, поверните направо и идите прямо вдоль улицы до самого перекрестка, там заверните налево и далее до аптеки. Возле нее мы и встретимся», – незнакомец положил трубку. Али посмотрел на время и ровно через полчаса прошел к указанному месту. Вскоре рядом с ним остановилась машина, открылась передняя пассажирская дверь и из салона послышалось: «Садитесь». Али сел.

– Вам незачем знать ни то, кто я, ни как меня зовут, – начал сразу водитель, кроме которого в машине никого больше не было, трогаясь с места.

Это был делового вида мужчина лет сорока пяти – пятидесяти. К криминальным кругам или к органам власти его нельзя было отнести. И он почему-то внушал Али доверие.

– Для вас я лишь человек, – продолжал водитель, – который сообщит вам имя убийцы вашего дяди и отца вашего друга. Но если вам непременно хочется как-то меня называть, то зовите меня Владимир.

– Я слушаю, – сдержанно сказал Али.

Владимир попросил Али открыть бардачок и достать оттуда белый конверт. Али взял конверт и заглянул во внутрь. Там лежала «флешка»

– В криминальных кругах он известен под именем «Белый». Его так прозвали из-за пристрастия к кокаину. На этой «флешке» хранится вся необходимая информация о нем,

вместе с доказательствами о его причастности к этим убийствам. Далее нам даже говорить ни о чем не нужно. Просмотрев материал, вы сами все поймете.

Сказав это, Владимир остановился на обочине следующей улицы и посмотрел на Али, как бы давая понять, что разговор окончен.

– Слушай, ты, – в голосе Али звучало решительность и спокойствие, – мне плевать как тебя зовут и чем ты занимаешься. Мне данные об убийце дяди нужны не ради простого интереса. Подделать информацию в наше время не проблема. Так что, будь любезен, объясни мне все, чтобы у меня не возникло никаких к тебе вопросов.

Представившийся Владимиром ехидно улыбнулся и, немного помолчав, словно решая какую-то задачу, вырулив машину к проезжей части и, продолжая путь, сказал:

– Хорошо, я вам все объясню. Вам, наверное, интересно знать, кто я, что мне от вас нужно, зачем помогаю и, последнее, почему не передал этот конверт полиции. Я вас верно понял?

– Именно так!

– Понимаете, – начал Владимир, – мы организация финансовая, а не преступная, и деятельность наша весьма отягощена бременем дани, которым нас обложил этот человек. Если же мы обратимся в полицию, то от нее он может откупиться. Если же его все-таки посадят, то он рано или поздно все равно выйдет. Да и вообще, он и из тюрьмы может

свободно продолжить делать то, что делает сейчас. Ну и, самое главное, – тут Владимир понизил голос и, слегка наклонившись к Али, произнес: – у полиции нет понятия кровной мести, как у вашего народа. А последний вариант, как видно из сказанного мною выше, для нас более чем желанен. В итоге, мы избавимся от проблемы чужими руками, и сами при этом будем чисты. Если вы пожелаете его убрать, то мы не будем ни заказчиками, ни исполнителями. Более того, мы даже не будем теми, кто вас об этом попросил. Мы лишь даем вам информацию, а как с ней поступать – это уже вам решать. Так вот, мы чисты, а вы исполните свой древний обычай. К тому же, нам известно, сколь многим вы обязаны своему покойному дяде... Да-да, —сказал он, поймав вопросительный взгляд Али, – мы немножко подготовились, прежде чем предоставить вам такую информацию.

– Что именно на этой «флешке»? И если то, что на ней хранится, действительно доказывает причастность этого Белого к убийству моего дяди и его друга, то откуда у вас эти материалы?

– Мы не так давно наняли профессионалов, которые установили жучки у него дома и в его машине, взломали его телефон и почту. Таким образом, нам почти всегда известно, где он бывает, чем занимается, с кем и о чем говорит. Сделали мы это для того, чтобы, в крайнем случае, у нас на него имелся компромат.

– Значит, вы заранее знали, что он планирует эти убий-

ства, но ждали, пока он осуществит задуманное, чтобы потом прийти ко мне с этой «флешкой». Я верно понял? – спросил Али раздраженно.

– Не совсем так. Видите ли, такие дела не обсуждаются в открытой форме. Было известно, что он что-то затеял, но что именно – угадать было невозможно. К тому же, он ни разу не произнес имя убитого. Всегда называл его как-то иначе. И поэтому нам было трудно определить, о ком именно речь. И только после того, как это случилось, и по тому, что он говорил далее, как радовался и праздновал, стало известно, что планировал он именно это. Изучите, как говорится, вещдок, и вам самим все станет ясно. Здесь вы найдете его снимки, аудио, где он, косвенно, но достаточно понятно обсуждает план устранения вашего дяди. Для сомнений место не останется.

– Зачем ему нужно было это сделать? При чем тут Артур? И кто исполнитель?

– У них были старые счеты, к тому же он с давних пор был должен Исмаилу большую сумму денег. Но самое главное, по всей видимости, твой дядя располагал какой-то очень важной информацией, которая могла погубить жизнь Белого. Вот он и решил от него избавиться. А Артур оказался рядом с Исмаилом в тот день по чистой случайности. Он заехал утром к Исмаилу и, узнав, что тот куда-то направляется, решил поехать вместе с ним. Куда и зачем они ехали – мне неизвестно. Исполнителем является ближайший телохрани-

тель Белого, который, по совместительству, еще и его личный киллер. Погоняло у него «Итальянец». Он обычно сидит спереди, рядом с водителем. Остальные телохранители у него довольно часто меняются.

Водитель замолчал. Али тоже ничего не говорил.

– Еще будут вопросы? – спросил его Владимир.

– Пока нет, – ответил Али.

– Если, – сказал водитель, прижимая машину к обочине, чтобы остановиться, – надумаете предпринять конкретные действия, то мы облегчили вам задачу, отметив места, где, когда и с какой периодичностью он бывает. И да, – добавил он, остановив машину, – я надеюсь, что данный разговор останется между нами, а содержимое этого конверта, после того, как вы с ним ознакомитесь, будет бесследно уничтожено.

Али, ничего не ответив, открыл дверь, но потому вдруг посмотрел на водителя и спросил:

– А Тимур знает?

– Пока еще нет.

– Так пусть и дальше не знает.

– Могу лишь пообещать, что в ближайшие три дня ему об этом ничего не будет известно, по крайней мере, от нас. Но а дальше... Сами понимаете, мы ведь тоже не зря работали.

Али молча вышел из машины, будучи уверенным, что трех дней ему будет вполне достаточно. Он надеялся решить это дело сам.

Он опоздал на два дня. На исходе третьего дня Тимур получил такую же «флешку», что и Али. И они оба, друг о друге ничего не зная, из всех возможных вариантов устранения Белого, решили выбрать именно этот. Белый, по сложившейся издавна традиции, раз в неделю приезжал в Калугу, чтобы отведать шашлык вместе со своими приятелями в базе отдыха на окраине этого городка. По пути он всегда останавливался возле этого магазина спиртных напитков, где для него хранилось особое вино или, если ему нужно было что-то праздновать, шампанское.

29

Али поднял с земли друга и потащил его к машине. Умар в это время сполз на асфальт и сел, прислонившись спиной к заднему колесу. Али положил Тимура рядом с Умаром, прислонив его спиной к «мерседесу», а сам сел напротив них. Они оба умирали, а Али уже был убит. Он не был ранен, но был убит душевно. Умар просил прощения у Тимура. Али, утирая слезы, объяснил Тимуру ситуацию и просил прощения у обоих.

– На все воля Божья, – наконец с трудом выдал Тимур. – Значит, так было суждено. И тебе, Али, незачем расстраиваться. И тебе тоже, Умар.

– Я за себя не переживаю, – сказал Умар. – Я-то давно ожидал такого конца. Но ты, брат, — обратился он к Тиму-

ру...

– Да брось, – ответил Тимур. – Сейчас не время рассуждать. Ни на кого я зла не держу. Напротив, я рад был вас знать. Спасибо вам обоим.

Тимур замолчал, чтобы набраться новых сил, а потом, обращаясь к Али и указывая на автомат, сказал:

– Дай его сюда.

И когда Али молча его ему протянул, он взял «Калаш» так, чтобы на нем остались его отпечатки, и сказал:

– А теперь уходи отсюда. Беги!

Али продолжал сидеть, как будто и не слышал ничего. Ему было абсолютно все равно, если сюда приедет полиция и арестует его. Ему этого даже хотелось.

Вдалеке послышалась сирена.

– Послушай, брат, – обратился к нему Умар. – От того, что тебе станет плохо, нам с Тимуром точно не будет хорошо. Уходи отсюда. Уходи и передай привет моей маме и сестре. Попроси у них за меня прощение... Да и вообще, присмотри за ними. Ты меня слышишь? Уходи! – крикнул на него Умар.

Просьба Умара присмотреть за его матерью и сестрой подарила Али смысл спастись.

Он встал, внимательно посмотрел на двух своих умирающих товарищей и сказал:

– Мы с вами еще увидимся, братья. Обязательно увидимся. Ассаляму алейкум!

Потом он развернулся и ушел.

Первым, минуто спустя, умер Тимур. А еще через несколько минут скончался и Умар.

ЭПИЛОГ

Неделю спустя, поздней ночью, сидя в московской квартире, Али дописал еще несколько страниц к своему произведению. Затем распечатал весь текст на принтере и положил стопку листов в рюкзак, куда также сунул и записную книжку, где он отображал все свои мысли, которые внезапно к нему приходили. Далее, удалив текст из компьютера, он собрал свои вещи и через полчаса вышел на улицу, где его в машине поджидал знакомый, с которым Али собрался поехать в Чечню.

Когда они въехали на один из столичных мостов через Москву-реку, Али попросил приятеля остановить машину. Затем он вышел, взяв с собой рюкзак, и подошел к перилам. Постояв так немного, он спокойно вынул из сумки стопку листов, на которых только и сохранился его текст, и с размаху швырнул эти листки в воду, вслед за которым отправил и свою записную книжку. Сотни страниц его мыслей и переживаний разлетелись в воздухе и мерно, небольшими белыми пятнами, опускались на поверхность текучей воды. Он стоял, наблюдая, как река уносит во тьму его беспросветное прошлое, о котором он хотел поскорее забыть. Али понял, что если эти тексты станут изданной книгой, читаемой другими, то оно, это прошлое, никогда не уйдет, что оно, проникая в головы других людей, всегда будет оставаться нена-

вистным для него настоящим.

Ему хотелось начать жизнь с чистого листа.

Потом он развернулся и пошел обратно. Сел в машину и сказал: «Поехали».

Исмаил завещал Али квартиру, в которой он жил на время учебы, и еще сто тысяч долларов. Все эти деньги Али отдал матери Умара, сказав, что ее сын копил их честным трудом. «Он попросил меня, на случай, если с ним что-нибудь случиться, передать их вам», – пояснил он. Далее Али довольно часто их навещал.

Семье Исмаил, помимо значительной суммы денег, оставил большой участок земли в элитном районе на окраине Москвы, квартиру, в которой они жили, и несколько магазинов. Сацита, более не желая жить в России, все это имущество распродала и, вместе с детьми, уехала во Францию к сестре. Али тоже продал завещанную ему квартиру, и на вырученные деньги купил жилье в Грозном и построил уютный домик с камином рядом с хижинкой Халида. Также он обзавелся небольшим стадом овец и, конечно же, приобрел породистого вороного жеребца, которого назвал Буяном. Через полгода они с Миланой поженились.